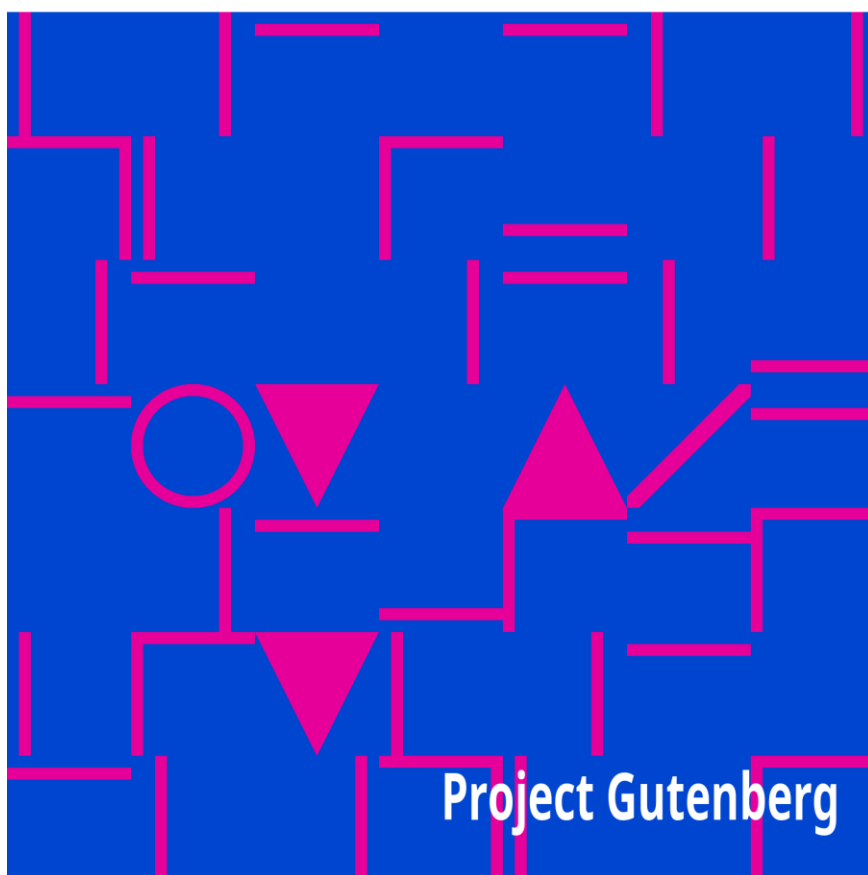

Древний Египет евреев и Геродота

А. Г. Сейс

The Egypt of the Hebrews and Herodotos

A. H. Sayce

The Project Gutenberg eBook of The Egypt of the Hebrews and Herodotos.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или использовать повторно на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или в режиме онлайн на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Египет Евреев и Геродота

Автор: А. Г. Сейс

Дата выхода: 12 февраля 2012 [eBook #38843]

Язык: Английский

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK THE EGYPT OF THE HEBREWS AND HERODOTOS ***

Египет Евреев и Геродота

The Rev. A. H. Sayce

Профессор ассириологии в Оксфорде

Лондон

Rivington, Percical & Co.

1895

Содержание

- Предисловие
- Глава I. Патриархальный век.
- Глава II. Эпоха Моисея.
- Глава III. Исход и поселение евреев в Ханаане.
- Глава IV. Эпоха израильских монархий.
- Глава V. Эпоха Птолемеев.
- Глава VI. Геродот в Египте.
- Глава VII. По следам Геродота.
- Глава VIII. Мемфис и Файюм.
- Приложения.
- Приложение I.

- Приложение II. Библейские даты.
- Приложение III. Греческие писатели о Египте.
- Приложение IV. Археологические экскурсии в Дельте.
- Указатель.
- Сноски

[pg vii]

Предисловие

Несколько слов предисловия необходимы для того, чтобы оправдать добавление еще одного вклада в избыточную массу литературы, предметом которой является Египет. Она призвана дополнить книги, уже имеющиеся в руках туристов и студентов, и представить им именно ту информацию, которая либо не является легкодоступной, либо является частью более крупных и объемных работ. Путешествия Геродота по Египту впервые рассматриваются в свете последних открытий, а история взаимоотношений между египтянами и евреями доведена до эпохи Римской империи. Поскольку обычные истории Египта, которыми пользуются путешественники, заканчиваются с исчезновением родных фараонов, я далее дал очерк периода Птолемеев. Кроме того, я особо отметил результаты недавних раскопок и открытий, сделанных Исследовательским фондом Египта [pg viii] и профессором Флиндерсом Петри, во всех случаях, когда они имеют отношение к теме книги. Те, у кого нет публикаций Фонда или профессора Петри, или кто не желает везти их в Египет, будут, я полагаю, рады получить их суть в удобной форме. Наконец, в Приложениях я собрал информацию, которую часто хочет получить посетитель Нила, но которую он не может найти ни в одном из своих путеводителей. Приложение, посвященное номам, содержит результаты последних исследований, и поэтому его список будет местами отличаться от списков, опубликованных в других изданиях. Тем, кто желает получить помощь карт, следует приобрести очень удобный и полный Атлас Древнего Египта, изданный Фондом исследования Египта (цена 3s. 6d.). Благодаря ему добавление карт к этой или любой другой будущей работе о Древнем Египте станет излишним.

В наши дни активных исследований открытия следуют одно за другим так густо, что [pg ix] автору невозможно идти в ногу с ними. После того как моя рукопись была готова к печати, доктор Навилл от имени Египетского общества пообещал, что она не будет успевать за ними. Навиль от имени Фонда исследования Египта практически расчистил великолепный храм царицы Хатшепсу в Дэр-эль-Бахари и обнаружил под ним недостроенную усыпальницу, в которую царица с нежностью надеялась положить свое тело; Профессор Петри раскопал в пустыне за Заведехом и напротив Куфта гробницы варварских племен, вероятно, ливийского происхождения, которые поселились в долине Нила между падением шестой и возвышением одиннадцатой династии; г-н де Морган раскопал больше драгоценностей. де Морган обнаружил больше драгоценностей изысканной работы из гробниц принцесс двенадцатой династии в Дахшуре; а доктор Ботти обнаружил место Серапеума в Александрии, впервые получив точку, важную для определения топографии древнего города.

Люди, чьи останки были найдены профессором Петри, хоронили своих мертвых в открытых [pg x] , расположенных в центральном дворе. Но самое интересное его открытие - это длинные подземные ходы, некогда облицованные каменной кладкой и оборудованные нишами для светильников, где совершались мистерии Сераписа. У входа в один из них благочестивые посетители святилища нацарапали свои обеты на каменной стене. Тем, кто заинтересовался этим открытием, следует ознакомиться с мемуарами д-ра Ботти "Александрийский акрополь и Серапий", представленными Александрийскому археологическому обществу 17 августа 1895 года.

Два или три других недавних открытия также могут быть упомянуты здесь. Вавилонская печать-цилиндр, хранящаяся сейчас в Музее Метрополитен в Нью-Йорке, наконец-то дала мне ключ к разгадке родного дома гиксосских вождей. Это было в горах Элама, на восточной границе Халдеи. Именно с этих гор Касси спустились в Вавилонию и основали там династию, которая просуществовала почти 600 лет, и то же движение, которое привело их в Вавилонию, возможно, [pg xi] направило другие их группы через Западную Азию в Египет. В любом случае, надпись на печати показывает, что она принадлежала некоему Узи-Сутаху, "сыну кассита" и "слуге Бурна-бурьяса", который был касситским царем Вавилонии в эпоху переписки Тель-эль-Амарны. Поскольку перед именем Сутах стоит определитель божественности, очевидно, что перед нами имя гиксосского божества Сутеха.

На иероглифической стеле, недавно обнаруженной в Саккаре и хранящейся в музее Гизе, мы читаем о более ранней параллели с тирийским лагерем в Мемфисе, которую видел Геродотос. Из стелы мы узнаем, что во времена царя Аи, в последние дни восемнадцатой династии, в Мемфисе уже существовал подобный "лагерь" или квартал, который был приписан хеттам. Надпись также интересна тем, что показывает, что власть Аи была признана в Мемфисе, столице Северного Египта, а также в Фиваиде.

Наконец, профессор Хоммель, кажется, [pg xii] обнаружил имя Заккура или Заккала, родственников и соратников филистимлян, в разбитом клинописном тексте, относящемся к одному из касситских царей Вавилонии незадолго до эпохи Ху-н-Атена. Здесь упоминается не только город Арка в Финикии, но и город Заккалу. В Заккалу мы должны узнать Заккура египетской истории. Я могу добавить, что Хар или Хал, название, данное египтянами южной части Палестины, профессор Масперо отождествляет с хоритами Ветхого Завета.

В заключение мне остается сказать, что те, кто хочет прочитать подробный рассказ о том, как был поднят огромный колосс Рамзеса II в Мемфисе и захоронена его статуя-компаньон, должны обратиться к статье, опубликованной самим майором Артуром Х. Багнольдом в "Трудах Общества библейской археологии" за июнь 1888 года.

A. H. Sayce.

October 1895.

[pg 001]

Глава I. Патриархальная эпоха.

"Аврам сошел в Египет, чтобы поселиться там". Когда он пришел в эту страну, цивилизация и монархия Египта уже были очень древними. Пирамиды были построены за сотни лет до этого, а происхождение Сфинкса уже было загадкой. Даже огромный обелиск в Гелиополе, который до сих пор является объектом послеобеденной прогулки туриста в Каире, уже давно стоял перед храмом бога Солнца.

Памятники Вавилонии позволяют нам определить эпоху, к которой принадлежит Авраам. Ариох из Элласара оставил о себе память на кирпичях Халдеи, и теперь мы знаем, когда он и его эламиты были изгнаны из Вавилонии, а [pg 002] вавилонские государства объединены в единую монархию. Это произошло в 2350 году до нашей эры.

Объединенная монархия Египта возникла гораздо раньше. Менес, ее основатель, был царем Эт (или Гиргех) в Верхнем Египте и, начав со своих родовых владений, сумел подчинить себе весь Египет. Но память о более раннем времени, когда долина Нила была разделена на две отдельные державы, сохранилась до последнего времени существования монархии. До последнего фараона Египта называли себя "царями двух земель" и носили на голове короны Верхнего и Нижнего Египта. Корона Верхнего Египта представляла собой тиару из белого льна, а Нижнего - тронный головной убор красного цвета. Двойная корона была символом императорской власти.

Менесу приписывают строительство Мемфиса, столицы объединенного царства. Считается, что он возвел большую дамбу, которую Линан де Беллефонд отождествляет с дамбой Кошейш близ Кафр-эль-Айята, и тем самым отвлек Нил от его древнего русла под Ливийской равниной. На том основании, что он таким образом присоединил западный берег реки, была возведена его новая столица.

Мемфис - это греческая форма старого египетского Мен-нефер или "Хорошее место". Конечное "р" в египетском произношении было отброшено в ранние времена, и [pg 003] таким образом возникли еврейские формы этого имени, Моф и Ноф, которые мы находим в Ветхом Завете,¹ а само слово "Мемфис" - Мимпи в клинописных надписях Ассирии - имеет такое же происхождение. В древнеегипетские времена его называли Анбу-хез, "белая стена", от большой кирпичной стены, покрытой белой штукатуркой, которая окружала его и от которой до сих пор сохранились следы на северной стороне старой площадки. Здесь фрагмент древнего укрепления все еще возвышается над курганами города; толщина стены составляет много футов, а высушенные на солнце кирпичи, из которых она сложена, скреплены стеблями пальм.

Посреди курганов находится большая и глубокая впадина, которая большую часть года заполнена водой. Это место священного озера, которое было при каждом египетском храме, и в котором жрецы купались и омывали сосуды святилища. Не так давно здесь стоял огромный колосс из известняка, изображавший Рамзеса II из девятнадцатой династии и подаренный египетским хедивом британскому правительству. Но он был слишком тяжел и громоздок для современных инженеров, чтобы перевезти его через море, и поэтому остался лежать с запрокинутым лицом в грязи и воде древнего озера, став добычей [pg 004] первого, кому понадобился каменный карьер. Только после английской оккупации Египта он был поднят майором Багнольдом и надежно помещен в деревянный сарай. Пока его поднимали, был обнаружен другой колосс того же фараона, меньшего размера, но лучшей работы, и его подняли за пределы досягаемости наводнения.

Эти две статуи когда-то стояли перед храмом бога Птаха, которого греки отождествляли со своим божеством Гефестосом без всякой причины, кроме сходства имен. Храм Птаха был ровесником самого города Мемфиса. Когда Менес основал Мемфис, он одновременно основал и храм. Он был центром и славой города, который находился под защитой своего бога. Фараон за фараоном украшали и расширяли его, а жрецы составляли одну из самых могущественных организаций в царстве.

Храм Птаха, Творца, дал Мемфису священное имя. Это был Ха-ка-Птах, "дом двойного (или духовного) облика Птаха", в котором доктор Бругш видит оригинал греческого Aigyptos.

Но слава храма Птаха давно канула в Лету. Поклонение его богу прекратилось навсегда, когда Феодосий, римский император, [pg 005] закрыл его ворота, и запретил впредь публично исповедовать в империи любую другую религию, кроме христианской. Вскоре после этого Египет был завоеван магометанами. Мемфис был опустошен, а изваянные камни древнего святилища послужили для строительства дворцов и мечетей новых владык страны. Из руин храма Птаха были построены Фостат и Каир. Но работа по разрушению затянулась. Уже в двенадцатом веке арабский писатель Абд эль-Латиф описывает чудесные реликвии прошлого, которые еще сохранились на месте Мемфиса. Колоссальные статуи, основания гигантских колонн, часовня, сложенная из одного каменного блока и называемая "зеленой камерой", - вот некоторые из чудес древнего искусства, которыми вынужден был любоваться путешественник.

История Египта, как мы уже видели, начинается с отчета об инженерном подвиге высочайшего масштаба. Это подходящее начало для истории страны, которая была вырвана человеком из вод Нила и чье существование даже сейчас зависит от успешных усилий инженера. За пределами этой единственной записи история Менеса и его ближайших преемников практически пуста. Никаких датированных памятников первой династии до сих пор не обнаружено. Возможно, как считают многие египтологи, Сфинкс старше [pg 006] самого Менеса; но если это так, то это странное изображение, высеченное из скалы, которая, возможно, когда-то вдавалась в поток Нила, все еще хранит тайну своего происхождения в своей груди. Мы знаем, что оно уже было там во времена Хефрена из четвертой династии; но дальше мы ничего не знаем.

От второй династии сохранилась датированная запись. Почти первым подарком, полученным Эшмоловским музеем в Оксфорде, был камень перемычки древнеегипетской гробницы, привезенный из Саккары, некрополя Мемфиса, доктором Гривзом в конце семнадцатого века. Когда более века спустя иероглифы на ней были прочитаны, выяснилось, что она принадлежала усыпальнице некоего Шери, который был "пророком" двух фараонов - Сенда и Пер-аб-сена. О Пер-аб-сене не сохранилось никаких других записей, но имя Сенда давно известно как имя царя второй династии.

Остальная часть гробницы Шери, насколько она сохранилась, сейчас находится в музее Гизе. Спустя годы после того, как была расшифрована надпись на фрагменте в Оксфорде, Мариэтт обнаружил нижнюю часть гробницы. Как и камень-перемычка в Ашмолеанском музее, она украшена скульптурами и иероглифами. Уже тогда, как мы узнаем из нее, иероглифическая система письма была завершена, [pg 007] иероглифы использовались не только для обозначения идей и выражения слогов, но и в алфавитном порядке. Имя самого Сенда пишется буквами алфавита. Искусство памятника, хотя и не равное тому, которое преобладало несколькими поколениями позже, уже развито, а тексты показывают, что религия и организация империи были уже старыми. В эпоху второй династии, во всяком случае, мы далеко ушли от зарождения египетской цивилизации.

Со Снефру, первым царем четвертой династии, или, по другому мнению, последним царем третьей, мы вступаем в монументальную историю Египта. Памятники Снефру можно найти не только в Египте, но и в пустынях Синай. Там для него разрабатывали медные и малахитовые рудники, а египетский гарнизон охранял бедуинские племена. В Египте, как теперь точно доказано раскопками профессора Петри, он построил пирамиду Медума, одну из самых больших и поразительных пирамид. Вокруг нее располагались гробницы его вельмож и жрецов, из которых происходят некоторые из самых прекрасных произведений искусства, хранящихся в музее Гизе.

Например, расписанные известняковые статуи Ра-Нефера и его жены Неферт - одни из лучших существующих образцов древнеегипетского мастерства. [pg 008] Это явно реалистичные портреты, выполненные с деликатностью и отделкой, которые могли бы вызвать зависть у современного художника. Характер и даже происхождение мужа и жены дышат через их черты. Если в одном мы видим сильную волю и твердый здравый смысл самодостаточного человека, то в другом можно проследить культуру и утонченность королевской принцессы.

Пирамиды Гизе - нетленная летопись четвертой династии. Хуфу, Хаф-Ра и Мен-ка-Ра, Хеопс, Хефрен и Микеринос Геродота, были строителями трех огромных усыпальниц, которые благодаря своим размерам и близости к Каиру так долго были объектом паломничества путешественников. Огромные гранитные блоки Великой пирамиды Хуфу были вырезаны и подогнаны друг к другу с удивительной точностью. Профессор Петри обнаружил, что стыки обтесанных камней площадью около тридцати пяти квадратных футов каждый были не только обработаны с точностью, не уступающей современному оптику, но даже скреплены цементом. "Хотя камни были подогнаны друг к другу на расстояние 1/500 дюйма или, фактически, соприкасались, а среднее отверстие в стыке составляло 1/50 дюйма, строителям удалось заполнить стык цементом, несмотря на его большую площадь и вес камня, который нужно было переместить - около шестнадцати тонн. Просто установить такие [pg 009] камни в точном контакте по бокам было бы аккуратной работой; но сделать это с цементом в швах кажется почти невозможным" ².

Профессор Петри считает, что камни были вырезаны трубчатыми сверлами, оснащенными ювелирными остриями, - способ резки камня, который был заново открыт лишь в XIX веке. Линии, нанесенные на камень сверлами, можно наблюдать до сих пор, и есть свидетельства того, что вращался не только инструмент, но и камень. Огромное давление, необходимое для того, чтобы с требуемой скоростью проталкивать сверла и пилы сквозь глыбы гранита и диорита, действительно удивляет. Оно заставляет вспомнить о высоких механических знаниях, достигнутых египтянами в четвертом тысячелетии до нашей эры, даже с большей силой, чем высота, на которую были подняты блоки. Однако механизмы, с помощью которых выполнялась эта последняя работа, до сих пор неизвестны.

Скульптурные и расписные стены гробниц, окружающих пирамиды Гизе, рассказывают нам кое-что о жизни и цивилизации того периода. Правительство представляло собой высокоорганизованную бюрократию под руководством царя, который уже считался представителем Бога-Солнца на земле. Земля была населена трудолюбивым народом, в основном занимавшимся сельским хозяйством, который жил в мире и изобилии. Культивировались искусства [pg 010] и ремесла всех видов, в том числе и изготовление стекла. Искусство скульптора достигло высокого совершенства. Одной из самых ярких статуй в мире является статуя Хаф-Ра, восседающего на своем императорском троне, которая сейчас находится в музее Гизе. Фигура царя более чем в натуральную величину; над его головой расправляет крылья имперский ястреб, а на лице царя, хотя черты носят

безошибочный отпечаток портрета, лежит аспект божественного спокойствия. И все же эта статуя с ее живым портретом и изысканной отделкой высечена из диоритовой породы, самого твердого из твердых камней.

Четвертая династия мирно сменилась пятой и шестой. Культура и культивирование достигли еще большего прогресса, а искусство живописца и скульптора достигло своего апогея. Те, чьи знания о египетском искусстве почерпнуты из европейских музеев, не имеют представления о том совершенстве, которого оно достигло в этот отдаленный период. Твердое и кристаллизованное искусство более поздних эпох существенно отличалось от искусства ранних династий. Деревянная фигура "Шейха эль-Беледа" - стройного и зажиточного фермера, который благодушно взирает на свои плодородные поля и укомплектованную ферму, - одно из самых благородных произведений человеческого гения. И все же оно относится к эпохе пятой или шестой династии, как и картины в низком рельефе, напоминающие изысканную вышивку по камню, [pg 011] которые покрывают стены гробниц Ти и Птах-Хотепа в Саккаре.

Первые шесть династий составляют то, что египтологи называют Старым царством. Они закончились с царицей Нит-акер (греч. Nitôkris), и Египет погрузился во внезапное затмение. На несколько столетий он скрывается от глаз истории. Сохранилось лишь несколько царских имен; других записей пока нет. Что случилось со страной и ее правителями, мы не знаем. Было ли это иностранное вторжение, или гражданская война, или внутренний упадок правительства, несомненно, что бедствие на некоторое время омрачило долину Нила. Возможно, причиной тому были варварские племена, чьи гробницы профессор Петри недавно обнаружил в пустыне напротив Куфта, и которые, по его мнению, были ливийского происхождения. При десятой династии снова начинает светать. Мистер Гриффит показал, что по крайней мере некоторые из гробниц, вырубленных в скалах за Сиутом, относятся к этой эпохе, и что Ка-мери-Ра, чье имя встречается в одной из них, был царем десятой династии. Фрагментарная надпись, которая до сих пор прослеживается на стенах гробницы, похоже, повествует об успешном подавлении гражданской войны.

Одиннадцатая династия возникла в Фивах, ее основатели были наследственными вождями. Она знакомит нас с так называемой Средней империей. Но Египет [pg 012] Среднего царства уже не был Египтом Старого царства. Эпоха великих строителей пирамид прошла, и место пирамиды прежней эпохи начинает занимать высеченная в скале гробница. Мемфис перестал быть столицей страны, центр власти переместился в Фивы и на юг. Искусство, процветавшее в Мемфисе, было вытеснено искусством, с которым нас знакомят наши музеи. Кроме того, с переносом власти с севера на юг изменилась и египетская религия. Птах из Мемфиса и Ра из Гелиополя вынуждены были уступить место Амону, богу Фив. Бог дома новых фараонов теперь занимает место во главе пантеона, а более древние боги севера все больше и больше отходят на второй план.

Египет Средней империи был разделен между несколькими великими князьями, которые получили свою власть и имущество по наследству и напоминали великих лордов феодальной эпохи. Фараон поначалу был не более чем вождем среди равных себе. Но когда скипетр перешел в энергичные руки царей двенадцатой династии, влияние и власть феодальных князей все больше и больше ущемлялись. Твердое правление внутри страны и успешные походы за границу восстановили верховную власть фараона и сделали его [pg 013], возможно, в большей степени, чем когда-либо прежде, богоизбранным самодержцем.

Войны двенадцатой династии распространили египетское господство далеко на юг. Военная организация Средней империи действительно была ее самым ярким контрастом по

сравнению со Старой империей. Египет первых шести династий был самодостаточным и мирным. Время от времени совершалось несколько набегов на негров к югу от Первого катаракта, но только ради получения рабов. Идея распространить египетскую власть за пределы естественных границ Египта до сих пор не возникала. Фараоны Старой империи не нуждались в армии и, соответственно, не имели ее. Но с появлением Средней империи все изменилось. Египет перестал быть изолированным: его история отныне будет частью истории всего мира. Однако внешние войны и организация сильного правительства внутри страны не поглощали всю энергию двора. Возводились храмы и обелиски, покровительствовалось искусство, а создание Файюма, благодаря которому Египет получил большой участок плодородной земли, не только доказало высокое инженерное мастерство эпохи двенадцатой династии, но и послужило основанием для благодарности ее создателю, Амону-эм-хату III, со стороны всех последующих поколений.

Тринадцатая династия пошла по стопам [pg 014] своего предшественника. Нам известны имена более ста пятидесяти царей, принадлежавших к ней, а их памятники разбросаны от одного конца Египта до другого. Четырнадцатая династия закончилась катастрофой. В Египет вторглись азиатские орды, и род родных фараонов на некоторое время прервался.

Египетский историк Мането назвал захватчиков гиксосами или князьями-пастухами: на памятниках они известны как ааму или "азиаты". Поначалу, как нам рассказывают, их продвижение было отмечено резней и разрушениями. Храмы осквернялись и низвергались, города сжигались в огне. Но через некоторое время более высокая культура завоеванного народа одержала верх над завоевателями. Среди захватчиков появился царь, который вскоре перенял прерогативы и состояние фараонов. Пятнадцатая, шестнадцатая и семнадцатая династии были гиксосскими.

Недавние открытия доказали, что в свое время владения гиксосов простирались если не до первого катаракта, то уж точно далеко на юг от Фив. Их памятники были найдены в Гебелене и Эль-Кабе. Постепенно, однако, туземные князья восстановили свою власть в Верхнем Египте. Пока семнадцатая династия гиксосов царствовала в Зоане, или Танисе, на севере, семнадцатая египетская династия правила в Фивах. Но фиванские князья пока не осмеливались претендовать на императорский [pg 015] титул. Они по-прежнему признавали верховенство иностранного фараона.

Война за независимость разразилась в правление гиксосского царя Апопи. Согласно египетской легенде, Апопи послал гонцов к фиванскому князю, чтобы тот поклонился не какому-нибудь другому богу, а Баал-Сутеху, гиксосскому божеству. Но фиванский Амон-Ра отомстил за нанесенное ему бесчестье и подстрекнул своих поклонников к успешному восстанию. На протяжении пяти поколений продолжалась война, которая закончилась полным изгнанием чужеземцев. Сначала Южный Египет восстановил свою независимость, затем пал Мемфис, и, наконец, гиксосские завоеватели были изгнаны из Зоана, своей столицы, и заключены в крепость Аварис на границе Азии. Но и здесь они не убереглись от мстительной руки египтян. Ахмес I, основатель восемнадцатой династии, изгнал их из последнего убежища и преследовал в Палестине.

Страна, пославшая свои полчища на завоевание Египта, теперь, в свою очередь, была завоевана египтянами. Война перекинулась в Азию, и борьба за независимость превратилась в борьбу за империю. При фараонах восемнадцатой династии Египет впервые в своей истории стал великим военным государством. Армия за армией [pg 016] выходила из ворот Фив и приносила в страну трофеи всего известного мира. И Эфиопия, и Сирия ощутили на себе натиск египетских армий и были вынуждены склонить шею перед египетским

владычеством. Ханаан стал египетской провинцией, египетские гарнизоны были установлены на крайнем севере на границах хеттских племен, а границы империи фараона были раздвинуты до берегов Евфрата.

Вероятно, Авраам попал в Египет только после завоевания гиксосов. Но до возвышения восемнадцатой династии египетская хронология неясна. Приходится вести летоисчисление по династиям, а не по годам. Согласно Манефо, Старое царство длилось 1478 лет, и значительный интервал должен быть оставлен для беспокойных времен, которые протекли между его падением и началом Среднего царства. Из Туринского папируса - списка египетских царей и династий, составленного во времена Рамзеса II, но ныне, увы, сохранившегося во фрагментах, - мы узнаем, что десятая династия просуществовала 355 лет и 10 дней, одиннадцатая - 243 года. Продолжительность правления двенадцатой династии известна из памятников (165 лет 2 месяца), а тринадцатая, с ее более чем ста пятьюдесятью царями, не могла быть короткой. Как долго продолжалось правление гиксосов, сказать трудно. Африкан, [pg 017] цитирующий Мането, как показал профессор Эрман, считает, что 953 года, с чем согласуется и фрагмент, процитированный Иосифом из египетского историка. В этом случае завоевание Египта гиксосами произошло бы около 2550 года до НАШЕЙ ЭРЫ.

К сожалению, оригинальный труд Манефо утрачен, и мы зависим от более поздних авторов, большинство из которых пытались согласовать его хронологию с хронологией Септуагинты. Если вспомнить, что числовые показатели подвергались искажениям при прохождении через руки переписчиков, становится ясно, что мы не можем безоговорочно доверять манефонским числам в том виде, в котором они дошли до нас. Действительно, авторы, записавшие их, не всегда согласны друг с другом, и мы видим, что имена царей произвольно опускаются или продолжительность их правления сокращается, чтобы привести хронологию в соответствие с авторской. Двенадцатая династия царствовала 134 года по Евсевию, 160 лет по Африкану; реальная продолжительность ее правления составляла 165 лет, 2 месяца и 12 дней.

С помощью некоторых астрономических данных, предоставленных памятниками, д-р Малер, венский астроном, сумел определить точную дату правления двух самых известных монархов восемнадцатой и девятнадцатой династий, [pg 018] Тотмеса III и Рамзеса II. Тотмес III правил с 20 марта до н. э. 1503 по 14 февраля до н. э. 1449, а правление Рамзеса II длилось с 1348 по 1281 гг. до н. э. Дата правления Тотмеса III позволяет нам определить начало восемнадцатой династии примерно в 1570 году до н.э.

Династии Манефо были последовательными, а не одновременными. Этот факт стал одним из главных результатов раскопок и открытий Мариетта-паши. Старые попытки создать искусственные схемы хронологии, которые, однако, не удовлетворили никого, кроме их авторов, на основе предположения, что некоторые из династий правили вместе, теперь дискредитированы навсегда. Каждое новое открытие, сделанное в Египте и пополняющее наши знания о древнеегипетской истории, делает этот факт еще более определенным. Действительно, были эпохи, когда более одной линии царей претендовали на власть в долине Нила, но когда это происходило, Манефо выбирал то, что он или его власти считали единственной законной династией, и игнорировал все остальные. Из двух соперничающих друг с другом двадцать первых династий, до которых дошли памятники, списки Манефо признают только одну, а ассирийское правление в Египте в более поздний период игнорируется в пользу принцев Саиса, которые правили в то же время.

Если, таким образом, можно полагаться на длительность [pg 019] времени, приписываемого владычеству гиксосов в долине Нила, и если мы все еще будем придерживаться старой веры христианства и видеть в еврейском страннике в Египте Авраама, который боролся с Хедор-Лаомером и подвластными царями Вавилонии, то Авраам и Сара прибыли к их двору примерно через два века после поселения азиатских завоевателей в Дельте. Суд, несомненно, состоялся в Зоане, современном Санае. Здесь находилась столица гиксосов, а близость к азиатской границе Египта делала ее легкодоступной для путешественников из Палестины. В Книге Чисел (xiii. 22) говорится, что Хеврон был построен за семь лет до Зоана в Египте; возможно, именно строительство, о котором здесь идет речь, стало причиной того, что Зоан стал резиденцией власти гиксосов.

Миграция азиатов в Египет не была чем-то новым. На стенах одной из гробниц Бени-Хасана изображено прибытие тридцати семи ааму, или азиатов "из Шу", в шестой год правления Усертесена II. из двенадцатой династии. Под предводительством своего вождя Аб-ша они пришли с гор в пустыню, принесли с собой газелей, а также кохль для придворных дам. Четыре женщины в длинных ярких одеждах идут между группами бородатых мужчин, а двое детей везут в корзине на спине осла. Мужчины вооружены луками, [pg 020] их ноги обуты в сандалии, и они носят разноцветные одежды, которыми впоследствии прославился народ Финикии.

После завоевания гиксосов миграция азиатов, естественно, должна была значительно увеличиться. Между Северным Египтом и Палестиной, должно быть, существовало постоянное движение туда и обратно. Правители страны Нила теперь сами были азиатского происхождения, и не исключено, что при дворе фараона говорили на языке Палестины. В любом случае, эмигрант из Ханаана больше не был пришельцем и чужаком в "земле Хама". Его родные теперь были там верховными, и ему был обеспечен радушный прием, когда бы он ни решил прийти. Подданное население обрабатывало свои поля на благо своих иноземных господ, а выгоду делили между собой жители Ханаана. В случае голода Палестина теперь могла обратиться за поставками кукурузы к неизменной земле Египта.

Поэтому, если Авраам жил в эпоху, когда Северный Египет находился под властью гиксосских фараонов, для него, азиатского эмигранта в Ханаане, не было ничего более естественного, чем забрести в Египет, когда в Палестине не было кукурузы. Он просто следовал по следам той более масштабной азиатской миграции, которая привела к возвышению самих гиксосских династий.

[pg 021]

Однако есть одно утверждение, связанное с его пребыванием при дворе фараона, которое не согласуется с данными памятников. Нам рассказывают, что среди подарков, которыми осыпал его царь, были не только овцы, волы и ослы, но и верблюды. Верблюд был постоянным спутником азиатского кочевника. Насколько мы можем проследить историю бедуинов, его сопровождало животное, которое древние шумеры Вавилонии называли зверем, пришедшим из Персидского залива. Действительно, кажется, что именно бедуинам принадлежит заслуга приручения верблюда, насколько он вообще был приручен. Но египтянам он был практически неизвестен. Ни в иероглифах, ни на скульптурных и расписных стенах храмов и гробниц мы нигде не находим его изображения. Самое раннее упоминание о нем в египетских документах встречается в папирусе эпохи Исхода, и там оно носит семитское название камаил, древнееврейское гамаль.³ Натуралисты показали, что оно было завезено на северное побережье Африки только после начала христианской эры.

Тем не менее из этого не следует, что, поскольку верблюд никогда не использовался в Египте коренными жителями страны, он не был временами завезен туда [pg 022] кочевниками из Аравии и Палестины. Трудно представить себе арабскую семью, отправляющуюся в поход без вереницы верблюдов. А то, что верблюды действительно попадали в долину Нила, было доказано раскопками. Когда в 1851-54 годах Хекян-бей прокладывал шахты в нильском иле в Мемфисе для Лондонского геологического общества, он нашел, среди прочих останков животных, кости дромадеров.⁴

Имя фараона, которого посетил Авраам, нам не сообщается. Как и в других местах Бытия, царь Египта упоминается только по его официальному титулу. Этот титул "фараон" восходит к ранним временам монархии. Он представляет собой египетское Per-âa, или "Великий дом", и неоднократно встречается в надписях. Вся власть и управление исходили из королевского дворца, и, соответственно, как мы говорим о "Возвышенной Порте" или "Высоких Воротах", когда имеем в виду султана Турции, так и египтяне говорили о своем государе как о фараоне или "Великом Доме". По сей день короля Японии называют Ми-кадо, или "Возвышенные ворота".

То, что гиксосские принцы должны были принять титул своих предшественников на троне Египта [pg 023], не удивительно. Памятники показывают нам, насколько основательно они были египтизированы. Двор гиксосского фараона мало чем отличался, если вообще отличался, от двора местного фараона. Захватчики быстро перенимали культуру завоеванного народа, а вместе с ней его нравы, обычаи и даже язык. Самый известный математический трактат, который Египет оставил нам в наследство, был написан для гиксосского царя. Возможно, старый язык Азии сохранился, во всяком случае, на какое-то время, рядом с языком подвластного населения; но если это так, то его положение должно было быть таким же, как положение турецкого языка рядом с арабским в Египте во время правления Мухаммеда Али. В течение нескольких столетий гиксосов можно было назвать египтянами, а династии гиксосских фараонов египетский историк причисляет к законным династиям своей страны.

Только в вопросах религии гиксосский двор отличался от своих подданных. Верховным богом гиксосских князей был Сутех, в котором мы должны видеть разновидность семитского Баала. Как уже говорилось, египетская легенда приписывает начало войны за независимость требованию гиксосского фараона Апопи, чтобы фиванский принц и бог признали верховенство [pg 024] гиксосского божества. Но даже в вопросах религии гиксосские князья не могли не подчиниться влиянию старой египетской цивилизации. Ра, бог солнца в Гелиополе, был отождествлен с Сутехом, и даже Апопи добавил к своему имени титул Ра и таким образом заявил, что он является воплощением египетского бога солнца, как и местные фараоны, которые были до него.

Когда мы в следующий раз слышим о Египте в Ветхом Завете, Израиль уже становится государством. Иосиф был продан своими братьями купцам из Аравии, которые привезли его в Египет. Там он стал рабом Потифара, "евнуха фараона и начальника палачей", или царской телохранителей. Имя Потифара, как и имя Потифера, жреца Она, соотносится с египетским Па-ту-па-Ра, "Дар бога Солнца". Египтологи утверждают, что имена такого рода не старше эпохи двадцать второй династии, к которой принадлежал Шишак, современник Реховоама; но поскольку до сих пор не было найдено ни одного похожего имени более раннего времени, из этого не следует, что таких имен не существует. Пока наши материалы несовершенны, мы не можем делать положительные выводы только на основании отсутствия доказательств.

То, что Потифар должен был быть евнухом и при этом быть женатым, кажется более серьезным препятствием для нашего [pg 025] принятия этой истории. Однако это не обязательно так. Евнухи на современном Востоке, достигшие власти и значимости, владели своими гаремами наравне с другими мужчинами. В древней Вавилонии евнуху запрещалось входить только в религиозные службы. Несомненно, так было и в Египте.

Египетские исследования выявили любопытную параллель с историей Иосифа и жены Потифара. Она содержится в одной из многочисленных сказок, эквивалентов современного романа, которыми наслаждались древние египтяне. Сказка, которая обычно известна как "Два брата", была написана писцом Энной для Сети II из девятнадцатой династии, когда он еще был наследным принцем, и в ней воплощен фольклор его родной страны. Энна жил при Менептахе, вероятном фараоне Исхода, и его труд, таким образом, был приурочен к событиям, которые привели к освобождению израильтян из "дома рабства". Насколько древними могут быть истории, на которых она основана, мы сказать не можем.

Вот перевод начала сказки, сделанный профессором Эрманом:.

"Жили-были два брата, рожденные от одной матери и одного отца; старшего звали Ануп, младшего Бата. У Анупа был дом и жена, а его младший [pg 026] брат жил с ним как сын. Он ткал для него, гнал его скот на поля, пахал и жал; он руководил всеми делами на ферме для него. Младший брат был хорошим (земледельцем); такого, как он, не найти во всей стране". Однажды Ануп послал Бату с поля в дом за кукурузой. "И послал он младшего брата [своего](#) и сказал ему: Поспеш и принеси мне кукурузы из деревни. И нашел младший брат жену своего старшего брата занятой расчесыванием волос. И сказал он ей: Встань, дай мне кукурузы, чтобы я мог вернуться в поле, ибо так велел мне старший брат мой, чтобы я возвращался без промедления. Женщина сказала ему: Войди, открой сундук, чтобы ты мог взять то, что пожелает сердце твое, ибо иначе замки мои упадут на землю. И юноша вошел в хлев и взял там большой сосуд, ибо он хотел вынести много кукурузы. И он нагрузил себя пшеницей и дхуррой и вышел с ними. Тогда она сказала ему: Как велика ноша в твоих руках? Он сказал ей: Две меры дхурры и три меры пшеницы составляют вместе пять мер, которые лежат у меня на руках. Так он говорил с ней. Она же обратилась к [pg 027] юноше и сказала: Как велика сила твоя! Много раз замечала я силу твою. И узнало его сердце ее..... И она встала, и обняла его, и сказала ему: Пойдем, отпразднуем час отдыха; прекраснейшие вещи будут уделом твоим, ибо я приготовлю для тебя праздничные одежды. Тогда юноша был подобен южной пантере, разъяренной из-за злого слова, которое она сказала ему. Но она боялась безмерно. И он заговорил с ней и сказал: Ты, о женщина, была мне как мать, а муж твой - как отец, ибо он старше меня, так что мог бы быть моим родителем. К чему этот великий грех, который ты наговорила на меня? Не говори мне его в другой раз, тогда я и в этот раз не скажу его, и ни одно слово о нем не выйдет из уст моих ни к кому. И нагрузил он ношу свою и вышел в поле. И пошел он к старшему брату своему, и закончили они дневную работу. И когда наступил вечер, старший брат вернулся домой. А младший брат его шел за волами своими, нагрузившись всем полевым добром, и гнал волов своих впереди себя, чтобы привести их в хлев. И вот жена старшего брата его испугалась за слово, которое она произнесла, и взяла кувшин с жиром [pg 028] и стала похожа на ту, которой злодей предложил насилие, так как хотела сказать мужу своему: Младший брат твой предложил мне насилие. И вернулся муж ее домой вечером, по обычаю своему, и нашел жену свою лежащей, распростертой и страдающей от увечья. Она не возлила воды на руки его, по обычаю своему; не зажгла для него светильников, так что дом его был в темноте, а она лежала больная. И сказал ей муж ее: Кто сделал с тобою? Поднимись! Она сказала ему: Никто не занимался мною, кроме младшего брата твоего, ибо когда он пришел взять для тебя

кукурузы, то нашел меня сидящей одну и сказал мне: "Пойдем, повеселимся часок и отдохнем; распусти волосы твои! Так он говорил мне; но я не слушала его (а говорила): "Видишь ли, разве я не мать твоя, и разве старший брат твой не отец тебе? Так я говорил с ним, но он не слушал моих речей, а прибежал ко мне с силой, чтобы я не говорил тебе. Теперь, если ты позволишь ему жить, я убью себя".

"Тогда старший брат стал яростен, как пантера: он наточил свой нож и взял его в руку. И встал старший брат за дверью хлева, чтобы убить юношу, когда тот вернется вечером, чтобы завести волов в хлев. Когда же солнце зашло и он нагрузил [pg 029] себя всем полевым добром, по своему обычаю, он вернулся (в дом). И его корова, которая первой вошла в хлев, сказала ему: Берегись! Перед тобой стоит старший брат твой с ножом, чтобы убить тебя; беги от него! И он услышал, что сказала первая корова. Затем вошла вторая и сказала то же самое. Он заглянул под дверь хлева и увидел ноги своего брата, который стоял за дверью с ножом в руке. Он бросил свою ношу на землю и стал быстро убегать. Его старший брат побежал за ним с ножом в руке".

Однако бог солнца Ра пришел на помощь невинному юноше и перегородил реку, полную крокодилов, между ним и его преследователем. Всю ночь братья простояли по обе стороны воды, а утром Бата убедил брата, что тот не сделал ничего плохого, и упрекнул его в том, что тот поверил в свою вину. Затем он добавил: "Иди домой и сам присматривай за своими волами, потому что я больше не останусь с тобой, а уйду в долину акаций". Так Ануп вернулся в свой дом, предал свою жену смерти и сидел там в одиночестве и печали.

Иосиф, более удачливый, чем Бата, поднялся из своей тюрьмы на высший государственный пост. Сны, благодаря которым это произошло, полностью [pg 030] соответствовали верованиям эпохи. Сны и сегодня играют важную роль в народной вере Египта. Во времена фараонов было то же самое. Тотмес IV. расчистил песок, засыпавший Сфинкса, и построил храм между его лапами, в результате сна, в котором ему явился Ра-Хармахис, когда он, утомленный охотой, прилег поспать под сенью древнего памятника. Тысячу лет спустя Нут-Амон из Эфиопии был призван сном в поход на Египет. В греческие времена, когда храм в Абидосе пришел в упадок, в одной из его заброшенных камер был установлен оракул, и те, кто обращался к нему, получали ответы на свои вопросы в "правдивых снах", приходивших к ним по ночам. Однако иногда для объяснения снов требовался толкователь, о котором упоминается в греческой надписи из Серапеума в Мемфисе. В других случаях сновидец сам мог истолковать свое видение с помощью книг, в которых значение снов было сведено к науке.

Однако сны фараона и "двух его евнухов", "главного дворецкого" и "главного пекаря", были странными и новыми, и не существовало книг, которые могли бы их объяснить. Даже "маги" и "мудрецы" Египта не смогли понять сон [pg 031] фараона. И все же, когда древнееврейский пленник указал на его смысл, у фараона и его слуг не осталось сомнений в его правоте. С незапамятных времен Нил уподобляли дойной корове, а оплодотворяющую воду, которую он разносил по земле, - молоку, поддерживающему жизнь человека. Коровья голова богини Хатхор или Исиды следила за плодородием Египта. О ней говорили, что она "заставляет Нил разливаться в свое время", а "семь великих Хатхор" - это семь форм, под которыми ей поклонялись. Соответственно, в семи козлах, которые стояли "на берегу реки", египтянин с готовностью видел живительную силу Нила.

Достаточно было одного слова фараона, чтобы раб-еврей превратился в египетского правителя, уступающего только самому монарху. Само его имя перестало быть семитским и отныне стало Зафнат-паанеа. Он даже вступил в союз с исключительным жречеством

Гелиополя или Он, женившись на Асенат, дочери жреца Ра. Таким образом, по имени и браку, а также по положению он был принят в ряды туземной аристократии.

Подобные изменения имен небезызвестны в надписях. Время от времени мы встречаем записи о чужеземцах, поселившихся в долине Нила и получивших там новые имена [pg 032] египетского происхождения. Так, памятник, найденный в Абидосе, рассказывает о ханаанеянине из Башана по имени Бен-Азан, который получил в Египте новое имя Ю-па-а и был отцом визиря Менептаха, фараона из Исхода. Хеттская жена Рамсеса II также приняла египетское имя, сохранились надгробные камни двух карийцев, на которых карийские имена умерших написаны буквами карийского алфавита, а к ним приложен иероглифический текст, в котором указаны египетские имена, которые они носили в Египте.

Точная транскрипция иероглифами египетского имени Иосифа до сих пор вызывает сомнения. Но ясно, что оно содержит египетские слова *pa-ânh*, "жизнь" или "живой", которым, по-видимому, предшествует частица *nti*, "из". Термин *pa-ânh* иногда применяется к фараону, и поскольку Камеш, последний царь семнадцатой династии, принял титул *Zaf-nti*, "питатель земли", возможно, что в *Zaphnath-paaneah* мы видим египетское *Zaf-nti-pa-ânh*, "питатель фараона". Но окончательное решение этого вопроса следует оставить для будущих исследований.

Теперь легче объяснить возглас, который раздался перед Иосифом, когда он вышел из присутствия фараона с золотой цепью на шее и царской печаткой на пальце. [pg 033] "*Abrêk!*" - кричали они ему вслед, и объяснение этому слову тщетно искали в египетском языке. На самом деле оно имеет вавилонское происхождение. На примитивном несемитском языке Халдеи *abrik* означало "провидец" или "прорицатель", и этот термин был заимствован семитскими вавилонянами под двумя формами - *abrikku* и *abarakku*. Таким образом, Иосиф был провозглашен провидцем, и его возвышение было обусловлено его способностью предвидеть будущее. Именно как боговдохновенного провидца должны были почитать его подданные фараона.

Как такое вавилонское слово, как абрек, стало использоваться в Египте, нам спрашивать бесполезно. Те, кто верит в позднее происхождение и вымышленный характер истории об Иосифе, легко найдут ей объяснение. Но легкие объяснения не обязательно верны, как в археологии, так и во всем остальном. И поскольку мы теперь знаем, что Ханаан задолго до времени Иосифа попал под вавилонское влияние, что там использовались вавилонский язык и письменность и что вавилонские слова вошли в местный идиолект, не нужно сильно напрягать воображение, чтобы предположить, что такие слова могли проникнуть и ко двору азиатских правителей Северного Египта. Вплоть до эпохи Исхода Египет и Ханаан в течение нескольких веков были так же тесно связаны друг с [pg 034] другом, как Англия и север Франции в эпоху норманнов и Плантагенетов.

Процветание Египта зависит от Нила. Если река поднимается на слишком большую высоту в период наводнения, осенние посевы повреждаются или уничтожаются. Если же ее подъем недостаточен, чтобы заполнить каналы и бассейны или достичь возвышенностей, земля остается без воды, и на ней ничего не растет. Египет, по сути, является даром Нила; пусть русло великой реки будет отведено в другое место, и вся страна сразу же превратится в необитаемую пустыню.

Маловодье Нила, следовательно, влечет за собой нехватку продовольствия. Когда провизия не может быть ввезена из-за границы, голод становится неизбежным результатом, и население гибнет тысячами. Так было в одиннадцатом и двенадцатом веках нашей эры, когда наводнение было недостаточным в течение нескольких лет подряд. Арабские

писатели, Эль-Макризи и Абд-эль-Латиф, описывают наступивший голод в ужасных выражениях. Абд-эль-Латиф был свидетелем голода, продолжавшегося с 1200 по 1202 год н. э., и ужасов, которые он вызвал. Питаясь травой, трупами и даже экскрементами, несчастные жители страны начали пожирать друг друга. Матерей арестовывали за приготовление пищи для собственных детей, а по улицам было небезопасно ходить из страха быть убитым ради еды.

[стр. 035].

Голод, описанный Эль-Макризо, длился, как и голод Иосифа, семь лет, с 1064 по 1071 г. н.э., и также был вызван нехваткой Нила. Иероглифическая надпись, обнаруженная в 1888 году г-ном Уилбуром на острове Сехекль, содержит уведомление о другом семилетнем голоде, который случился в более ранний период. Остров Сехель лежит в Катаракте, на полпути между Ассуаном и Филе, а надпись высечена на гранитной глыбе и обращена на юг. Она датирована восемнадцатым годом царя, который, вероятно, был одним из эфиопских принцев, правивших южным Египтом в беспокойную эпоху четвертого и пятого Птолемеев. Согласно переводу д-ра Бругша, в нем говорится, что царь послал к правителю Нубии, сказав: "Я скорблю на своем высоком троне о тех, кто принадлежит дворцу. Печально сердце мое от огромного несчастья, потому что разлив Нила в мое время не наступал семь лет. Светло зерно; нет урожая и всякой пищи. Каждый человек стал вором для своего ближнего. Они хотят спешить и не могут идти; ребенок плачет, юноша ползет, а старик; души их склонились. Ноги их согнуты и волочатся по земле, а руки упираются в грудь. Совет великих придворных - лишь пустота. Разорваны сундуки с [pg 036] провизией, но вместо содержимого - воздух. Все исчерпано". Далее в тексте рассказывается о том, как Хнум-создатель пришел на помощь фараону и заставил Нил вновь затопить земли. В обмен на это царь подарил жрецам Хнума в Элефантине двадцать миль берега реки по обе стороны от острова, а также десятину от всех продуктов страны.

Доктор Бругш обнаружил еще одно свидетельство голода в Верхнем Египте, относящееся к более древнему периоду. Среди высеченных в скале гробниц Эль-Каба, где во времена гиксосов заседали фиванские князья, есть одна, в которой упоминается имя некоего Баба. Это имя встречается и в других местах Эль-Каба, и оно было именем отца "капитана Ахмеса", чья гробница является одной из самых интересных в этом городе, и который в молодости помогал Ахмесу из восемнадцатой династии изгнать гиксосов из их последней крепости в Египте. Баба перечисляет его богатства и многочисленные добрые дела, а также добавляет: "Когда наступил голод, длившийся много лет, я раздал городу кукурузу".

Возможно, голод, о котором здесь говорится, - это голод Иосифа. Все, что мы знаем о дате рождения Баба, - это то, что он жил в эпоху гиксосов. Если он жил до войны за независимость и в [pg 037] дни, когда власть гиксосского фараона все еще была главной в Верхнем Египте, у нас есть все основания полагать, что голод, о котором он говорит, был таким же, как описанный в Бытие. Одним из результатов этого голода стало то, что египтяне отдали свои земли и имущество Иосифу, и отныне они стали арендаторами фараона, которому они платили пятую часть всех своих продуктов. Если это утверждение соответствует истории, то управление Иосифа должно было простираться от одного конца Египта до другого. Его гиксосский повелитель, должно быть, был похож на Апопи, о котором в папирусе Саллье говорится, что "вся страна платила ему дань вместе со своими продуктами, и таким образом он был нагружен всеми благами Египта".

Однако рассказ о голоде Иосифа в одном отношении свидетельствует о более позднем времени. Сказано, что голод распространился на Ханаан. Но голод в Египте и голод в

Ханаане не были вызваны одной и той же причиной, и сход вод Нила никак не повлиял бы на урожай в Палестине. В Ханаане именно отсутствие дождей, а не разливы Нила, привели к неурожаю кукурузы. Время от времени в надписях мы слышим о том, что кукурузу отправляли из Египта в Сирию, но это происходило тогда, когда на берегах Нила было изобилие, а на сирийском побережье не хватало дождей. Еврейский [pg 038] писатель рассматривал историю прошлого с чисто азиатской, а не египетской точки зрения.

Иосиф, должно быть, попал в Египет, когда он еще находился под властью гиксосов. Обещание, данное Аврааму (Быт. xv. 13), весьма недвусмысленно: "Знай точно, что потомство твое будет пришельцем в земле не своей и будет служить им; и будут они терпеть бедствие от них четыреста лет". Столь же ясно сказано в книге Исход (xii. 40, 41): "Пребывание сынов Израилевых, живших в Египте, было четыреста тридцать лет. И было по окончании четырехсот тридцати лет, в тот же день, когда это случилось, вышло все воинство Господне из земли Египетской". Здесь тридцать лет - длина поколения - добавлены к четырестам годам, в течение которых израильтяне должны были страдать в чужой земле. Если Исход произошел в последние годы девятнадцатой династии - а, как мы увидим, египетские памятники не позволяют нам поместить его в другое время, - то четыреста тридцать лет библейского повествования приводят нас к началу последней династии Гиксосов.

Любопытно, что египетская история также знает эпоху в четыреста лет, которая охватывает почти тот же период, что и четыреста лет Бытия. Мариетт Паша, раскапывая [pg 039] в Сана, древнем Зоане, обнаружил стелу, которая была воздвигнута в царствование Рамсеса II одним из его офицеров, губернатором азиатской границы. Стела посвящена посещению Сана правителем в четвертый день месяца Месори в четырехсотый год правления "царя Верхнего и Нижнего Египта, Сет-аа-пехти, сына Солнца, который любил его, также по имени Сет-Нубти". Поскольку Сет или Сутех был богом гиксосов, а Сан - столицей гиксосов, очевидно, что Сет-аа-пехти или Сет-Нубти был гиксосским принцем, претендовавшим на власть над всем Египтом, и с него началась эра гиксосов. Профессор Масперо и доктор де Кара считают, что этот принц был на самом деле самим богом Сутехом; однако это не является естественным толкованием титулов, приписываемых ему, и не исключено, что профессор Видеманн прав, отождествляя его с неким гиксосским фараоном Сет-[Нуб]ти, упомянутым на памятнике, обнаруженном Мариеттом в Тель-Мокдаме. Этот последний фараон назван "добрым богом, звездой Верхнего и Нижнего Египта, сыном Солнца, возлюбленным Сутеха, владыки Авариса".

Но независимо от того, является ли гиксосский фараон Тель-Мокдам тем же самым, что и Сет-Нубти из Сана, представляется вероятным, что эпоха, связанная с его именем, ознаменовала собой возвышение последней династии гиксосов. Согласно [pg 040] Евсевию, вождем этой династии был Сайтес, имя, которое напоминает нам о Сет-аа-[пехти]. Евсевий называет продолжительность династии 103 года, но Африкан, более надежный авторитет, называет 151 год. Это позволяет отнести возвышение семнадцатой династии, последней династии гиксосов, примерно к 1720 году до н. э., что очень хорошо согласуется с датой, указанной на памятнике из Сана.⁶ Исход израильтян, если он произошел в царствование Менептаха, должен был случиться около 1270 года до н.э. (или 1250 года, если он произошел в царствование Сети II, как утверждает профессор Масперо); в этом случае 430 лет пребывания в земле Египта приводят нас к 1700 году до н.э. (или 1680 году). Это примерно через двадцать лет после установления последней гиксосской линии фараонов и за сто тридцать лет до основания восемнадцатой династии. Таким образом, Иосиф стал бы визирем страны задолго до начала войны за независимость, и у него было бы достаточно

времени, чтобы жить и умереть до того, как его друзья и покровители будут изгнаны с земли, которую они так долго занимали.

Таким образом, хронологически библейское повествование [pg 041] вписывается в требования египетской истории и позволяет нам увидеть в еврейском пленнике могущественного служителя расы царей, которые, как и он сам, пришли с высокогорий Азии. Но следует помнить, что только на севере Египта власть гиксосов стала реально ощутимой для глаз народа. Южный Египет номинально управлялся туземными князьями, хотя они и не носили титул царя или фараона. Это были хик, "наследственные вожди", последние представители царских родов прежних времен. Они признавали верховенство гиксосского фараона, и ему посылались дань из Фив и Эль-Каба.

Хотя Мемфис, древняя столица страны, находился в руках чужеземцев, Зоан, Танис классической географии, был скорее резиденцией власти гиксосов. Защищенный болотами, которые его окружали, Зоан, современный Сан, лежал на восточной стороне Дельты на небольшом расстоянии от границы Азии и великой гиксосской крепости Аварис. Из Зоана "дорога филистимлян", как она называется в Пятикнижии, шла почти по прямой линии в Пелусий и на юг Палестины, огибая с одной стороны Средиземное море, а с правой оставляя возвышенную крепость-скалу Эль-Ариш на безводной "реке Египта". [pg 042] Танис существовал еще во времена Старой империи, но то ли завоевание гиксосов, то ли более ранние нашествия привели его в упадок, и когда гиксосский двор обосновался в нем, его древний храм уже лежал в руинах. Восстановление города произошло благодаря гиксосским царям, которые оставили в нем памятники о себе. Гиксосские сфинксы в музее Гизе, на одном из которых выгравировано имя Апопи, были найдены там Мариэттом, как и любопытная группа из двух человек в огромных париках, держащих на коленях рыб и водоплавающих птиц. Когда в книге Чисел (xiii. 22) говорится, что "Хеврон был построен за семь лет до Зоана", вероятно, имеется в виду строительство Зоана царями-пастухами.

Путешествуя из южной Палестины в Зоан, Иакову и его сыновьям не пришлось преодолевать очень большое расстояние. Им также не пришлось проходить через длинный участок египетской территории. От пустыни с ее бродячими группами родственных бедуинов до двора фараона в Зоане было не более дня пути. Можно было не опасаться, что семитский путешественник встретит на своем пути оскорбления или сопротивление со стороны египетских феллахинов. Сами феллахины, несомненно, как тогда, так и сейчас, были смешаны с семитскими элементами; чтобы найти египтян чистой крови, нужно было отправиться на запад от Зоана.

[pg 043]

Земля Гошен, современный Вади-Тумилат, также находилась далеко от столицы гиксосов. Она лежала к югу от Зоана, на берегах канала, чье русло сейчас обозначено Пресноводным каналом Лессепса. Турист, который едет на поезде из Исмаилии в Загазиг, проезжает по всей длине земли Гошен. Предание о том, что здесь находилась территория, отведенная Иосифом своим братьям, сохранялось еще долгое время в христианские века и было возрождено не одним египтологом в более поздние годы. Но окончательно вопрос был решен доктором Навиллем и раскопками, которые он предпринял для Фонда изучения Египта. В 1883 году он раскопал останки Па-Тума, или Питома, одного из двух "городов-хранилищ", которые были вынуждены построить дети Израиля. Руины города теперь известны как Тель-эль-Масхуте, "курган статуи", примерно в двенадцати милях к юго-востоку от Исмаилии, а обнаруженные там памятники показывают, что фараоном, для которого был построен город, был Рамсес II. Существовал не один Па-Тум, или город-храм Бога Солнца

Вечера, и Па-Тум в восточной Дельте упоминается в папирусах XIX династии. Так, в восьмой год правления Менептаха II. в официальном отчете говорится о проходе неких шасу или бедуинов из Эдома через пограничную крепость Тукут или Суккот, к "бассейнам города [pg 044] Па-Тум Менептаха-Хотеп-Хир-ма, в районе Тукута".

В 1884 году доктор Навиль раскопал в Сафт-эль-Хеннех древний курган, расположенный недалеко от железной дороги между Загазигом и Тель-эль-Кебиром. В результате его раскопок было установлено, что Сафт-эль-Хеннех - это место древнего Кесема или Коса (Факкуса у греческих географов), столицы нома Египетской Аравии. Кесем точно соответствует Гешему, который в Септуагинте представляет еврейский Гошен, и указывает на то, что египетские евреи, которым был обязан греческий перевод Ветхого Завета, признавали в библейском Гошене Кешем египетской географии.

Район непосредственно вокруг Сафт-эль-Хеннех плодороден, но название египетской Аравии, которое он когда-то носил, безошибочно показывает, кем должны были быть его земледельцы. Это были семитские кочевники с Востока, которые, как и их потомки в наши дни, время от времени оседали на пограничных землях Египта и становились более или менее невольными земледельцами. Но большая их часть оставалась пастухами, ведя кочевой образ жизни со своими стадами и верблюдами и ставя палатки везде, где однообразие пустыни нарушалось водой и растительностью. Вади Тумилат, в которое выходил район Сафт-эль-Хеннех, как нельзя лучше подходил для [pg 045] проживания иудейских бедуинов. Здесь у них был корм для стад, много места для стоянок и свобода от вмешательства египтян, а на заднем плане находился плодородный район в непосредственной близости от столицы, где те из них, кто хотел сменить пастушескую жизнь на сельскохозяйственную, могли найти богатую почву для посева и обработки.

Недалеко от Загазига находятся курганы древнего Бубастиса, и здесь в результате раскопок, проводимых Фондом изучения Египта, были обнаружены останки гиксосских фараонов, в том числе Апопи. Таким образом, Бубастис, должно быть, был резиденцией гиксосов, а его храм украшали гиксосские цари. Между Бубастисом и Гелиополем находился Па-Баилос, и об этом городе Менептах II. говорит в Фивах, что "местность вокруг не возделывалась, а была оставлена как пастбище для скота из-за чужаков, будучи заброшенной с давних времен". Что может служить лучшим доказательством того, что аравийский ном на самом деле был тем, чем представляется земля Гошен?

По любопытному совпадению, Вади-Тумилат, старая земля Гошена, в нынешнем веке снова была передана бедуинам и сирийцам и снова стала местом исхода. Мухаммед Али стремился завести в Египте культуру шелковичного червя, поэтому посадил тутовые деревья в [pg 046] вади Тумилат и поселил там большую колонию сирийцев и бедуинов. Бедуинов побудили остаться там, отчасти благодаря пастбищам для их стад, отчасти обещанием освобождения от налогов и воинской повинности. Однако когда Аббас-паша стал хедивом, обещание было забыто; был отдан приказ, чтобы со свободными бедуинами вади Тумилат обращались так же, как с поработочными феллахами, заставляли платить налоги, а их детей в наручниках и с курбашом водили служить в армию. Но приказ так и не был выполнен. Внезапно, в одну ночь, без шума и предупреждения, все бедуины покинули свои хижины и со своими стадами и прочим имуществом исчезли в восточной пустыне. Паша лишился своих рабов, прекратилась культура шелкопряда, а когда был перерезан Пресноводный канал, не осталось ни одного тутового дерева.

В земле Гошен израильские поселенцы процветали и размножались. Но наступило время, когда появился новый царь, "который не знал Иосифа", и потомки Иакова стали казаться

египтянам источником опасности. Подобно Аббасу-паше в более позднем веке, фараон решил низвести свободнорожденных израильтян до состояния государственных рабов и всеми доступными ему средствами уменьшить [pg 047] их число. Детей мужского пола уничтожали, взрослых заставляли работать в городах, которые египетский монарх строил по соседству с ними, а землю, на которой они жили, окружали египетские гарнизоны и контролировали египетские офицеры.

Однако рабам удалось бежать из "дома рабства". Под предводительством Моисея они ушли в восточную пустыню и на Синае и в Кадеш-Барнеа приняли законы, которые отныне должны были ими управлять. Армия, посланная преследовать их, была поглощена водами моря, а район, который они занимали, остался безлюдным.

Различные причины привели египтологов к убеждению, что в фараоне Угнетения мы, вероятно, увидим Рамсеса II. Рамсес II, Сесострис и Осимандиас греческой истории, был третьим царем девятнадцатой династии и одной из самых ярких фигур египетской истории. Его долгое шестидесятилетнее правление стало вечером египетского величия. С его смертью эпоха египетских завоеваний ушла в прошлое, и наступил период упадка. Подобно Людовику XIV. из Франции, великий монарх Древнего Египта истощил в своих войнах ресурсы и боевое население своей страны.

Но именно как строитель, а не как завоеватель [pg 048] прославился Рамсес II. Куда бы мы ни отправились в Египте или Нубии, мы найдем следы его архитектурной деятельности. Вряд ли найдется место, где он не оставил бы своего имени. Все его правление, должно быть, было занято строительством городов и храмов или восстановлением и расширением ранее существовавших, и, несмотря на его продолжительность, трудно понять, как за это время можно было выполнить такой огромный объем работ. Большая часть работ, однако, бедна и обшарпана; они несут на себе следы лихорадочной спешки, с которой их выполняли. С другой стороны, большая часть грандиозна и поражает своими колоссальными пропорциями и смелостью замысла. Разбитый гранитный колосс в Рамессеуме, некогда достигавший шестидесяти футов в высоту, фрагмент стоящей фигуры из гранита, найденный профессором Флиндерсом Петри в Санае, который первоначально должен был иметь высоту более ста футов, большой зал колонн в Карнаке, храм Абу-Симбел в Нубии - все это многочисленные свидетельства огромных замыслов, успешно воплощенных в жизнь. Абу-Симбел, где гора была выдолблена в храм, а скала высечена в виде четырех сидящих фигур, каждая с непревзойденным выражением божественного спокойствия на лице, по праву претендует на звание одного из чудес света.

Помимо колоссальных размеров многих [pg 049] из них, здания Рамсеса II отличаются еще одной особенностью. Они были возведены во славу фараона, а не богов. Именно имя и титулы Рамсеса повсеместно привлекают наше внимание и часто являются главным украшением памятника. Он, должно быть, был тщеславнее всех других царей Египта, преисполненный гордости за свое могущество и решимости, что его имя никогда не будет забыто на земле.

Поэтому нет ничего странного в том, что Рамзес II стал самой заметной фигурой в древнеегипетской истории. Его имя и разрушенные реликвии его архитектурных триумфов привлекают внимание путешественника, куда бы он ни отправился. Кроме того, его долгое правление было периодом большой литературной активности, и значительная часть дошедших до нас литературных папирусов была написана при его жизни. Кроме того, он был последним из фараонов-завоевателей, последним из фиванских монархов, чьему правлению подчинялись от гор Ливана и плоскогорья Хауран до южных границ Эфиопии. С его смертью

империя, основанная военным мастерством и энергией царей восемнадцатой династии, начала угасать. Его сыну и преемнику Менептаху пришлось бороться за свое существование с нашествием варварских орд, а скипетр перешел из [pg 050] слабых рук Сети II., который последовал за ним, в руки соперничающих царей. Девятнадцатая династия закончилась в разгар гражданской войны и иноземных нападений: на некоторое время Египет подчинился правлению сирийского чужеземца, а когда Сетнехт, основатель двадцатой династии, вновь восстановил родную линию царей, он нашел разоренную и обедневшую страну, едва способную защитить себя от вражеского нападения.

Но эпоха двадцатой династии была еще далека, когда Иаков и его сыновья отправились в Египет, и даже когда его потомкам под предводительством Моисея удалось бежать из страны рабства. До наступления этой эпохи долине Нила суждено было пережить не одну революцию, которая имела судьбоносные последствия для иноземных поселенцев в Гошене. Гиксосы были изгнаны в Азию, и объединенный Египет вновь подчинился правлению родного фараона.

Но центр власти был смещен с севера на юг. Мемфис и Зоан должны были уступить место Фивам, и вполне вероятно, что в жилах монархов восемнадцатой династии, при которых Египет восстановил свою независимость, текла нубийская кровь. В древнее царство Менеса была вдохнута новая жизнь, и впервые в своей истории Египет стал великой военной державой. Война была перенесена из Дельты в саму Азию; [pg 051] Ханаан и Сирия были завоеваны, и была создана Египетская империя, которая простиралась до Евфрата. Однако вместе с этой империей в Азию пришли азиатские влияния, идеи и верования. Фараоны вступали в браки с царскими семьями Азии, и мало-помалу их двор стал полуазиатским. Затем последовали реакция и контрреволюция. Возник новый царь - основатель XIX династии, "не знавший Иосифа", олицетворявший национальный антагонизм к азиатскому чужеземцу и его религиозной вере. На некоторое время азиаты были запрещены; изгнание чужеземца и его религии, которое Араби пытался осуществить в наше время, было успешно осуществлено в смутные дни, когда пала восемнадцатая династия. В эту войну против ненавистного азиата были вовлечены израильтяне; их детей уничтожали, чтобы они не размножались, а сами они были превращены в общественных рабов. Теперь нам предстоит проследить события, которые привели к такому результату, и показать, как политическая история Египта стала конечной причиной исхода израильтян.

[pg 052]

Глава II. Эпоха Моисея.

На восточном берегу Нила, примерно на полпути между Миньехом и Асьютом, путешественник из Каира в Ассуан проходит мимо ряда курганов, которые известны под названием Тель-эль-Амарна. Тель - это название искусственных насыпей, которые покрывают остатки древних городов, а эль-Амарна обозначает бедуинское племя Бени-Амран, чьи потомки населяют район, в котором находится линия насыпей. Между курганами и Нилом находится плодородная полоса берега, зеленеющая кукурузой зимой и весной и затененная рощами высоченных пальм. По другую сторону от них - пустынная равнина,

закрытая амфитеатром холмов. Известняковые скалы последних обрываются в трех местах, где овраги ведут через них на Аравийское плато. Центральный овраг короткий и изрезанный; тот, что к северу, однако, хотя его высокие скальные стены временами кажутся почти встречающимися, в конце концов приводит исследователя путем медленного подъема в самое сердце Аравийской [pg 053] пустыни. Примерно в трех милях от его устья, в боковой долине, недавно была обнаружена гробница основателя города, единственными представителями которого сегодня являются курганы Тель-эль-Амарны. Гробница достойна того монарха, для которого она предназначалась. В далеком уединении пустынного ущелья она глубоко врезана в твердую скалу. Ступени сначала спускаются вниз к огромной двери усыпальницы. Внутри находится широкий наклонный проход, справа от которого расположены скульптурные покои, в которых когда-то покоилось тело одной из дочерей фараона, а в конце - обширный колонный зал, в котором находился саркофаг самого фараона.

Фараон был назван своим отцом, Аменофисом III, в честь самого себя, но Аменофис IV не успел взойти на трон, как получил новое имя и отныне стал называться Ху-н-Атен, "Слава Солнечного Диска". Смена имени стала внешним признаком и символом религиозной революции. Царь публично отказался от древней религии Египта, официальным представителем которой он являлся, и объявил себя обращенным в азиатскую форму веры. Само имя Амона, верховного бога Фив и царской семьи, к которой принадлежал Ху-н-Атен, было запрещено и стерто с памятников, где бы оно ни встречалось. И в храмах, и в гробницах, и в [pg 054] каменоломнях он был обезображен; не пощадили даже имя собственного отца царя, которое содержало его. Когда рука гонителя протянулась к письменному и скульптурному памятнику, мы не можем предположить, что к приверженцам древнего культа отнесутся с нежностью.

Вскоре фараон и могущественная иерархия Фив вступили в открытую войну. Но жречество оказалось слишком сильным для царя. Он покинул столицу своих отцов и построил себе новый город дальше на севере. Именно на месте этого города сейчас возвышаются курганы Тель-эль-Амарны.

С северной стороны от него возвышался дворец фараона, руины которого исследовал профессор Флиндерс Петри. Это было одно из самых великолепных сооружений, когда-либо возведенных человеком. Стены и колонны были инкрустированы золотом, бронзой и камнями разных цветов, украшены скульптурой и живописью. Даже полы были расписаны фресками, и, если судить по той, которую обнаружил профессор Петри, искусство было высочайшего уровня. Изображенные на них растения, животные и рыбы нарисованы с таким совершенством и правдивостью, что, кажется, принадлежат скорее к девятнадцатому веку нашей эры, чем к пятнадцатому веку до нашей эры.

К дворцу примыкали государственные учреждения, а вокруг него - дома вельмож [pg 055] и придворных чиновников. Они также отражали яркое и блестящее убранство королевского дворца, а их стены оживляли фрески, изображавшие сцены повседневной жизни. Среди государственных учреждений была архивная палата, куда из Фив были перевезены государственные документы, а также иностранная канцелярия, где писцы вели оживленную переписку с правителями азиатских провинций империи и принцами иностранных государств.

В центре города возвышался великий храм Атен, солнечный диск, новый объект поклонения фараона. Хотя название храма было египетским, божество и его культ имели азиатское происхождение. Атен, которому был воздвигнут храм, был азиатским Ваалом. Он был богом

Солнца, видимым проявлением которого был солнечный диск. Но это был бог-солнце, который не только верховодил над всеми остальными богами; они были поглощены им и существовали лишь в той мере, в какой он наделял их божественной жизнью. Именно к Атен-Ра, солнечному диску бога Солнца, обращается царица фараона: "Ты, диск Солнца, ты, живой бог, нет другого рядом с тобой! Своими лучами ты даруешь здоровье глазам, Творец всего сущего!" Один из офицеров Ху-н-Атена на стенах своей гробницы говорит в похожих выражениях: "Ты, о бог, который на самом деле [pg 056] живой, стоишь перед двумя глазами. Ты - тот, кто создает то, что никогда не было, кто формирует все, кто находится во всем: мы также возникли по слову уст твоих".

Новая вера Египта представляла собой сочетание поклонения Ваалу с философскими концепциями, сложившимися вокруг поклонения египетскому богу Солнца Ра в Гелиополе. Поклонение Ваалу утратило свою грубость и превратилось в форму монотеизма. Но монотеизм был по сути своей пантеистическим; действительно, существовал лишь один бог, которому воздавалось поклонение, но он был универсально распространен во всей природе. Личный характер азиатского Ваала, похоже, исчез в египетском поклонении Атену.

Вместе с новой религией пришел и новый стиль искусства. Азиатские художники и мастера изготавливали пестрое стекло и яркий фарфор Тель-эль-Амарны, отбрасывали условности египетского искусства в изображении животного и растительного мира, архитектура разветвлялась в новых направлениях, а скульптор преувеличивал особенности внешности царя. По сути, все усилия были направлены на то, чтобы оторваться от прошлого, от манер и традиций египетского искусства. Это искусство было тесно связано с древней религией страны, и [pg 057] с изменением религии пришло изменение во всем остальном.

Причины этих изменений теперь в значительной степени можно проследить. В какой-то степени это было связано с характером самого короля. Гипсовый слепок его лица, сделанный сразу после смерти, был найден профессором Петри и красноречиво свидетельствует о том, каким был сам человек. Это лицо философа и мистика, человека, которого интересовали скорее проблемы религиозной веры, чем государственные дела. Изучая его, мы чувствуем, что человеку, которому оно принадлежало, было суждено стать религиозным реформатором.

Но этой судьбе способствовало воспитание и образование, которое получил Ху-н-Атен. Его мать, Тейе, сыграла важнейшую роль во внедрении культа Атен. Она должна была быть женщиной с сильным характером, и ее влияние на сына также должно было быть велико. Если, что вполне вероятно, Ху-н-Атен был очень молод, когда вззошел на трон, то религиозная реформа, которую он пытался осуществить, должна была в значительной степени быть делом рук его матери. О том, что она вызывала глубокую ненависть у приверженцев более древнего вероучения, можно судить по состоянию гробницы Ху-н-Атена. Хотя тело фараона было осквернено, а саркофаг, в котором оно покоилось, разбит на [pg 058] фрагменты, они все же были помещены в усыпальницу, которая была построена для их приема. Но никаких следов мумии королевы-матери не было обнаружено, а коридор в королевской гробнице, который, по-видимому, был вырыт для нее, так и не был закончен, как и две или три гробницы, которые были вырублены в непосредственной близости. После смерти сына королева Тейе, похоже, не нашла защитника от мести своих врагов.

Вероятно, Тейе имела азиатское происхождение, хотя никаких определенных доказательств этому пока не найдено. Ее муж, Аменофис III, любил связывать себя узами брака с царскими

домами Азии, и не одна из жен, занимавших второстепенное положение в семье фараона, была азиатского происхождения. Его собственная мать была азиатской принцессой, дочерью царя Митанни, ветхозаветного Арама-Нахараима. Из Митанни происходили две его собственные жены, а также жена его сына и преемника Аменофиса IV (Ху-н-Атен).

Не приходится удивляться тому, что поздние фараоны восемнадцатой династии с их азиатскими наклонностями и полуазиатским происхождением должны были окружить себя азиатскими чиновниками и придворными. Завоевание Западной Азии Тотмесом III [pg 059] принесло в Египет азиатскую моду. Сам Тотмес на стенах своего храма в Карнаке демонстрирует дух скорее азиатского, чем египетского завоевателя. Выгравированные на них надписи полностью отличаются от тех, что обычно украшают стены египетских храмов. Здесь нет восхвалений или перечислений богов, нет описания жертвоприношений им, нет бесконечного каталога пустых титулов фараона; напротив, мы имеем деловой отчет о его походах, большая часть которого скопирована из записок писцов, сопровождавших армию в походе. Он читается как надпись на стенах ассирийского дворца, а не египетского храма. Это, по сути, уникальный, единственный пример исторического текста, который завещали нам великие памятники Египта. Сам по себе он красноречиво свидетельствует о влиянии, которое Азия уже приобрела в долине Нила.

Завоевания Тотмеса III положили северную границу Египетской империи на берега Евфрата. Царства на востоке, включая Ассирию, приносили дань египетскому монарху, а северная Сирия и восточная часть Малой Азии оказывали ему почести. Дальше к югу Палестина, Финикия и земля амореев, лежащая к северу от Палестины, стали египетскими [pg 060] провинциями, с гарнизонами египетских войск и управлением египетских офицеров. Даже страны за Иорданом, Башан и Хауран, стали частью египетской империи.

Во многих случаях туземные князья оставались сами управлять делами своих государств, подобно князьям-покровителям современной Индии, но их контролировали "комиссары", присланные из долины Нила. Чаще их место занимали египетские губернаторы, значительная часть которых, однако, была ханаанейского происхождения. Это, действительно, один из самых примечательных фактов, связанных с египетской империей в Азии; она управлялась фараоном скорее туземцами, чем египтянами. Но это было еще не все. При Ху-н-Атене в сам Египет вторгся азиатский чужак. Высокие места при дворе были заполнены иностранцами, чьи имена выдавали их ханаанейское происхождение; даже визиря звали Дуду, библейский Додо, которому родственно имя Давид. Приверженцы культа Атен, собравшиеся вокруг фараона в Тель-эль-Амарне, похоже, в основном принадлежали к Азии, а не к Египту.

Даже официальный язык и письменность имели азиатское происхождение. Язык был вавилонским, а письменность - клинописной слоговой системой той же страны. Вавилонская письменность и язык [pg 061] использовались от берегов Евфрата до берегов Нила. Они были общим средством общения во всем цивилизованном мире. Именно на них египетский чиновник пишет своему господину, и именно на них же отправляется ответ из египетского министерства иностранных дел.

Этот факт весьма удивителен, но недавние открытия помогли его объяснить. В очень отдаленную эпоху вавилонские армии прошли на запад, и Палестина была провинцией Вавилонии задолго до того, как стала провинцией Египта. Продолжительное и глубокое влияние Вавилонии принесло в нее культуру и цивилизацию вавилонских городов. Вавилонская система письма стала очень важным элементом этой древней культуры и, вместе с языком, выражением которого она являлась, пустила глубокие корни в Западной

Азии. О том, как долго она продолжала использоваться там, можно судить по тому, что в каждом районе Западной Азии сложилась своя особая форма клинописи.

Все это мы узнали из находки, сделанной в 1887 году в курганах Тель-эль-Амарны. Среди развалин иностранного ведомства Ху-н-Атен, примыкавшего к царскому дворцу, феллахин обнаружил коллекцию глиняных табличек, исписанных клинописью или клинообразными знаками. Оказалось, что это [pg 062] иностранная переписка Ху-н-Атена и его отца. Когда Ху-н-Атен покинул Фивы, он взял с собой архивы отца, к которым впоследствии добавились официальные письма, полученные им самим.

В общей сложности было обнаружено около трехсот табличек. Но на месте не оказалось никого, кто мог бы оценить их ценность, и в результате ряда прискорбных случайностей несколько из них были повреждены или уничтожены, прежде чем попали в руки европейцев. Восемьдесят две попали в Британский музей, более 160 фрагментов находятся в Берлине, 56 - в музее Гизе, а несколько находятся в руках частных лиц.

Эти таблички пролили новый и неожиданный свет на историю прошлого. Обнаружить, что язык и письменность Вавилонии были общим средством литературного и официального общения во всей Западной Азии за столетие до Исхода, было достаточно удивительно; гораздо более удивительно было обнаружить, что этот ранний период был явно литературной эпохой. Вдоль больших дорог то и дело отправлялись письма на самые пустяковые темы, и между двором фараона и самыми отдаленными уголками Западной Азии велась постоянная переписка. Бедуинские вожди за Иорданом присылают письма, в которых выражают свою лояльность египетскому монарху и заявляют, что их войска находятся в его распоряжении; вассальный царь Иерусалима просит помощи у Египта, чтобы защитить его от личных врагов; правители Финикии и земли амореев описывают угрожающие действия хеттов на севере; Царь Митанни или Арам-Нахараима с гордостью рассказывает о своих отношениях с правителем Египетской империи; а цари Ассирии и Вавилонии просят прислать им золото из Египта, где его так же много, как "пыли", или обсуждают вопросы международной политики или коммерческих интересов. Мы внезапно переносимся в мир, очень похожий на наш собственный; мир, в котором широко распространено образование, где множество школ и ученых, а также библиотек и архивных палат.

Характер клинописной системы письма сам по себе указывает на то, что школ было много. Эта система была чрезвычайно сложной для изучения. В отличие от египетских иероглифов, памяти не помогало никакое сходство знаков с внешними объектами; как и современные китайские иероглифы, они состояли всего лишь из групп условно расположенных линий или клиньев. Однако, как и в египетских иероглифах, количество знаков было чрезвычайно велико, и каждый знак не только представлял более одного [pg 064] фонетического значения, но и мог быть использован идеографически для выражения идей. Так, один и тот же иероглиф может не только обозначать фонетические значения kur, mat, nat, lat, sat и gin; он также может обозначать идеи "страна", "гора" и "завоевание". Но это еще не все. Первоначальное письмо, из которого развилась клинопись, было изобретено примитивным несемитским населением Халдеи, от которого оно впоследствии было перенято и адаптировано их семитскими преемниками. Соответственно, целые группы знаков, обозначавших определенное слово в шумерском языке - несемитском языке древней Халдеи, - были заимствованы семитами и использовались ими для обозначения того же самого слова, хотя, конечно, с совершенно другим произношением. Например, в шумерском языке *mer-sig* означало "брюки", но хотя два знака *mer* и *sig* продолжали писаться и в семитские времена, чтобы выразить это слово, произношение их было *sarbillu*, современное арабское *shirwâl*.

Поэтому ученик, который хотел досконально изучить клинопись, был вынужден знать кое-что из старого шумерского языка Халдеи. В его случае это было гораздо более необходимо, чем знание латыни в нашем случае. Более того, ему было необходимо изучить различные формы, которые одна и та же клинопись принимала в [pg 065] разных странах или в разные периоды в одной и той же стране. Этих форм было очень много, и зачастую они отличались друг от друга больше, чем черная буква отличается от обычного современного шрифта.

Тот факт, что клинопись изучалась и использовалась от берегов Евфрата до берегов Нила, влечет за собой еще и то, что на всей этой территории должно было существовать множество школ и учителей. Для его освоения требовалось время и упорный труд, а знание вавилонского языка, которое сопровождало его изучению, невозможно было получить без помощи учителей. Поэтому вызывает немалое удивление тот факт, что письма, поступавшие в египетский иностранный офис, писали не только профессиональные писцы, но и чиновники, и солдаты.

Естественно, изучение иностранного алфавита и языка всячески облегчалось. При раскопках Тель-эль-Амарны профессор Флиндерс Петри обнаружил фрагменты списков клинописных знаков, а также сравнительных словарей семитского вавилонского и шумерского языков. Кроме того, был найден вавилонский мифологический текст, в котором слова были разделены друг от друга точками красной краски, чтобы помочь ученику разобраться в легенде.

Этот мифологический текст - не единственный, который [pg 066] был встречен среди табличек Тель-эль-Амарны. Существование таких текстов является доказательством того, что литература Вавилонии, а также ее язык и письменность были перенесены на Запад. С очень далеких времен в вавилонских и ассирийских городах можно было найти публичные библиотеки, состоявшие по большей части из глиняных книг, и когда вавилонская культура проникла на Запад, подобные библиотеки должны были появиться и там. Откровения, открытые нам табличками из Тель-эль-Амарны, показывают, что эти библиотеки, как и библиотеки Вавилонии, были заполнены книгами, написанными на глине, многие из которых содержали копии вавилонских легенд и мифов.

Одна из мифологических историй, обнаруженных в Тель-эль-Амарне, представляет собой последнюю часть рассказа, в котором описывается создание первого человека, Адапы или Адама, и привнесение в мир смерти. Адапа сломал крылья южному ветру, и ему было приказано предстать перед Ану, владыкой неба. Там он отказался прикоснуться к пище и воде "смерти", которые ему предложили, а когда впоследствии сердце Ану "смягчилось" по отношению к нему, он отказался и от пищи и воды "жизни". Тогда "Ану взглянул на него и возвысил свой голос в сетовании: "О Адапа, почему ты не ешь, почему не пьешь? Дар жизни теперь не может быть твоим". "

[pg 067]

Начало этой истории уже много лет хранится в Британском музее. Это фрагмент копии мифа, которая была сделана для библиотеки Ниневии примерно через восемь столетий после того, как остальная часть истории, которая сейчас покоится на берегах Нила, была похоронена под руинами города Ху-н-Атена. Я переписал ее почти двадцать лет назад, но пришлось ждать открытия скрижалей Тель-эль-Амарны, прежде чем выяснить ее истинный смысл и значение. Ниневия и Тель-эль-Амарна должны были объединиться в восстановлении старого вавилонского мифа.

Ханаан был страной, в которой встретились два потока вавилонской и египетской культуры, и теперь мы знаем, что Ханаан был центром той литературной деятельности, которую открыли нам таблички Тель-эль-Амарны. Ханаан в эпоху восемнадцатой династии был, несомненно, страной писцов и буквоедов. Если где-нибудь в Западной Азии и существовали библиотеки, то, несомненно, в городах Ханаана.

Один из таких городов, Кирьят-Сефер, или "город книг", упоминается в Ветхом Завете. Он также назывался Кирьят-Санна, или "город учения", несомненно, из-за школы, которая была при его библиотеке. Место его расположения, к сожалению, утрачено; если оно когда-нибудь будет восстановлено, мы можем ожидать, что под ним окажутся литературные сокровища, подобные тем, что были найдены в [pg 068] курганах Ассирии и Вавилонии. Возможно, когда-нибудь папирусы Египта подскажут нам, где именно их искать.

Упоминание о нем уже встречалось. Во времена Рамзеса II египетский писец составил ироничный рассказ о приключениях одного офицера в Палестине. Офицер, о котором идет речь, назывался мохар, слово, заимствованное у вавилонян, на языке которых оно означало "посланник".

Поэтому египетское произведение обычно называют "Путешествия Мохара", и оно дает нам интересную картину Ханаана незадолго до Исхода израильтян. Автор явно гордился своими географическими познаниями и поэтому ввел названия большого количества мест. В одном из отрывков он спрашивает: "Разве ты не видел Кирхат-Анав вместе с Бет-Софером? Разве ты не знаешь Адуллам и Зидипуту?". Доктор В. Макс Мюллер, которому принадлежит правильное прочтение этого отрывка, указывает, что писец поменял местами слова Kirjath, "город", и Beth, "дом", и что он должен был написать Beth-Anab и Kirjath-Sopher. О том, что он был знаком со значением ханаанского слова Софер (по-египетски Тупар), свидетельствует его добавление к нему детерминатива "писать". Софер, по сути, означает "писец", так же как сефер - "книга", и указывает на тот факт, что [pg 069] Кирьят-Сефер был не только городом книг, но и книгописцев. Следует помнить, что Бет-Анав, "дом винограда", в сокращенной форме Анаб, ассоциируется с Кирьят-Сефером в Ветхом Завете (Иос. xi. 21; xv. 49, 50), как и в египетских папирусах.

В табличках Тель-эль-Амарны мы имеем представление о Ханаане в век, предшествовавший исходу израильтян из Египта. Как мы уже видели, в то время он был египетской провинцией. Поэтому мы можем понять, почему в десятой главе Бытия Ханаан назван братом Мизраима, или Египта. Некоторое время он подчинялся тому же государю и управлялся по тем же законам; уроженцы Ханаана занимали должности при дворе фараона, а египетские губернаторы управляли ханаанскими городами. Только после смерти Рамсеса II, представителя девятнадцатой династии, и примерно в то самое время, когда израильтяне бежали из дома рабства, Ханаан перестал быть зависимым от Египта. С этого времени он был политически и географически отделен от долины Нила, и географ больше никогда не мог объединить его с землей Египта.

Когда фараоном был Ху-н-Атен, города Ханаана были многочисленны и богаты. Их жители были высококультурны и особенно преуспели как [pg 070] золотых и серебряных дел мастера, как изготовители фарфора и разноцветного стекла, а также как ткачи богато окрашенного льна. Их купцы уже торговали в дальних уголках известного мира. Назначаемые фараоном губернаторы в большинстве своем были туземцами, иногда среди них оставался представитель старой линии царей, хотя часто рядом с ним находился египетский префект. Губернаторы контролировались присутствием египетских гарнизонов, а также визитами египетского "комиссара". Их соперничество и ссоры составляют тему многих писем,

найденных в Тель-эль-Амарне: обе стороны обращаются к фараону за защитой и помощью и в равной степени заявляют о своей верности ему. По-видимому, египетская политика заключалась в том, чтобы поощрять эти ссоры или, во всяком случае, поддерживать равновесие между соперничающими правителями.

До тех пор пока власть Египта оставалась нетронутой, *эти ссоры*, которые иногда *выливались в открытую войну*, не давали повода для беспокойства. Египетские войска всегда можно было отправить на место беспорядков до того, как они станут опасными. Но в тревожные дни правления Ху-н-Атена, когда сам Египет был неспокоен и склонен к восстанию, положение дел изменилось. Египетские войска были нужны дома, и фараон был вынужден глухо [pg 071] к жалобным призывам о помощи, которые к нему обращались. Враги египетского владычества стали множиться и крепнуть. На юге египетскому господству угрожали хабиры или "конфедераты", на севере аморейские повстанцы интриговали с хеттами и царями Нахараима и Вавилонии, а во всех частях Палестины суфы или бедуины были постоянно начеку, чтобы воспользоваться слабостью правительства.

Особую опасность для хабиров представлял вассальный король Иерусалима Эбед-тоб. В своих письмах он описывает себя как не похожего на других правителей, поскольку был назначен на свой пост "рукой" или "оракулом" "Могущественного царя", верховного божества своего города. Следовательно, он получил свое царское достоинство не от отца или матери. По сути, он был царем-жрецом, как и его предшественник Мелхиседек, которому Аврам платил десятину. Однако Эбед-тоб не смог одержать верх над своими врагами - хабирами. Один за другим города, входившие в территорию Иерусалима, от Кейлы и Гат-Кармеля до Раввы, попадали в их руки; фараон не мог прислать ему помощь, о которой он так усердно просил, и в конце концов мы узнаем, что он попал в руки своего врага бедуина Лабая вместе с городами, которыми он управлял. Лабай был в союзе с [pg 072] неким Малхиэлем, который также пишет письма египетскому монарху, а также с Таги из Гата и хабирами. Последние, по-видимому, дали название Хеврон, "Конфедерация", старому городу Кирьят-Арба.

Мегиддо был резиденцией египетского губернатора, как и Газа, недалеко от Сихема. Название Сихема не найдено в табличках Тель-эль-Амарны, но в "Путешествиях Мохара" упоминается его "гора". Следовательно, либо гора Эбал, либо гора Геризим уже были хорошо известны в Египте. Другой египетский губернатор командовал Финикией. Его главной резиденцией был Гебал, к северу от Бейрута, но у него также были дворцы в Тире и Земаре, в горах внутренней части страны. В одном из своих писем он упоминает о богатстве Тира, который, должно быть, уже был известен.

В клинописных документах Финикия и Палестина одинаково объединены под названием "Ханаан", хотя в иероглифических записях они называются Захи и Хал (или Хар). К северу от Палестины находилась "земля аморреев", правителями которой были Эбед-Ашера и его сын Азиру или Эзер, а к востоку от Иордана - "поле Башана". Господство Египта было признано вплоть до юга, до границ Эдома; последняя страна сохранила свою независимость.

[pg 073]

Таково было состояние Ханаана, когда клинописная переписка Тель-эль-Амарны внезапно заканчивается. Смерть Ху-н-Атена стала сигналом к восстанию против веры, которую он пытался навязать Египту, а также против азиатских влияний, которыми он был окружен. После себя он оставил только дочерей. Одна из них была выдана замуж за принца, который, чтобы закрепить за собой трон, был вынужден вернуться к старой религии страны и назвать себя именем Тутанх-Амон. Но его правление было недолгим, как и правление одного или двух

других родственников и последователей Ху-н-Атена, оставивших о себе следы на памятниках. Соперник, царь по имени Ай, некоторое время владел Египтом, а после его смерти Хорм-хиб, Армаис из Мането, снова правил в Фивах объединенным Египтом, и поклонение солнечному диску было прекращено.

Но руины Тель-эль-Амарны показывают, что восстановление старого вероучения и низвержение приверженцев Ху-н-Атена не обошлось без борьбы. Большинство гробниц в скалах и песчаных холмах, окружающих старый город, остались недостроенными: последователям нового культа, для которых они предназначались, так и не позволили их занять. Сама царская усыпальница, как мы уже видели, находится в столь же незаконченном состоянии, а [pg 074] саркофаг, в котором покоилось тело царя, был поврежден вскоре после того, как в него поместили его мумию. Он так и не был помещен в вырезанную для него нишу; его разбитые фрагменты были обнаружены вдали на полу большого колонного зала. Столица "короля-еретика" была разрушена врагами вскоре после его смерти и больше никогда не заселялась. Руины дворца и домов были полны разбитых статуй и других предметов, которые их владельцы не успели вывезти. Город просуществовал всего около тридцати лет, а затем пески пустыни сомкнулись над его павшим величием. О том, насколько внезапным и полным должно было быть его падение, свидетельствуют клинописные таблички; эти императорские архивы не только не были перевезены в другое место, но и содержащаяся в них переписка внезапно обрывается полурассказом о катастрофе и ужасе. Азиатская империя Египта разваливается на куски, враги окружают ее со всех сторон; хетты лишили ее северных провинций, и восстание сотрясает ее изнутри. Правители и вассалы фараона все чаще обращаются к нему с настоятельными просьбами о немедленной помощи: "Если в этом году придут войска, то останутся и провинции, и наместники царю, моему господину; если же войска не придут, то не останется ни провинций, ни наместников". Но на эти [pg 075] настоятельные призывы не было получено никакого ответа, и внезапное прекращение переписки под развалинами египетского министерства иностранных дел само по себе дает нам понять причину этого.

Одним из первых действий Хорм-хиба после урегулирования дел внутри страны было наказание азиатов, которые, несомненно, воспользовались минутной слабостью Египта. Со смертью Хорм-хиба, после пятилетнего [правления](#)⁷, восемнадцатая династия завершилась. Рамсес I., основатель девятнадцатой династии, ввел новый тип царского имени, а также, как мы узнаем из памятников, новый тип царского лица. После короткого двухлетнего правления его сменил сын, Сети I., от имени которого мы имеем свидетельство того, что запрещенное поклонение богу Сету - богу Дельты - было вновь взято под царское покровительство. Это свидетельствовало о том, что новая династия вела свое происхождение из Северного Египта.

Сети I. вновь привел египетские войска к победе в Азии. На завоеванные трофеи строились и украшались храмы, на стенах которых были выгравированы имена покоренных народов. Один из таких храмов находился в Абидосе, самом красивом из [pg 076] всех тех, что остались нам в Египте. Но славу Сети как строителя затмил его сын и преемник Рамсес II, и даже храмы, возведенные им в Абидосе и Курне, были достроены и в определенной степени присвоены его более известным сыном.

В Книге Исход говорится, что двумя из "городов-сокровищниц", которые израильтяне построили для фараона-угнетателя, были "Пифом и Раамсес". Открытие Питома, как мы уже видели, стало первым делом Фонда исследования Египта. Открытие, как уже говорилось, было сделано доктором Навилем, которого привели к этому месту некоторые памятники Рамсеса II, найденные там французскими инженерами М. де Лессепа. Эти памятники

состояли из огромной скрижали и монолита из красного гранита, двух сфинксов из изысканно отполированного черного гранита и разбитого святилища из красного песчаника, которые были перевезены в Исмаилию, где они стали главным украшением маленького общественного сада. Поскольку все они свидетельствовали о том, что Тум, заходящее солнце, был верховным божеством места, из которого они прибыли, доктор Навиль пришел к выводу, что это Пи-Тум, "обитель Тума", Пифом из Писания, а не город-компаньон Раамсеса, как считал Лепсиус.

[pg 077]

Курганы, из которых были извлечены памятники, находятся примерно в двенадцати милях к западу от Исмаилие, и называются Тель-эль-Масхуте, "Курган изображения". В прошлом веке, однако, они были известны как Абу-Кешхед и славились полужасыпанным монолитом из гранита, изображающим Рамсеса II, сидящего между Тумом и Ра, иероглифическая надпись на обратной стороне которого была опубликована сэром Гарднером Уилкинсоном. Канал, проложенный фараонами для соединения Нила с Красным морем, а затем очищенный от песка, забившего его, Дарием, Траян и арабским завоевателем Амру, огибал южную сторону курганов. В настоящее время вдоль их северного края проходит современный Пресноводный канал, к северу от которого снова проходит железная дорога из Каира в Суэц. Однако укрепления, возведенные Араби, скрывают местоположение старого города от путешественников в поезде.

Раскопки доктора Навилля доказали, что он был прав, отождествляя Тель-эль-Масхуте с Питомом. Найденные им надписи показали, что древнее название города было Пи-тум и что он находился в районе Тукута, ветхозаветного Суккота. Название этого района уже было известно из папирусов эпохи девятнадцатой династии, и доктор Бругш указал на его идентичность с библейским Суккотом.

[pg 078]

Но открытие древнего названия было не единственным результатом работы исследователя. Оказалось, что город был построен Рамзесом II, и в нем было несколько больших кирпичных зданий, которые, по-видимому, предназначались для магазинов. Вот, наконец, и доказательство того, что египтологи были правы, считая Рамсеса II фараоном угнетения.

Местонахождение Раамсеса или Рамзеса, города-компаньона Питема, еще предстоит обнаружить. Но он не может быть далеко от Тель-эль-Масхуте и, как и последний, должен был находиться в той земле Гошен, в которой поселились израильтяне. Об открытиях, позволивших доктору Навиллю определить границы земли Гошен и установить местоположение ее древней столицы, уже говорилось. Местонахождение Зоана, современного Сана, было известно давно, и раскопки, проведенные сначала Мариеттом Пашой, а затем профессором Флиндерсом Петри, обнажили фундамент его храма и высветили памятники царей, которые обогащали и украшали его. Построенный первоначально в эпоху Старого царства, он был восстановлен гиксосскими завоевателями Египта и стал при них центром влияния и власти.

Таким образом, Гошен, Зоан и Пифом - места, вокруг которых собиралась ранняя история Израиля, - предстали перед нами. Споры, бушевавшие [pg 079] вокруг них, наконец-то прекратились. То тут, то там упорный скептик, воспитанный на традициях прошлого, может еще выражать сомнения по поводу открытий последних лет, но для египтолога и археолога вопрос решен окончательно. Мы можем посетить "поле Зоана" и исследовать курганы Питомы, не сомневаясь в их идентичности. Когда поезд везет нас из Исмаилии в Каир, мы

можем быть уверены, что проезжаем через район, в котором поселились Иаков и его семья, и где жили родственники Моисея. Египет патриархов и Исхода был Египтом узким и легко проходимым в наши дни; он представлял собой западную часть Дельты, особенно полосу возделываемой земли, которая тянется вдоль берегов Пресноводного канала от Загазига до Исмаилии: и все. Восточная и северная части Дельты, Верхний Египет - даже район, в котором сейчас находится Каир, - лежат за ее пределами. История, связанная с ними, не является историей ранних израильтян.

[pg 080]

Глава III. Исход и поселение евреев в Ханаане.

Рамсес II был последним из фараонов-завоевателей в истории Древнего Египта. Азиатская империя Тотмеса III была в какой-то мере восстановлена благодаря победам его отца и его самого. Города Палестины безропотно подчинялись ему. Газа и другие города на территории, которая впоследствии стала территорией филистимлян, были гарнизоны египетскими войсками, а на стенах Рамессеума было изображено завоевание Шалема или Иерусалима, Мерома, Бет-Аната и других ханаанских государств на восьмом году его правления. Египетские войска снова двинулись на север Сирии по дороге, которая вела мимо финикийских городов, и на берегу Нахр-эль-Кельб, или Собачьей реки, недалеко от Бейрута фараон воздвиг табличку в память о своих успехах. На восточной стороне Иордана также вновь возобладала власть египтян. Перед северным пилоном Луксорского храма Рамзес [pg 081] воздвиг шесть колоссальных фигур самого себя, а на их недавно открытых основаниях начертаны имена различных народов, которые он, по его утверждению, покорил. Среди них мы впервые находим в египетских записях имя Моава, которое следует сразу за именем Ассара, Асхурима из Бытия ххv. 3. О том, что вставка этого имени не была пустым бахвальством, мы узнаем из открытия, недавно сделанного доктором Шумахером. На восточной стороне Иордана, но на небольшом расстоянии от Тивериадского озера, находится монолит, называемый "Камнем Иова". На нем немецкий исследователь обнаружил египетские скульптуры и иероглифы. Над фигурой фараона - картуши Рамсеса II, а напротив царя, слева, изображено местное божество с полным лицом и короной Осириса, над которым написано имя Акна-запн, или "Якин Севера". Памятник свидетельствует о постоянной оккупации страны египтянами, так как имя и фигура бога указывают на то, что его воздвигли не сами египтяне, а египтизированные аборигены этих земель.

Вдоль сирийского побережья Сети I уже нес свое оружие. За его походами последовали походы его сына. Арвад, берега Антиохийского залива и даже Киликия перечислены в числе завоеваний фараона. Он даже утверждает, что [pg 082] разгромил армии Ассирии, Матены или Митанни, Арама-Нахараима из Писания, и Сингара в Месопотамии. В Луксоре, на западных стенах недавно раскопанного двора, мы слышим о том, что он был в Тунипе (ныне Тенниб), "в земле Нахараим", о взятии им крепости Кати в том же районе, и о том, как "фараон" взял город в "земле Сатуна". Сатуна была одной из тех стран на крайнем севере, название которых больше нигде не упоминается в египетских текстах.

Сирийские завоевания, однако, не могли долго оставаться во владении фараона. Между ними и Палестиной лежали южные форпосты хеттской расы. В смутные времена, последовавшие за смертью Ху-н-Атена, хетты захватили "землю аморреев" к северу от

Ханаана и основали свою южную столицу в священном городе Кадеш на реке Оронт. Это была твердыня, на которую тщетно бросались войска Рамзеса. Двадцать лет продолжалась борьба между фараоном Египта и "великим царем хеттов", и наконец, измученные долгим конфликтом, в котором ни одна из сторон не получила преимущества, два врага договорились о мире. Договор был подписан двадцать первого числа месяца тиб, в двадцать первый год правления Рамсеса (1327 г. до н.э.), "в городе Рамсеса", куда прибыли хеттские [pg 083] послы. Рамзес, с одной стороны, и Хита-сир, сын Мул-сира, хеттский князь, с другой, связали себя в нем вечной дружбой и союзом. В случае войны они должны были посылать друг другу войска на помощь, а также договорились предавать смерти всех преступников, которые могут перебраться из одной страны в другую. Однако политические преступники, укрывшиеся на территории одной или другой из договаривающихся сторон, не должны были пострадать. Разумеется, в первую очередь эти условия касались ханаанейских подданных фараона, которые примыкали к Хеттскому царству. Кроме того, было решено, что ни под каким предлогом границы двух монархий не должны быть изменены. Договор был помещен под защиту божеств Египта и хеттов, а его хеттская копия была выгравирована на серебряной пластине. Соглашение было закреплено браком Рамзеса с дочерью хеттского царя, которая после этого приняла египетское имя.

Таким образом, Северная Сирия была формально уступлена могущественным завоевателям, спустившимся с гор Каппадокии, а Палестина осталась под властью Египта. Но так продолжалось недолго. Рамсеса сменил Менептах, четырнадцатый из его многочисленных сыновей, который царствовал всего четыре года, когда самому существованию [pg 084] его царства стало угрожать грозное нашествие с запада и севера. "Народы севера" хлынули со своих берегов и островов, и великий флот обрушился на Египет вместе с ливийцами и максимами из северной Африки. Среди них появляются акаюши или ахейцы, шардана или сардинцы, турша или тирсенцы, а также леку из Малой Азии и Заккур, которые чуть позже становятся коллегами и братьями филистимлян. Часть Дельты была захвачена и опустошена, прежде чем фараон смог выступить против своих врагов. Но при Па-Алу-Шепсе, недалеко от Гелиополя, состоялась решающая битва, закончившаяся полным разгромом вторгшихся полчищ. Египет был спасен от грозившей ему опасности, но, похоже, так и не оправился от потрясения. Власть правительства ослабла в самой долине Нила, и одно за другим чужеземные завоевания уходили из-под его контроля. Скипетр Сети II, который последовал за Менептахом, похоже, перешел в руки узурпатора, по имени Амон-мессу: история этого периода, однако, покрыта мраком, и все, что можно сказать наверняка, это то, что империя Рамсеса II была потеряна, а сам Египет впал в состояние упадка. С Си-Птахом девятнадцатая династия подошла к бесславному концу.

[pg 085]

Ее падение стало сигналом к внутреннему смятению и гражданской войне. Сирийский иностранец по имени Арису завладел тронном фараонов, и Египет на некоторое время был вынужден подчиниться ханаанейскому правлению. Ведущие вельможи были в изгнании, боги лишены привычных жертвоприношений, а к ужасам войны добавился голод. Избавитель пришел в лице Сет-нехта, основателя двадцатой династии. Он изгнал чужеземцев из страны и вернул ей мир и процветание. Едва его задача была выполнена, как он умер, и его сменил сын, Рамсес III. При нем преходящий отблеск победы и завоеваний вновь посетил долину Нила.

Для Египта было хорошо, что у него был энергичный полководец и царь. Те же полчища, которые угрожали ей в царствование Менептаха, теперь снова напали на нее, увеличив численность и повысив шансы на успех. На пятом году правления Рамсеса III светлокожие

племена западной пустыни хлынули в Дельту. Максы под предводительством Мдиди, Машакану и Мараиу, а также ливийцы под предводительством Ур-мара и Зут-мара встретились с фараоном в битве в месте, которое впоследствии носило название в память об их поражении. Победа египтян была, по сути, решающей. На поле боя было убито 12 535 человек, а в руки победителей попали пленники и несметная добыча.

Но Рамзесу была дана лишь короткая передышка. Через три года после ливийского вторжения и, несомненно, в связи с ним, произошло еще более грозное вторжение со стороны северных варваров. На этот раз они пришли частично по суше, частично по морю. Огромные полчища их вышли из Малой Азии, захватив царства хеттов, Нахараима, Кархемиша и Арвада, и унесли с собой искателей приключений и новобранцев из стран, через которые они проходили. Сначала они разбили свой лагерь в "земле Аморея", а затем двинулись на юг к границам Египта. Место Акаюша заняли дааны, но Заккур снова стал частью войска вторжения, на этот раз в сопровождении Пульсаты, филистимлян, и Шакалша, сикулийцев. Рядом с сухопутной армией двигался флот с кораблями, и флот и армия вместе прибыли к устьям Нила. Города на крайнем юге Палестины, некогда занятые египетскими гарнизонами, были захвачены филистимлянами и отныне стали их гарантированным владением.

Но основной массе захватчиков не повезло. Египетские войска были готовы [pg 087] принять их, и их корабли едва успели войти в устье Нила, как их атаковал египетский флот. Сражение закончилось полным уничтожением атакующего войска. Изображение этого сражения высечено на стенах Мединет-Хабу в Фивах, храма-дворца, который Рамсес построил в память о своих победах, и мы можем изучить корабли европейских варваров, а также черты лица и одежду самих варваров. По выразительному выражению египетского писца, "они больше не собирали урожая".

Однако и теперь Рамсес не успокоился. Через три года Максы снова напали на Египет под предводительством Машашаля, сына Капура, но опять безуспешно. Скот, лошади, ослы, колесницы и военное оружие в большом количестве попали в руки египтян, а также 2052 пленника, в то время как 2175 человек были убиты. С этого момента Египет был защищен от нападения на западной границе.

Освободившись от необходимости защищать свои территории, Рамзес перенес войну в Азию. То, что в более поздние времена называлось Иудейской землей, было захвачено его войсками; Газа и районы вокруг Хеврона и Салема или Иерусалима были оккупированы, а название Мертвого моря впервые в истории Египта появилось на стенах Мединет-Хабу. Египетская армия даже переправилась на [pg 088] восточную сторону Иордана и захватила столицу моавитян.

Другой поход привел ее вдоль финикийского побережья в северную Сирию. Был взят Хамат, и Рамсес, похоже, проник до склонов Тавра. Он даже утверждает, что победил жителей Митанни или Арам-Нахараима на восточном берегу Евфрата. Цари хеттов и аморея, как и вожди Заккура и филистимлян, уже были пленниками в его руках.

Но северные походы Рамсеса были направлены скорее на наведение ужаса, чем на восстановление азиатской империи Египта. Не было предпринято никаких попыток удержать захваченные города и районы. Хотя на границах поздней Иудеи был воздвигнут храм Амону, даже Газа была сдана, а крепость, так долго защищавшая дорогу из Ханаана в Египет, перешла в руки филистимлян. То же самое произошло и в кампании, которую фараон провел позднее против "шасу" или бедуинов Эдома. Впервые египетскому войску удалось пробиться в горы Сеир, перебить эдомских воинов и разграбить их "шатры". Сам эдомитский вождь был

взят в плен. Экспедиция [pg 089] имела своим следствием защиту египетских горных предприятий на Синайском полуострове, а также морской торговли с южной Аравией. Из года в год из египетской провинции Мафка или Синай привозили большое количество малахита, а торговые суда Рамсеса курсировали по Красному морю, привозя драгоценные пряности из Йемена и Хадрамаута.

Рамсес III умер после более чем тридцатидвухлетнего правления, и военная слава Египта угасла вместе с ним. Точная дата его правления до сих пор вызывает сомнения, но его воцарение должно было произойти около 1200 года до нашей эры. Эта дата важна не только потому, что она завершает историю Египта как завоевательной державы, но и потому, что она знаменует собой великую эпоху миграции среди северного населения Средиземноморья, а также постоянное поселение филистимлян в Палестине. Кроме того, именно к этому периоду относится вторжение израильтян в Ханаан.

Когда Рамсес III захватил южную часть Палестины и построил храм фиванского бога в месте, известном сейчас как Хурбет Каньян, недалеко от Хеврона, израильтяне еще не могли войти в Землю Обетованную. В Пятикнижии нет упоминаний о египтянах, а в иероглифических текстах Мединет-Хабу нет упоминаний об израильтянах. Хеврон, Мигдаль, Кармель [pg 090] Иуды, Ир-Шемеш и Хадашах - все они одинаково попали в руки египетских захватчиков, но ни в египетских, ни в древнееврейских записях нет никаких намеков на борьбу между Египтом и Израилем. Когда Иисус Навин вошел в Ханаан, все эти города принадлежали хананеям, и когда Рамсес III. напал на них, это тоже было так. Палестинский поход Рамсеса должен был подготовить путь к израильскому завоеванию; он не мог последовать за ним.

Более того, "пять владык Филистимских", похоже, уже обосновались на крайнем юге, когда произошло израильское вторжение (Иис. xiii. 3). Однако из египетских памятников также следует, что поселение было полностью завершено только после азиатских походов фараона. Филистимляне действительно составляли часть огромного войска, которое пронеслось через Сирию и напало на Египет в начале его царствования, но Газа была одним из его завоеваний, и ее обладание позволило ему совершить поход в Ханаан. Прежде чем Газа могла стать филистимским городом, необходимо было вывести из нее египетский гарнизон. Профессор Прашек считает, что филистимляне захватили южную часть Ханаана в 1209 году до н. э., поскольку римский историк Юстин рассказывает, что в этом году царь Ашкелона взял штурмом город [pg 091] Сидон, а сидонцы бежали в соседнюю часть побережья и там основали Тир. Как бы то ни было, поселение филистимлян в Ханаане следует отнести к эпохе Рамсеса III, и именно с филистимлянами израильтяне вступили в конфликт почти при самом раннем из своих судей.

Но дата завоевания израильтянами Ханаана тесно связана с датой исхода из Египта. Правда, когда нам рассказывают о сорокалетнем скитании по пустыне, слово "сорок", как и в других местах Ветхого Завета, а также на Моавитском камне, используется для обозначения неопределенного периода времени. Это был период, в течение которого большая часть поколения, вышедшего из Египта, успела умереть. Иисус Навин и Халев действительно остались, а Офниэль, брат Халева, дожил до того, что избавил Израиль от царя Арам-Нахараима и стал первым из судей. Но в остальном это было новое поколение, которое Иисус Навин повел на завоевание.

Если Рамсес II был фараоном угнетения, то фараон исхода должен был быть одним из его ближайших преемников. Египтологи колеблются между Менептахом, Сети II. и Си-Птахом. Есть много аргументов в пользу каждого из них. Ни один из них не царствовал долго, а после

смерти Менептаха [pg 092] скипетр попал в слабые руки, и египетская монархия быстро пришла в упадок.

По местной традиции, о которой сообщает историк Мането, Менептах был тем фараоном, при котором сыны Израиля вырвались из дома рабства. Аменофис или Менептах, как утверждалось, пожелал увидеть богов. Провидец Аменофис, сын Па-аписа, велел ему очистить землю от прокаженных и нечистых. Он так и сделал, и со всех концов Египта было собрано 80 000 человек, которых отделили от остальных жителей страны и заставили работать в каменоломнях Тура, на восточном берегу Нила. Среди них оказалось несколько жрецов, одним из которых был Осарсиф, жрец Он, и за святотатственный акт возложения рук им было суждено быть отомщенными богами. Провидец предсказал, что нечистые прокаженные найдут себе союзников и с их помощью будут править Египтом тринадцать лет, когда появится спаситель в лице самого Аменофиса. Не решившись рассказать царю об этом предсказании, он изложил его в письменном виде, а затем лишил себя жизни. Через некоторое время рабочие каменоломен были удалены в Аварис, заброшенную крепость гиксосов на азиатской границе Египетского царства. Здесь они подняли восстание под руководством Осарсифа, который организовал их в [pg 093] общину и дал им новые законы, запретив почитать священных животных и приказав отстроить стены Авариса. Он также послал к потомкам гиксосов в Иерусалим, умоляя их о помощи. В Аварис был отправлен отряд из 200 000 человек, и было принято решение о вторжении в Египет. Аменофис удалился в Эфиопию, не нанеся ни одного удара, взяв с собой своего сына Сетоса, которого в честь деда называли Рамессом, а также священного быка Аписа и других священных животных. Изображения богов были спрятаны, чтобы их не осквернили захватчики. Аменофис оставался в Эфиопии тринадцать лет, пока Осарсиф, принявший имя Моисея, вместе со своими союзниками из Иерусалима совершал бесчисленные злодеяния. Однако в конце концов Аменофис и его сын Сетос вернулись, каждый во главе армии; враги были разбиты и повержены, и в конце концов их преследовали до границ Сирии.

Эта традиция представляет собой любопытную смесь фактов и легенд. Осарсиф - это египтизированная форма имени Иосиф, первый слог которого был объяснен как обозначающий бога Израиля (как в Пс. lxxi. 5), и, соответственно, был отождествлен с Осаром или Осирисом. Древнеегипетская привычка считать иностранца нечистым была истолкована как означающая, что последователи Осарсифа были прокаженными. Исход израильтян [pg 094] связывают с нашествием северных варваров в царствование Менептаха, а также с беспокойным периодом падения девятнадцатой династии, когда трон Египта захватил сириец Арису. И, наконец, в повествование введены ненавистные гиксосы; их крепость Аварис становится местом сбора восставших прокаженных, и именно благодаря помощи, присланной ими из Иерусалима, в долине Нила устанавливается власть Осарсифа или Моисея.

Интересный комментарий к легенде дает папирус, недавно приобретенный М. Голенищевым и относящийся к эпохе Тотмеса III. На последней странице находится своего рода мессианское пророчество, герой которого носит имя Амени, сокращенную форму Аменофиса. "Царь, - говорится в нем, - придет с юга, Амени, провозглашающий истину, по имени. Он будет сыном женщины из Нубии и родится в..... Он примет корону Верхнего Египта и поднимет красную корону Нижнего Египта. Он соединит двойную корону..... Люди возраста сына человеческого (sic) возрадуются и утвердят имя его на веки вечные. Они будут далеки от зла, а нечестивые смирят свои уста от страха перед ним. Азиаты (Âtu) падут перед его ударами, а ливийцы - перед его пламенем. Нечестивые будут ждать его суда, мятежники - его [pg 095] силы. Царская змея на его челе умиротворит восставших. Будет построена стена,

даже стена князя, чтобы азиаты больше не могли войти в Египет". В этом Амени мы, вероятно, должны видеть Аменофиса манефонской истории.

Против отождествления Менептаха с фараоном Исхода, однако, выдвигается аргумент, что в целом он был успешным князем. Его царство благополучно пережило потрясения, связанные с ливийским и северным вторжениями, а дошедшие до нас сведения показывают, что в начале его правления Газа и соседние города все еще признавали его власть. В Зару, на азиатской границе Египта, был поставлен молодой писец, по имени Па-эбпаса, в обязанности которого входило вести учет всех, кто въезжал в страну или покидал ее "путем филистимлян". Некоторые из его записей, сделанных в третий год правления Менептаха, записаны на обороте его школьной тетради, которая сейчас хранится в Британском музее. В одной из них говорится, что пятнадцатого Пахона Баал... сын Зиппора из Газы прошел с письмом к Баал-марому(?) - га[б]у, князю Тира; в другой - что Тот, сын Закаруму, и полицейский Дутау, сын Шем-баала, а также Сутех-мес, сын Эфер-дагала, пришли из Газы с посланием к царю.

[pg 096]

Любопытная депеша, датированная восьмым годом правления Менептаха, свидетельствует о том, что в то время родственники израильтян все еще могли свободно проходить из пустыни в землю Гошен и находить там пастбища для своих стад. Один из его чиновников сообщает ему, что некоторым шасу или бедуинам из Эдома было разрешено пройти через Хетам или крепость Менепта Хотеп-хима в округе Суккот и пробраться к озерам города Пифом в округе Суккот, "чтобы кормить себя и свои стада во владениях фараона, который там является благодетельным солнцем для всех народов". Этот документ можно истолковать двояко. Его можно принять за доказательство того, что израильтяне еще не бежали из Египта и что, следовательно, египтяне пока не препятствовали проникновению азиатских кочевников в их страну, или же можно считать, что земля Гошен уже опустела, так что там было достаточно места и для пастухов, и для стад. В пользу этой точки зрения можно привести отрывок из великой надписи Менептаха в Карнаке, в котором говорится, что "страна вокруг Па-Байлоса (современный Белбейс) не возделывалась, а была оставлена как пастбище для скота из-за чужеземцев. Она была заброшена со времен предков". Однако более вероятно, что это означает, что земля, о которой идет речь в [pg 097], не была заселена египетскими феллахами, а была отдана в распоряжение еврейских пастухов и "смешанного множества" их бедуинских сородичей.

Более серьезным возражением против того, чтобы сделать Менептаха фараоном Исхода, является тот факт, что его сын Сети II. уже при жизни отца был признан наследником престола. Сказка о двух братьях", на которую нам уже приходилось ссылаться, была посвящена ему, когда он еще был наследным принцем. Более того, кажется, что он был связан со своим отцом на троне, так как картуши Менептаха и Сети II. найдены рядом в скальном храме Суарийе. Поэтому кажется, что первенец фараона, который был уничтожен в ночь Пасхи, не мог быть сыном Менептаха - во всяком случае, если его наследник и будущий преемник был его первородным сыном. То, что Менептах был похоронен в одной из царских гробниц Бибан-эль-Молук в Фивах и удостоился божественных почестей после своей смерти, имеет меньшее значение. Как уже не раз отмечалось, в повествовании об Исходе не упоминается, что сам фараон был утоплен, и хотя гробница Менептаха (№ 8) не достроена, культ, который воздавался его памяти, указывает на то, что в нее была помещена его мумия. Гробница была разграблена много веков назад, а многочисленные греческие надписи на ее [pg 098] стенах дают понять, что она была открыта для посетителей в римскую эпоху.

Профессор Масперо предположил, что библейским фараоном был Сети II. Мы знаем, что Сети, должно быть, был слабым принцем, и что его правление оспаривалось. Узурпатор, по имени Амон-мессу, захватил корону либо при его жизни, либо после его смерти, и правил в Фивах, в то время как власть законной линии принцев все еще признавалась на севере. Мы также знаем, что он, должно быть, умер внезапно, поскольку его гробница в Фивах (№ 15), хотя и была великолепно начата, так и не была закончена. Ее галереи и залы были вырублены в скале, но никогда не украшались скульптурами и росписями, и, за исключением входа, мы имеем лишь наброски, которые никогда не были заполнены. Его картуши, однако, найдены в другой гробнице, неподалеку (№ 13), и после его смерти поклонялись ему и его жене.

В одной депеше, написанной во время его правления, рассказывается о побеге двух беглецов, которые шли по той самой дороге, по которой пытались пройти израильтяне. Писец рассказывает, что отправился в погоню за ними из царского города Рамзеса вечером 9-го числа Эпифи, а на следующий день прибыл в Хетам или крепость Суккот. Через два дня он достиг другого Хетама и там узнал, что рабы уже в безопасности в пустыне, пройдя [pg 099] линии укреплений к северу от Мигдола царя Сети. Этот рассказ является интересной иллюстрацией к бегству в гораздо больших масштабах, которое должно было происходить примерно в то же время. География депешы находится в тесной гармонии с географией Книги Исхода и свидетельствует о современности последней с событиями, о которых она повествует. Это география, которая перестала быть точной после эпохи девятнадцатой династии.

Поэтому вполне возможно, что фараоном, чье войско погибло в волнах Красного моря, является Сети II, а не Менептах. Но есть еще один претендент - Си-Птах, с которым закончилась девятнадцатая династия. Доктор Келлогг умело аргументировал свою позицию, и вполне возможно, что взгляды этого ученого верны. Право на трон Си-Птах получил от своей жены, Та-Усер, и царствовал не менее шести лет. То, что он последовал за Сети II., давно признано на основании авторитета Мането, хотя в этом были сомнения из-за заявления Шампольона о том, что он нашел имя Сети написанным поверх имени Си-Птаха в гробнице последнего в Бибан-эль-Молуке (№ 14). Все сомнения, однако, теперь устранены надписью, которую я скопировал в Вади Хальфа два года назад, в которой автор, Хора, сын Кама, заявляет, что он раньше принадлежал к дворцу Сети II., и выгравировал [pg 100] надпись в третий год Си-Птаха. В другой надписи в том же месте, датированной также правлением Си-Птаха, автор сообщает, что был послом в стране Хал или Сирии. Таким образом, связь с Азией все еще поддерживалась.

Гробница Си-Птаха в Фивах была узурпирована Сетнехтом, основателем двадцатой династии. Даже сомнительно, что царь, для которого она была сделана, когда-либо был в ней похоронен. Во втором зале усыпальниц была обнаружена крышка его саркофага, но от самого саркофага не осталось и следа. Возможно, он был присвоен Сет-нехтом. Во всяком случае, те, кто верит, что фараон Исхода погиб в Красном море, найдут в Си-Птахе лучшего его представителя, чем Менептах или Сети. А период анархии, последовавший после его смерти, можно рассматривать как естественное продолжение бедствий, постигших Египет до того, как сынам Израиля было позволено уйти.

Как бы то ни было, вопрос о дате Исхода сводится к узким рамкам. Три преемника Рамсеса II правили в общей сложности недолго. Манефо дает семь лет только Си-Птаху, пять лет - Амону-Мессу, и мы знаем из памятников, что Менептах и Сети II. могли царствовать лишь очень мало лет. Тридцать или сорок лет, самое большее, охватывают период, который прошел [pg 101] между смертью великого Рамсеса и падением его династии. Затем

наступили несколько лет неразберихи и анархии, за которыми последовало правление Сетнехта. Если мы отнесем воцарение Рамсеса III к 1230 году до н. э., то не ошибемся.

Когда это произошло, израильтяне были скрыты от глаз великих народов мира в уединении пустыни. Они разбили свои шатры на границах горы Сеир, в непосредственной близости от своих сородичей из Эдома и Мадиама. Там, на Синае и в Кадеш-Барнеа, они получали свод законов и готовились стать народом и завоевателями Ханаана. Входили ли они в число шасу горы Сеир, о свержении которых вспоминает Рамсес III?

За ответом мы должны обратиться к двадцать первой главе Книги Чисел. Там мы читаем, как говорится в книге войн Господних: "Вахев в Суфе и ручьи Арнона, и поток ручья, который спускается к жилищу Ар, и лежит на границе Моава". О войне с аморреями на берегах Арнона нам кое-что известно, но Ветхий Завет не сохранил никаких сведений о другой войне, которая происходила в Суфе. Где находился Суфа, мы знаем из открытия Книги Второзакония, где говорится, что слова Моисея были обращены к народу [pg 102] "на равнине против Суфа". Суф, по сути, был районом, давшим название Ям Суф или "Море Суф", Красное море в авторизованной версии, современный залив Акаба. Здесь находились эдомитские порты Елот и Есион-гебер, где Соломон построил свой торговый флот (1 Царств ix. 26), и здесь же находилась область, которая выходила на "равнину" с южной стороны Моава.

Бесплодные хребты горы Сеир спускаются к югу до Езион-гебера и Елота, расположенных у берегов залива Акаба. Именно в районе горы Сеир, как рассказывает Рамсес III, он поразил шасу и разграбил их шатры. Когда он совершил этот поход, израильтяне, вероятно, все еще стояли лагерем на границах Эдома. Они еще не вошли в Ханаан, когда он прошел через позднюю Иудею и переправился через Иордан в Моав, а его поход против шасу в пустыне состоялся лишь много лет спустя. В Мединет-Хабу "вождь шасу" фигурирует среди его пленников рядом с царями хеттов и аморреев.

Велась ли "война Господня" в Суфе против фараона Египта? Хронология говорит в пользу этого, и если врагами израильтян была не египетская армия, то трудно сказать, кто еще мог ими быть. Из Пятикнижия [pg 103] мы знаем, что это были не жители Эдома; израильтянам было предписано "не вступать с ними в сношения"; дети Исава были их "братьями", и Бог "отдал гору Сеир Исаву во владение".

Но независимо от того, вступал ли Рамсес III с коленами Израиля в реальный конфликт или нет, именно в его правление были совершены первые завоевания израильтян в Ханаане. Расселение двенадцати колен в Палестине совпало с окончательным упадком египетской монархии.

[pg 104]

Глава IV. Эпоха израильских монархий.

Рамсес III был последним из великих фараонов, в чьих жилах текла исконно египетская кровь. Все его преемники носили то же имя, что и он сам, но не обладали ни его энергией, ни

его властью править. Он спас Египет от дальнейшего нападения извне, и хорошо, что он это сделал, потому что слабые монархи двадцатой династии не смогли бы противостоять врагу. Они перестали даже строить и возводить памятники, которые свидетельствовали о процветании страны и прогрессе ее искусства. Жрецы Амона постепенно узурпировали их власть, и в конце концов наступило время, когда последний из Рамзесов бежал в изгнание в Эфиопию, а на его месте воцарилась новая династия. Но власть новых монархов едва ли была признана за пределами Дельты; Фивы были практически независимы под властью своих царей-жрецов, и хотя они признавали власть танитских фараонов на словах, на деле они действовали так, как будто были независимыми государями. Один из [pg 105] них, Рамменхепер, построил крепости не только в Гебелене на юге, но и в Эль-Хибе на севере, и таким образом перекрыл реку как от подданных танитских князей, так и от захватчиков с юга. Временами, правда, танитские фараоны XXI династии осуществляли фактический суверенитет над Верхним Египтом, и первый из них, Смендес, добывал камень в Дабабии, напротив Гебелена, для ремонта Луксорского канала; но, как правило, до юга они были фараонами только по имени. Соперничающая династия фиванских первосвященников была одновременно и более могущественной, и более царственной. Именно они в минуту опасности спрятали мумии великих монархов XVIII и XIX династий в яме в Дёр-эль-Бахари, а их собственные мумии были захоронены рядом с мумиями Тотмеса и Рамзеса.

Египетская жена Соломона была дочерью одного из последних фараонов двадцать первой династии. В качестве приданого она взяла с собой ханаанский город Гезер. Гезер был одним из ведущих городов Палестины во времена переписки Тель-эль-Амарны, и на протяжении всех лет израильских завоеваний он оставался в руках ханаанцев. Это был фараон из Таниса, а не израильтянин, в чье владение ему суждено было в конце концов попасть.

[pg 106]

Угасание власти Соломона в Израиле совпало с угасанием власти двадцать первой династии. Задолго до смерти древнееврейского монарха в Египте воцарилась новая династия. Ее основатель Шишак был ливийского происхождения. Его ближайшие предки командовали ливийскими наемниками на службе у фараона, и в надписях, недавно обнаруженных в оазисе Эль-Харгех, написано имя Шашака. Египтяне немного изменили его произношение и сделали Шашанк, но в Ветхом Завете сохранилась истинная форма.

Шишак привнес новую силу в пришедшую в упадок монархию Нила. Цари-жрецы Фив пали перед ним, вместе с изнеженными фараонами Таниса. Возможно, Соломон попытался помочь своему тестю; если он так поступил, то единственным результатом стало навлечение беды на себя. Его мятежный подданный Иеровоам бежал в Египет и нашел приют и защиту при дворе Шишака.

Шишак, должно быть, с удовлетворением наблюдал за тем, как соседняя империя Израиля разваливается на куски, пока в конце концов сама центральная держава не распалась на две части. Мятежник, которого он так тщательно взращивал при собственном дворе, стал тем инструментом, который избавил его от дальнейшего страха перед опасностью со стороны Азии. Иерусалим, не представлявший угрозы для Египта, теперь находился во власти египетских войск, и в пятый [pg 107] год правления Реховоама Шишак повел свои войска против него. Крепкие стены, возведенные Соломоном, оказались бесполезными; храм и дворец были разграблены, а золотые щиты из оружейной комнаты унесены. Запись об этом походе была выгравирована завоевателем на южной стене храма Амона в Карнаке. Там мы читаем, как он победил аму, или азиатов, и фенху, или жителей Палестины, а под ними - картуши, над каждой из которых изображена голова пленника, содержащие названия

завоеванных мест. Вначале идут названия городов северного царства Израиля. Но, как замечает профессор Масперо, это не доказывает, что они действительно были в числе завоеваний Шишака. Если бы Иеровоам попросил его о помощи против Иуды и тем самым признал себя вассалом фараона, это было бы достаточным поводом для включения названий его городов в число подвластных Египту государств. Но, возможно, кампания была направлена как против Израиля, так и против Иуды, и Иуда пострадал больше всех просто потому, что ему пришлось принять на себя основную тяжесть атаки.

В любом случае, список побежденных городов начинается с Газы, овладение которой было необходимо, прежде чем египетская армия смогла пробиться в Палестину; затем следуют Раввит Иссахарский, Таанах, близ Мегиддо, Хафараим и Бет-Орон, а [pg 108] Маханаим, на восточной стороне Иордана, также включен в их число. Но после этого в списке фигурируют исключительно города и селения Иуды, а также бедуинские племена в пустыне к югу от него. Так, мы видим Ахалон и Маккеду, Сохо и Кейлу, Мигдол и Бет-анот. Затем мы читаем названия Азем и Арад, расположенные дальше к югу, а также Агараим, или "Замки" Арада, и Раббит 'Арадай, "Арад - столица". Рядом с Арадом стоит имя Юрахмы, ветхозаветного Иерахме-эля, брата Калева Кениззета (1 Хрон. ii. 42), чья земля была опустошена Давидом (1 Цар. xxx. 29). Но большую часть списка составляют названия небольших деревень и даже бедуинских лагерей или такие общие термины, как Хагра - "ограда", Негебу - "юг", Эмек - "долина", Шеббалет - "поток", Абилим - "поля", Ганат - "сад", Хайдеба - "каменоломня" и египетское Шодинау - "каналы" 8. Среди них мы тщетно ищем даже такие названия, как Гезер и Беер-Шеба. Иерусалим тоже бросается в глаза своим отсутствием, если только мы не согласимся с профессором Масперо, усмотрев его в последнем имени списка (№ 133), от которого сохранился только первый слог. Если бы не запись в [pg 109] Первой книги Царств, мы бы никогда не узнали, что кампания Шишака нанесла такой серьезный ущерб Иудейскому царству.

Шампольон, первый открывший этот список и осознавший его важность, полагал, что нашел в нем название иудейской столицы. В двадцать девятом картуше написано Яуд-хамелек, что, по его мнению, означает "царство Иуды", а по версии Розеллини - "царь Иуды". Но оба толкования невозможны. Мелек, правда, означает "царь" на иврите, но "царь Иуды" должен быть мелек-Яуда; "царство Иуды" - малкуф-Яуда. В семитских языках генитив должен следовать за существительным, которое им управляет.

Яуд-хамелек - это ивритское Йе(х)уд хам-мелех "Иегуд царя". Иегуд был городом в Дане (Иос. xix. 45), который Блау отождествляет с современным Эль-Йегудией, недалеко от Яффы, а титул, приписанный к нему в египетском списке, подразумевает, что он был уделом короны. Лица заключенных, которые возвышаются над картушами, заслуживают внимания. Египетские художники были искусными обрисовщиками человеческих черт, и изучение их скульптур и картин показало, что они изображали черты своих моделей с удивительной правдивостью и точностью. Для этнологических целей их портреты иноземных рас имеют большое [pg 110] значение. Теперь пленники Шишака имеют черты не еврея, а аморея. Поэтому пленники, служившие моделями для египетских скульпторов в Карнаке, должны были иметь аморейское происхождение. Это доказательство того, что аморейское население в южной Палестине было еще сильно во времена Реховоама и Шишака. Евреи преобладали только в Иерусалиме и крупных городах и крепостях царства. В других местах древняя раса сохранилась со всеми своими характерными особенностями; израильское завоевание никогда не искореняло ее. Поэтому она до сих пор живет и процветает на своей древней родине. Путешественник в сельских районах Иудеи тщетно ищет следы иудейской расы, но он все еще может увидеть там аморрея, точно так же, как он изображен на

памятниках Египта. На самом деле евреи были лишь завоевательной и господствующей кастой, и с исчезновением их национальности в Иудее исчез и их расовый тип. Те немногие, кто остался, один за другим влились в более древнее население страны.

Шисак умер вскоре после своих иудейских походов. Ни один из его преемников, похоже, не обладал его военным потенциалом и энергией. Однако один из них, Осоркон II, кажется, предпринял экспедицию в Палестину. Среди памятников, раскопанных в Бубастисе доктором Навиллем для Египетского [pg 111] фонда исследований, есть каменные блоки с надписями, которые составляли стены второго зала храма. Этот зал был восстановлен Осорконом, который назвал его "Праздничным залом" Амона, который был посвящен в день Хойака, на двадцать втором году правления царя. На одном из блоков фараон объявляет, что "все страны, Верхняя и Нижняя Ретенну, сокрыты под его ногами". Верхняя Ретенну обозначала Палестину, Нижняя Ретенну - Северную Сирию, и хотя это хвастовство, несомненно, было тщеславным, оно должно было иметь под собой какое-то основание.

Во Второй книге Хроник (xiv. 9-15) нам рассказывают, что когда Аса был на иудейском престоле, "вышел против них Зерах Ефиоплянин с войском в тысячу тысяч и триста колесниц". Сходство имен Зерах и Осоркон было замечено давно, и правление Осоркона II совпадает с правлением Асы. Поэтому доктор Навиль, вероятно, прав, полагая, что между походом Зераха и хвастовством Осоркона существует определенная связь. Правда, Летописец называет Зераха эфиопом и описывает его армию как эфиопское войско; но это объясняется тем, что следующие цари Египта, вмешивавшиеся в дела Палестины, Со и Тирхака, были эфиопами по происхождению. Во всяком случае, во времена [pg 112] Асы, когда в Египте правила двадцать вторая династия, ни одна эфиопская армия не могла войти в Иудею без разрешения египетского монарха. Однако доктор Навиль обращает внимание на то, что Осоркон, похоже, имел какие-то особые связи с Эфиопией. На его великом празднике в Бубастисе присутствовали уроженцы Эфиопии, Анти пришли со своими дарами из "страны негров" и изображены, как и жрецы, на стенах зала.

Но для Египта наступали смутные времена. Двадцать вторая династия закончилась, и наступил период смуты, гражданских войн и иноземных вторжений. Цари Эфиопии плыли вниз по Нилу и захватили страну от Ассуана до моря. Мелкие князьки правили как независимые государи в различных городах Египта и вели войны один против другого. Эфиоп Пи-анхи довольствовался их кратковременной покорностью; затем он удалился в свою родовую столицу Напату, расположенную на полпути между Донголой и Хартумом, унося с собой нильские трофеи. Другой эфиоп, Шабака или Сабако, сын Кашета, основал более постоянное поселение в Египте. Он предал смерти номинального фараона, Бак-н-ран-фа или Бокхориса, и основал двадцать пятую династию. Порядок был вновь восстановлен, мелкие князьки подавлены, а Египет [pg 113], как и Эфиопия, подчинялись единому главе. Дороги были очищены от разбойников, храмы и стены городов были восстановлены, и торговля снова могла свободно проходить вверх и вниз по Нилу.

Египетская цивилизация и египетская религия утвердились в Эфиопии со времен восемнадцатой династии. В течение нескольких столетий, даже после обретения независимости от Египта, правящие классы хвастались чистотой своего египетского происхождения. Но еще до эпохи Сабако египетский элемент был поглощен коренным населением. Из памятника ассирийского царя Эсар-хаддона, недавно найденного в Синджерли, на севере Сирии, мы узнали, что Сабако и его преемники обладали всеми физическими характеристиками негра. Но на египетских памятниках нет никаких признаков этого. С тем презрением к черной расе, которое до сих пор отличает их, египтяне отказывались признать, что их фараоны могли быть негритянской крови. В скульптурах и

картинах Нила, соответственно, цари эфиопской династии представлены со всеми чертами египетской расы.

Однако, несмотря на все попытки скрыть этот факт, теперь мы знаем, что на самом деле они были неграми. Но они принесли с собой бодрость и силу воли, которых давно не хватало правителям [pg 114] Египта. И вскоре их азиатские соседи обнаружили, что на берегах Нила возникла новая и энергичная сила. Ассирия теперь распространяла свою империю на всю Западную Азию и претендовала на контроль над политикой Сирии и Палестины. Сирийские князья обратились за помощью к Египту. В 720 г. до н. э. Ассирия и Египет впервые встретились лицом к лицу. Сиб'е, тартан, или главнокомандующий, египетских войск, вместе с Ханно из Газы и другими сирийскими союзниками преградил путь ассирийским захватчикам в Рафии, на границе Палестины. Победу одержал ассириец Саргон. Ханно был взят в плен, а Сиб'е бежал в Дельту. Но Саргон снова повернул на север и не стал развивать свой успех. Он довольствовался тем, что получал дань от фараона (Пир'у), царя Египта, от Самси, царицы Аравии, и от Итамара Сабейнина.

В Сиб'е мы должны видеть Со или Севе из Ветхого Завета (2 Цар. xvii. 4). Там он назван "царем Египта", но скорее он был одним из подчиненных принцев Дельты, который действовал как главнокомандующий "фараона". Фараоном, судя по всему, по-прежнему был Бак-н-ран-ф.

Через несколько лет на троне утвердился Сабакх. Он царствовал не менее двенадцати лет, и его сменил шурина Тирхака, Тарку [pg 115] из ассирийских текстов. При нем Египет вновь сыграл свою роль в еврейской истории.

Именно доверие к "фараону, царю Египта" заставило Езекию восстать против Ассирии после смерти Саргона. Результатом стало вторжение в его царство Сеннахериба в 701 году до н. э. Тирхака двинулся вперед, чтобы помочь своему союзнику. Но его поход отвлек внимание ассирийского монарха лишь на некоторое время. Армии Сеннахериба и Тирхака встретились у Эльтекеха, и фараон Египта Тирхака был вынужден отступить. В своих надписях оба утверждают о победе. Сеннахериб рассказывает, как "цари Египта и лучники, колесницы и кони царя северной Аравии, собрав свои многочисленные силы, отправились на помощь" Езекии и его филистимским союзникам, и как в виду Эльтекеха, "полагаясь на Ассур", он "сразился с ними и полностью поверг их". "Возниц и сыновей царя Египта вместе с возницами царя северной Аравии он "взял в плен в битве". С другой стороны, Тирхака на статуе, которая сейчас находится в музее Гизе, заявляет, что он был победителем бедуинов, хеттов, арвадитов, ассирийцев и жителей Арам-Нахараима. На самом деле битва была победой Кадмеи. Тирхака был настолько разбит, что был вынужден отступить в свои владения, а [pg 116] победа Сеннахериба была недостаточно решительной, чтобы позволить ему продолжить ее. Он довольствовался тем, что снова вошел в Иудею, сжег и разграбил ее города и села, а их жителей увел в плен. Затем произошла катастрофа, которая уничтожила большую часть его армии и заставила его с позором вернуться в свою столицу.

Единственными плодами его похода стали трофеи и пленники Иуды. Его непокорный вассал остался безнаказанным, а сильная крепость Иерусалим была спасена от ассирийцев. Хотя за оставшиеся двадцать лет своего царствования Сеннахериб совершил множество военных походов, он больше никогда не приближался к югу Палестины.

Египет был укрыт от вторжения за Иерусалимом. Но со смертью Сеннахериба наступили перемены. Его сын и преемник, Эсар-Хаддон, был хорошим полководцем и человеком с большими способностями. Манассия Иудейский стал его вассалом, и путь к Нилу был открыт. С большим количеством обученных ветеранов он обрушился на Египет (674 г. до н. э.). Шейх бедуинов предоставил ему верблюдов, которые доставляли воду для армии через пустыню.

Потребовалось три похода, прежде чем Египет под властью эфиопского правителя был покорен. Но наконец в 670 г. до н. э. Эсар-Хаддон за пятнадцать дней (с 3-го по [pg 117] 18-е число Таммуза или июня) прогнал египетские войска от границы до Мемфиса, трижды разгромив их с большими потерями и ранив самого Тирхака. Через три дня Мемфис пал, а Тирхака бежал в Эфиопию, оставив Египет завоевателю. Именно после этого успеха ассирийский монарх воздвиг в Синджерли стелу, на которой он изображен с Тирхаком из Египта и Баалом из Тира, стоящими перед ним на коленях, каждый с кольцом в губах, к которому прикреплена уздечка, которую держит ассирийский царь.

Египет был реорганизован под властью Ассирии, и были приняты меры, чтобы предотвратить возвращение эфиопов. Он был разделен на двадцать сатрапий, туземные князья были назначены управлять ими вместо своего ассирийского повелителя. Во главе их был поставлен Нехо, вассальный царь Саиса. Эсар-Хаддон вернулся в Ниневию и на скалах Нахр-эль-Кельб, недалеко от Бейрута, выгравировал запись о завоевании Египта и Фив рядом с памятником, на котором семь веков назад Рамсес II хвастался своими победами над народами Азии.

Поначалу египетские принцы были довольны сменой хозяев. Но в Фивах была сильная партия, которая симпатизировала скорее Эфиопии, чем Ассирии. С их помощью Тирхака вернулся в 668 г. до н. э., проплыл вниз по Нилу и взял штурмом [pg 118] Мемфис. Эсар-Хаддон сразу же приступил к подавлению восстания. Но по дороге в Египет он умер 10 марта или октября, и на трон вззошел его сын, Ассур-бани-пал.

Эфиопская армия была встречена у Кар-банита, в Дельте. Она одержала полную победу, и Тирхака был вынужден бежать сначала из Мемфиса, а затем из Фив. Сместившиеся им царивкладчики были восстановлены, и Ассур-бани-пал покинул Египет в полной уверенности, что там царит спокойствие. Но едва он вернулся в Ниневию, как там вспыхнуло новое восстание. Тирхака начал сговариваться с местными сатрапами, и даже Нехо из Саиса был заподозрен в соучастии. Командиры ассирийских гарнизонов отправили его и еще двух принцев (из Таниса и Гошена), нагруженных цепями, в Ассирию. Но Ассур-бани-пал, то ли действительно убедившись в невинности Нехо, то ли притворившись, не только помиловал его, но и одарил почетным одеянием, золотым мечом, колесницей и конями и отправил обратно в Саис, передав в то же время управление Атрибисом, курганы которого находятся недалеко от Бенхи, своему сыну Псамметиху. Тем временем Тирхака снова проник в Фивы и Мемфис, где устроил праздник в честь появления нового Аписа. Но его власть уже не была такой, какой [pg 119] была когда-то, и еще до возвращения Нехо он счел благоразумным удалиться в Эфиопию. Там он умер через несколько месяцев.

Однако Фиваида продолжала бунтовать против ассирийской власти. Другой эфиопский царь, которого ассирийцы называют Урд-Аманом, сменил Тирхака и боролся за суверенитет Египта. Урд-Амана обычно отождествляют с фараоном Руд-Амоном, чье имя встречается на двух египетских памятниках, но о котором больше ничего не известно. Некоторые ученые, однако, читают имя Танд-Аман и отождествляют его с именем Туатан-Амона или Туант-Амона, чьи царские картуши выгравированы рядом с картушами Тирхака в храме Птах-Осирис в Карнаке. Надпись, найденная в стене в Луксоре, упоминает его третий год, а большая стела, возведенная им в Напате, была обнаружена среди развалин его столицы в 1862 году и сейчас находится в музее Гизеа. По этому поводу он рассказывает, что в первый год своего правления он был возбужден сном, чтобы вторгнуться на север. Фивы открыли перед ним свои ворота, и, поклонившись в храме Амона в Карнаке, он отправился в Мемфис, который захватил после небольшого сопротивления. Затем он двинулся на князей Дельты, которые, однако, заперлись в своих городах или покорились ему.

Однажды Пакрур из Гошена явился в Мемфис, чтобы оказать ему почести, к удивлению и восторгу эфиопского царя. Поскольку Пакрур был принцем Пи-Сопда или Гошена, который был отправлен в Ниневию вместе с Нехо, дата Туатан-Амона довольно ясна. Однако как он покинул Египет, он не берется объяснить.

Независимо от того, был ли Урд-Аман Руд-Амоном или Туатан-Амоном, он доставил немало хлопот ассирийцам. Фивы оказались в его руках, и оттуда он двинулся на Мемфис. Ассирийский гарнизон и его союзники были разбиты перед городом, который затем был блокирован и взят после длительной осады. Нехо попал в плен и был предан смерти, а Псамметих избежал той же участи только благодаря бегству в Сирию. Но месть ассирийцев не заставила себя ждать. Ассур-бани-пал решил навсегда покончить с египетским восстанием и эфиопским вторжением. К Нилу была отправлена большая армия, которая разгромила силы Руд-Амона в Дельте и преследовала его до Фив. Затем он бежал в Кипкип в Эфиопии, и столица Южного Египта подверглась страшной каре. Все ее жители были уведены в рабство. Его храмы - одновременно центры недовольства и крепости против нападения - были наполовину разрушены, памятники и дворцы уничтожены, а все [pg 121] сокровища, священные и профанные, унесены. Среди трофеев были два обелиска весом более семидесяти тонн, которые были увезены в Ниневию как трофеи победы. Повреждения, которые Камбис обвиняет в нанесении древним памятникам Фив, на самом деле были делом рук ассирийцев.

Насколько сильное впечатление произвело на восточный мир разграбление Фив, можно понять из упоминания о нем пророком Нахумом (iii. 8-10). Ниневии угрожает то же самое низвержение. "Разве ты лучше Но-Амона, который стоял среди рек, вокруг которого были воды, валом которого было море (Нил), а стена его была от моря? Эфиопия и Египет были ее силой, и она была безгранична; Пут и Любим были помощниками твоими. Но она была унесена, пошла в плен; и дети ее были разбиты на куски на вершинах всех улиц; и бросали жребий о почетных мужах ее, и все великие мужи ее были связаны цепями". Поскольку разрушение Фив произошло около 665 года до н. э., дата пророчества Нахума не может быть намного позже.

В ассирийских надписях Фивы называются Ни', что соответствует ветхозаветному Ноу. Оба слова представляют собой египетское Nu, "город", [pg 122] Фивы были преимущественно "городом" Верхнего Египта. Его божеством-покровителем был Амон, которому был посвящен его великий храм, и поэтому Наум называет его "Нет Амона". Разделенный на две половины Нилом и окруженный с обеих сторон каналами, один из которых - "южная вода" - до сих пор протекает мимо южного фасада храма Луксора, он действительно мог сказать, что его "валом было море". И по сей день Нил называется "морем" у коренных жителей Египта.

Эфиопы больше не проникали в Египет. Двадцать сатрапий были восстановлены, а Псамметих получил княжество своего отца, хотя первенство среди вассальных царей было отдано Пакруру из Гошена. На некоторое время в стране воцарился мир.

Однако через пятнадцать лет произошло событие, которое потрясло Ассирийскую империю до основания. Вспыхнуло восстание, охватившее всю ее. Восстание возглавил брат Ассур-бани-пала, наместник Вавилонии, и некоторое время результат колебался. Но хороший полководец и дисциплинированные войска Ассирии в конце концов одержали верх, и она вышла из борьбы, правда, измотанная, но победоносная. Империя, однако, сократилась. Гигес из Лидии отрекся от своей верности и помог [pg 123] Псамметиху из Саиса сделать Египет независимым. Пока ассирийские армии боролись за существование в Азии,

Псамметих с ионийскими и карийскими наемниками из Лидии изгонял ассирийские гарнизоны и побеждал своих братьев-сатрапов. Один за другим они исчезали перед ним, и наконец он получил удовлетворение, увидев Египет единой и независимой монархией под властью монарха, который утверждал, что принадлежит к туземной расе.

Кровь основателя двадцать шестой династии, однако, была смешанной. Похоже, что он был, по крайней мере, частично, ливийского происхождения, и даже сомнительно, что его имя является чисто египетским. Как и его отец, он окружил себя иностранцами: греки и карийцы, с чьей помощью он получил свой трон, пользовались большим расположением и составляли царскую гвардию. По слухам, египетская армия покинула царя в отвращении и направилась в Эфиопию. Как бы то ни было, греческие войска были размещены в "лагерях" в Дельте, греческим купцам было разрешено торговать и даже строить в Египте, а карийцы стали драгоменами, гидами и переводчиками между местными жителями и европейскими туристами, которые начали посещать Нил.

Именно во время правления Псамметиха I (664-610 гг. до н. э.) великое нашествие кочевников-скифов, [pg 124] упоминаемых в предыдущих главах Иеремии, прокатилось по Западной Азии. Они разграбили филистимские города и добрались до египетской границы, но там были перекуплены Псамметихом. После их рассеяния египетский фараон обратил свой взор на Палестину, намереваясь восстановить азиатскую империю Рамсеса II. Двадцать шестая династия была эпохой античного возрождения; не довольствуясь восстановлением мира и процветания Египта, ее цари стремились также восстановить Египет прошлого. Египетское искусство вновь приобретает античные формы, храмы ремонтируются или возводятся по древним образцам, а литература отражает общую тенденцию. Для успеха возрождения нужна была лишь оригинальность; искусство двадцать шестой династии отличается аккуратностью и добротностью, и при ней Египет в последний раз пережил лето святого Луки, когда культура и слава были на высоте.

Власть Ассирии уходила в прошлое. Великое восстание и последовавшие за ним войны в Эламе истощили ее ресурсы. Скифское нашествие уничтожило то немного, что еще оставалось. Перед смертью Псамметиха Ниневия уже была окружена врагами, а четыре года спустя она полностью погибла.

Западные провинции стали практически независимыми. Иосия Иудейский по-прежнему называл себя вассалом [pg 125] ассирийского монарха, но действовал так, словно ассирийской монархии не существовало. Ассирийский наместник Самарии был лишен своей власти, и иудейское правление подчинялось на всей территории, которая ранее была территорией Десяти колен.

Слабость Ассирии стала возможностью для Египта. Первые годы правления Псамметиха были потрачены на реорганизацию царства и армии, на подавление оппозиции своему правительству и на восстановление разрушенных городов и храмов. Затем он совершил поход в Палестину и попытался вновь отвоевать для Египта города филистимлян. Ашдод был взят после длительной осады, и в нем разместился египетский гарнизон.

Преемником Псамметиха стал его сын Нехо, который продолжил внешнюю политику своего отца. Старый канал, который шел от Красного моря в Суэце к Нилу у Загазига и который за века забвения засорился, был снова частично расчищен, и "язык египетского моря был отрезан" (Ис. xi. 15). Из Суэца также были отправлены корабли под командованием финикийских лоцманов, чтобы обогнуть Африку. Три года они провели в плавании и, миновав

Гибралтарский пролив, наконец благополучно прибыли к устьям Нила. Там недоверчивый народ услышал, что, когда они плыли на запад, солнце находилось по правую руку от них.

[pg 126]

Но задолго до возвращения кораблей Нехо поставил себя во главе армии и начал вторжение в Азию. Сирийцы были разбиты при Мигдоле, и Газа была занята. Затем египетская армия двинулась в поход вдоль морского побережья по древней военной дороге, которая упиралась вглубь страны у Нахр-эль-Кельба. Но иудейский царь, ссылаясь на свой долг перед ассирийским сюзереном, попытался преградить путь; в результате произошло сражение на равнине Мегиддо, где иудейские войска были полностью разбиты, а сам Иосия унес с поля боя смертельно раненого. Теперь Нехо захватил северную Сирию до Евфрата, а затем вернулся на юг, чтобы наказать иудеев. Иерусалим был захвачен в результате предательства, а новый царь Иохаз свергнут после трехмесячного правления. Вместо него фараон поставил царем своего брата Елиакима, переименовав его в Иехонию. Город был оштрафован на талант золота и сто талантов серебра, а Нехо отправил свои доспехи в храм Аполлона в Милете в качестве благодарности богу своих греческих наемников.

Империя Тотмеса была восстановлена, по крайней мере, в Азии. Но просуществовала она не более трех лет. В 605 году до н. э. в Кархемише на Евфрате (ныне Иераблус) произошла решающая битва между Нехо и вавилонским принцем [pg 127] Навуходоносором, который командовал армией своего отца Набополассара. Египтяне в смятении бежали, и Азиатская империя была полностью потеряна. Иудейский царь перешел на сторону завоевателя и на три года "стал его слугой". Затем он восстал, вероятно, в связи с новой попыткой египтян восстановить свою власть в Палестине. Однако попытка не удалась, и вавилонская армия была направлена против Иерусалима. Иехония был уже мертв, а его сын Иехония вместе с ведущими горожанами, военным сословием и ремесленниками - всего "десять тысяч пленников" - был отправлен в изгнание в Вавилонию (599 г. до н. э.). На трон был посажен его дядя Седекия, и почти девять лет он оставался верен своему вавилонскому повелителю.

Затем пришло искушение со стороны Египта. Псамметих II, сменивший своего отца Нехо в 594 г. до н. э., готовился к походу в Палестину и оспаривал с вавилонским монархом господство над Западной Азией. Вавилонская армия уже осаждала восставший Иерусалим, когда в поле зрения появились войска фараона. Вавилоняне разбили свой лагерь и отступили, и казалось, что восстание иудейского царя увенчалось успехом (Иер. xxxvii. 5, 11; Иезек. xvii. 15).

[pg 128]

Но это было ненадолго. Египтяне вернулись в "свою землю", и осада Иерусалима возобновилась. Наконец, в 588 г. до н. э. город был взят, царь и большинство жителей уведены в плен, а храм и дворец сожжены в огне. Иудея была поставлена вавилонским правителем, а власть вавилонян признана вплоть до Газы.

Псамметих II умер в предыдущем году, и его место занял сын Уахабра, греческий Априс, ветхозаветный Хофра. Армия, отправившаяся на помощь Седекии, несомненно, была послана им. Он отвоевал Газу, прошел вдоль побережья до Сидона, который захватил, и Тира, восставшего против халдеев, а его флот разгромил объединенные силы киприотов и финикийцев и удержал море. Недавно возле Сидона была найдена иероглифическая надпись, воздвигнутая уроженцем Гебала в память об этом вторжении. Но египетские завоевания были вновь утрачены почти так же быстро, как и были сделаны.

Палестина стала вавилонской провинцией вплоть до границ Египта. Многие из оставшихся в ней евреев бежали в Египет. Их численность была усилена бандой разбойников, во главе которой стоял Иоханан, убивший вавилонского [pg 129] правителя и утащивший с собой в Египет пророка Иеремию и его писца Варуха. Иеремия тщетно протестовал против их поведения и предсказал, что Хофра будет убит своими врагами, а Навуходоносор установит свой трон на той самой мостовой "у входа в дом фараона в Тахпанхе", где стоял тогда пророк. Тахпанес - это почти наверняка Тель-эд-Дефне, Дафне греческой географии, который стоит в пустыне примерно в двенадцати милях к западу от Кантары на Суэцком канале, и где профессор Флиндерс Петри проводил раскопки для Фонда исследования Египта в 1886 году. Там он обнаружил остатки большой крепости и лагеря, построенных Псамметихом I для своих греческих наемников. Толщина стен лагеря составляла сорок футов, а руины крепости до сих пор носят название "Замок дочери еврея". Перед ним находится кирпичная мостовая, точно такая же, как описанная Иеремией.

Дафне, по сути, была одной из главных крепостей Египта со стороны Азии и, соответственно, главным пунктом дислокации греческих наемников. Она прикрывала вход в Дельту и была почти первым местом в Египте, к которому приближался путешественник из Палестины, пришедший по современной караванной дороге. Таким образом, это было первое [pg 130] поселение, куда могли прибыть еврейские беглецы, желающие избежать вавилонского гарнизона в Газе. Кроме того, это был первый объект для нападения со стороны захватчиков с Востока. Овладение им открывало ему путь к Мемфису.

О том, что Навуходоносор действительно вторгся в Египет, как и предсказывал Иеремия, мы теперь знаем из фрагмента его летописи. На тридцать седьмом году своей жизни (567 г. до н. э.) он совершил поход в Египет, разгромив фараона Амасиса и воинов "Фута ионийского", "далекой земли, находящейся посреди моря". Таким образом, враги, в руки которых должен был попасть Хофра, не были вавилонянами. Это были, по сути, его собственные подданные.

Он проводил эллинизаторскую политику своих предшественников с большей тщательностью, чем они, и тем самым вызывал ревность и тревогу у местного населения. Только греческие наемники пользовались его доверием, а египтяне обвиняли его в предательстве туземных войск, которые он послал на помощь ливийцам против греческой колонии Кирена. Амасис (или Ахмес), его шурин, поставил себя во главе мятежников. Под Саисом произошло сражение между греческими войсками Хофры с одной стороны и восставшими египтянами с другой, которое закончилось поражением греков и пленением самого Хофры. [pg 131] Амасис был провозглашен царем (ок. 570 г.), и хотя к пленному фараону поначалу относились с уважением, впоследствии он был предан смерти.

Смена монарха мало что изменила для греков в Египте. Они были слишком ценны и как солдаты, и как торговцы, чтобы фараон мог отказаться от их услуг. Наемников перевели из Дафне в Мемфис, в самое сердце царства, а купцам из Наукратиса были предоставлены новые привилегии. Фараон женился на греческой жене, а демотический папирус, хранящийся сейчас в Париже, даже описывает, как он лишил храмы Мемфиса, Она и Бубастиса их имущества и передал их греческим войскам. "Совет", заседавший при нем, постановил, что "сосуды, топливо, белье и пошлины", которыми до сих пор пользовались их боги и их жрецы, должны быть отданы чужеземцу. В этом акте святотатства египтяне более позднего времени увидели причину гибели своей страны. Вторжение Навуходоносора обошло ее стороной, не причинив особого вреда; кажется, оно не выходило за пределы восточной половины Дельты. Но на Востоке поднималась новая сила, сила Кира. Амасис предвидел грядущую бурю и заблаговременно занял Кипр. Если верить Ксенофону, он также послал войска на помощь [pg 132] лидийскому Крёзу. Но все было бесполезно. Власть Кира

неуклонно росла. Империи Лидии и Вавилонии пали перед ним, и когда в июле 529 года до н. э. его сын Камбис сменил его на престоле, новая империя простиралась от Средиземного моря до 1600 Индии и от Каспия до границ Египта. Было ясно, что следующим объектом нападения станут плодородные берега Нила.

Греческое тщеславие утверждало, что фактической причиной вторжения был греческий наемник Фанес. Он дезертировал к Камбису и объяснил ему, как можно проникнуть в Египет. О том, что Phanês было именем, которое использовали египетские греки, мы знаем по его упоминанию на фрагменте большой вазы, обнаруженной профессором Петри в Наукратисе. Здесь мы читаем: "Фанес, сын Глаукоса, посвятил меня Аполлону из Наукратиса". Но вторжение Камбиса в Египет было необходимым следствием политики, которая положила весь восточный мир к ногам его отца.

Амасис умер во время похода армии Камбиса (526 г. до н. э.), и его сыну Псамметиху III пришлось принять на себя основную тяжесть нападения. Битва произошла под Пелусием, и хотя греческие и карийские вспомогательные войска сделали все возможное, захватчики одержали верх. Фараон бежал в Мемфис, который затем был осажден Камбисом. Осада [pg 133] была недолгой. Город "Белой стены" был взят, Псамметих попал в плен, а его сын вместе с двумя тысячами юношей из ведущих египетских семей был предан смерти. Некоторое время самому Псамметиху было позволено жить, но страхи завоевателя вскоре заставили его казнить, и с его смертью закончилась двадцать шестая династия и независимость Египта.

[pg 134]

Глава V. Эпоха Птолемеев.

Иудея извлекла выгоду из революции, которая оказалась столь губительной для монархии Нила. Свержение Вавилонской империи и приход к власти Кира принесли освобождение из изгнания и восстановление храма и его служб. В иудейской колонии в Иерусалиме Кир и его преемники как бы наложили узду на Египет; благодарность избавителю и свобода пользоваться теократией, пришедшей на смену монархии Давида, сделали иудейский народ форпостом и гарнизоном, на верность которого персидский царь мог положиться.

С другой стороны, иго зороастрийского Дария и его потомков сильно давило на священников и народ Египта. Раз за разом они пытались восстать. Их первое восстание под руководством Хаббаша спасло Грецию от легионов Дария и отсрочило день персидского вторжения до того времени, когда на трон [pg 135] сядет неспособный Ксеркс, а его энергичный отец. Во второй раз они подняли восстание в правление Артаксеркса I, преемника Ксеркса. Но при Артаксерксе II произошла более грозная вспышка, которая закончилась восстановлением независимости Египта и установлением трех последних династий местных царей.

В течение шестидесяти пяти лет (с 414 по 349 гг. до н. э.) Египет сохранял свою независимость. Персы не раз пытались вернуть ее, но им мешали спартанские союзники фараона или удача египтян. Но гражданские распри и трусость подтачивали силы египетского сопротивления. Греческие наемники и моряки теперь сражались как в рядах

персов, так и в рядах египтян, и результат борьбы между Персией и Египтом во многом зависел от размера жалования, которое обе стороны могли позволить себе дать им. Армия была непокорной, а между греческими и египетскими солдатами царили ревность и вражда. Нектанебо II (367-49 гг. до н. э.), последний из фараонов, сверг своего собственного отца, и хотя однажды он уже прогнал персидского царя Артаксеркса Охуса от берегов Египта, во второй раз ему это не удалось. Греки остались защищаться в Пелусии, как могли, а Нектанебо с 60 000 никчемных туземных солдат удалился в Мемфис. Оттуда [pg 136] он бежал в Эфиопию со своими сокровищами, оставив свою страну в руках персов. Охус отомстил египетским жрецам, разрушив храмы, потребовав большой выкуп за похищенные священные записи, поставив осла - в глазах египтян символ всего злого и нечистого - богом-покровителем завоеванной земли и зарезав священного быка Аписа в жертву новому божеству. Убийство Охуса его египетским евнухом Багоасом стало наказанием за эти надругательства над национальной верой.

Египет никогда больше не был свободным. Его правителями были представители различных рас и вероисповеданий, но они никогда больше не были египтянами. Персы, греки и римляне, арабы, курды, черкесы, мамлюкские рабы и турки, французы и англичане - все они управляли или неправильно управляли им, но на протяжении всей этой длинной страницы его истории нет ни малейшего признака местной политической жизни. Только религия или налоги, казалось, могли побудить народ к движению или восстанию. Мы тщетно ищем стремления к национальной свободе.

Персы недолго владели своей мятежной провинцией. Египет открыл свои ворота Александру Македонскому, как в более поздние века открыл свои ворота арабу Амру. Греки давно ассоциировались в сознании египтян с противостоянием ненавистному персу, и именно как грек [pg 137] Александр вошел в страну. Мемфис и Фивы приветствовали его, и он сделал все возможное, чтобы доказать своим подданным, что он действительно пришел к ним как один из их древних царей. Едва достигнув Мемфиса, он вошел в храм Аписа и принес в жертву священного быка. Затем, основав Александрию на месте родной деревни Ракоти, он направился в оазис Аммон, современный Сивах, среди песков далекой пустыни, и там был встречен верховным жрецом храма как сын бога. Подобно древним фараонам, македонский завоеватель стал сыном Амона-Ра и, по крайней мере, в Египте претендовал на божественные почести.

Перед тем как покинуть Египет, Александр назначил номархов, которые должны были управлять им, и распорядился, чтобы правосудие осуществлялось по древним законам страны. Он также отправил 7000 самаритян в Фиваиду; некоторые из них поселились в Файюме, а в папирусах, обнаруженных профессором Петри в Гаваре, упоминается деревня, которую они называли Самарией. Назначив Клеомена префектом Египта и сборщиком податей, Александр поспешил к Евфрату, чтобы там свергнуть разбитые остатки Персидской империи.

В Экбатане умер его друг [pg 138] Хефæстион, и Александр написал в Египет, чтобы узнать у оракула Аммона, какие почести он должен воздать покойнику. В ответ Хефæстион был объявлен богом, и ему воздвигли храм в Александрии, а новый маяк на острове Фарос назвали его именем.

Когда Александр внезапно и неожиданно умер, совет его генералов, собравшийся в Вавилоне, объявил его сводного брата, Филиппа Арридея, своим преемником. Но всю реальную власть в империи Александра они оставили за собой. Птолемей, сын Лагоса, выбрал Египет местом своего правления, которое, соответственно, было передано ему

Клеоменом по прибытии туда, через год после восшествия на престол нового царя. Первым делом он предал Клеоменеса смерти.

Затем последовала длинная похоронная процессия, несущая труп Александра из Вавилона в гробницу, которая должна была быть воздвигнута для него в новом городе Александрии. Прошло больше года, пока она медленно переходила из города в город, пока, наконец, не прибыла в Мемфис. Здесь тело великого завоевателя немного отдохнуло, пока не была готова великолепная усыпальница, в которой ему предстояло упокоиться.

Было очевидно, что Птолемей стремится к независимой власти. Регент Пердиккас [pg 139] напал на него, взяв с собой молодых принцев, Филиппа Арридея и Александра Игоша, младенца Александра. Но армия захватчиков была разбита под Мемфисом, Пердиккас был убит, а юные принцы попали в руки завоевателя. С этого времени Птолемей, хотя номинально и был подданным, действовал как царь.

Никанор был послан в Сирию, чтобы присоединить ее к Египту. Иерусалим один сопротивлялся захватчикам, но его штурмовали в субботу, когда защитники отступили от стен, и всякое дальнейшее сопротивление прекратилось. Палестина и Сирия были вновь объединены с королевством на Ниле.

Однако союз продлился недолго. В 315 году до н. э. Филипп Арридей был убит, и Александр был провозглашен преемником его опустевшего сана. В следующем году Антигон, соперник Птолемея в Малой Азии, приготовился к вторжению в Египет. Но Птолемей уже завоевал Кирену и Кипр и был хозяином на море. Сирия и Палестина, однако, подчинились Антигону, и хотя Птолемей одержал решающую победу над своими врагами при Газе, он не счел благоразумным продолжать ее. Поэтому он довольствовался тем, что разрушил укрепления Акры и Яффы, Самарии и Газы.

В 312 г. до н. э. генералы Александра, которые все еще называли себя лейтенантами его сына, пришли к [pg 140] общему соглашению, каждый сохранил за собой ту часть империи, которую сделал своей. За этим соглашением почти сразу последовало убийство Александра Игоша. Из царской семьи остались только Клеопатра, сестра великого Александра, и его племянница Фессалоника. Клеопатра, направлявшаяся в Египет, чтобы выйти замуж за Птолемея, была убита Антигоном (в 308 г. до н. э.), и племянница Александра вскоре после этого разделила ту же участь. Род "сына Аммона", уничтожителя Персидской империи, вымер.

Два года спустя, в 306 году до н. э., был положен конец фарсу, который так долго разыгрывали полководцы Александра, и каждый из них принял на себя титул царя. Птолемей принял титул "царь Египта". Впоследствии греки добавили к нему имя Сотер, "Спаситель", когда его запасы кукурузы спасли родосцев от гибели во время героической защиты города от многочисленных военных кораблей Антигона.

На протяжении всего своего правления Птолемей никогда не забывал о нуждах и интересах царства, которым он управлял. Александрия была достроена, с ее непревзойденными гаванями, величественными общественными зданиями, широкими набережными и просторными улицами. От начала и до конца она оставалась греческой столицей Египта. Она была греческой по своему происхождению, греческой по своей архитектуре, греческой по своему населению; греческой также по своему характеру, своим манерам, [pg 141] и своей вере. Отрезанный от остального Египта Мареотическим озером, с европейским климатом, он с самого своего основания был тем, чем является и по сей день, - городом Европы, а не Египта. Из него, как из неприступной сторожевой башни, Птолемеи управляли судьбой

своего царства: он был не только ключом к Египту, но и уздой для него. Через его улицы и гавани проходили богатства всего мира; в его залах встречались религии и философии Востока и Запада. Птолемей основал в нем университет, прообраз Оксфорда и Кембриджа в современной Англии, Азхара в современном Каире. В Музее, как его называли, была собрана огромная библиотека, а его богатые кафедры были заполнены учеными профессорами со всех концов греческого мира, которые писали книги, читали лекции и обедали вместе за царский счет.

Но греки были не единственными жителями нового города. Евреи также в большом количестве поселились в восточной части города, привлеченные предложениями Птолемея и верой в то, что растущий центр торговли будет более достойным местом для проживания, чем пустующие поля Палестины. Им были предоставлены все права греческого гражданства, и они были поставлены почти в равные условия с соотечественниками Птолемея.

С коренными египтянами обращались гораздо хуже. [pg 142] Они стали "дровосеками и водоносами" для своих новых греческих хозяев. Именно они обеспечивали правительство доходами, но взамен не имели ни прав, ни привилегий. Когда требовалась земля для ветеранов македонской армии, как, например, в Файюме, она отбиралась у них без компенсации. Налоги, все более и более тяжелые, были возложены на них; а любая попытка возразить или роптать влекла за собой немедленное наказание. Египтянин не имел никаких прав, если только он не мог быть зарегистрирован как гражданин Александрии, а это было практически невозможно.

Правда, египтянам говорили, что все это делается для того, чтобы не вмешиваться в их собственные законы и обычаи. В то время как греки и евреи руководствовались греческими законами, египтяне руководствовались старыми законами страны. Но при этом забывалось, что законы управлялись греками и что высшие чиновники тоже были греками, которые, в отличие от египтян, обладали произвольной властью. Только между собой, как между египтянином и египтянином, туземцы страны получали какую-либо пользу от законов, по которым они жили; везде, где дело касалось правительства и греков, они были как изгои, которых можно было наказать, но не судить".

[pg 143]

Тем не менее страна долгие годы оставалась спокойной. В отличие от персов, греки уважали религию народа. Птолемей сделал все возможное, чтобы примирить жрецов: их храмы были восстановлены и украшены, праздники проходили с почетом, но, прежде всего, их жертвоприношения оставались нетронутыми. А поскольку жречество было настроено к нему дружелюбно, у Птолемея не было причин бояться. Жрецы были лидерами нации; именно они поднимали восстания против персов, а храмы, в которых они служили, были крепостями и пунктами сбора повстанческих армий. Египтяне всегда были очень религиозным народом; какой бы ни была их форма вероисповедания, языческой, христианской или мусульманской, они упорно цеплялись за нее и боролись за нее, иногда с фанатичным рвением. Религия пробуждает их, когда ничто другое не может этого сделать; рядом с ней даже любовь к наживе имеет мало влияния.

Помимо примирения со священством, Птолемей разместил гарнизоны греков в нескольких частях страны. Отряды ветеранов колонизировали Файюм, а Птолемей, ныне Меншия, в Верхнем Египте, стал греческим городом, во всех отношениях похожим на Александрию. Государственные счета велись на греческом языке, и хотя клерками и сборщиками налогов обычно были [pg 144] уроженцы, получившие греческое образование, многие из них были греками по происхождению и даже евреями. В Фивах были найдены "остраки", или горшки с

надписями, которые показывают, что во времена Птолемея Фискон еврей Симон, сын Элеазара, собирал там налоги для храма Амона. Поскольку сам он не знал греческого языка, квитанции за него писал один из его сыновей. После его смерти на этом посту сменил его сын Филоклес. Это имя заслуживает внимания, поскольку показывает, как быстро евреи Египта могли стать полностью греками. Религия его предков вряд ли легла тяжелым грузом на плечи сборщика налогов в языческом храме, и нам не приходится удивляться эллинизации его семьи. Симон был примером многих своих братьев: перенимая греческую культуру, евреи Египта начали забывать, что они евреи. Потребовалось потрясение от гонений в Иерусалиме и Маккавейская война за независимость, чтобы они вспомнили о своей прошлой истории и осознали миссию своей расы.

С возвышением греческого царства в Египте канонические книги Ветхого Завета заканчиваются. Иаддуа, последний первосвященник, о котором говорится в Книге Неемии (xii. 7, 22), встретил Александра Македонского в Мизпехе и, если верить Иосифу, добился от него признания древних [pg 145] привилегий евреев и их освобождения от налогов в каждый субботний год. Первая книга Хроник (iii. 23), похоже, относит генеалогию потомков Зоровавеля к еще более позднему времени. Но там, где обрываются канонические книги, начинаются книги апокрифов. Иисус, сын Сирахов, в прологе к Книге Екклесиаста рассказывает, что перевел ее в Египте с древнееврейского на греческий, когда царем был Эвргетес, третий Птолемей, и через тридцать восемь лет после ее составления его дедом Иисусом. Как и большинство апокрифических книг, она, таким образом, имеет палестинское происхождение, но ее перевод на греческий язык свидетельствует об общении, которое происходило между евреями Палестины и Египта, а также о всеобщем принятии греческого языка египетскими евреями.

Перевод еврейских Писаний на греческий язык в тот же период является еще более яркой иллюстрацией того же факта. Название "Септуагинта", которое до сих пор сохраняется за этим переводом, увековечивает легенду, полученную от лже-Аристия, о том, что он был сделан в одно время семьюдесятью (или семьюдесятью двумя) переводчиками. Однако внутренние свидетельства показывают, что такого быть не могло. Различные книги Канона были переведены в разное время, и переводчики демонстрируют очень разную степень [pg 146] способностей и знакомства с еврейским языком. Первым на греческий язык было переведено Пятикнижие, за ним последовали другие книги, а Книге Екклесиаста, похоже, вообще не нашлось места в переводе. Греческий перевод книги, который сейчас находится в Септуагинте, вероятно, был сделан Акилой.

Именно при Птолеме II, который оправдал свой титул Филадельфа, или "Братолюбивого", убийством двух своих братьев, была начата работа над переводом. Птолемей Сотер, его отец, сложил с себя корону за два года до смерти, и это событие доказало, что его уверенность в сыновней набожности сына была не напрасной. Коронация Филадельфа в Александрии была отмечена одним из самых великолепных представлений, которые когда-либо видел мир, подробности которого сохранились у Афиня. При новом царе внутреннее развитие монархии шло полным ходом. Был открыт канал, соединивший Нил с Красным морем, а на его выходе из Суэца был построен город Арсинока, названный так в честь сестры царя. На побережье Красного моря были построены и укреплены порты Береника и Филотера (ныне Косейр), а также дороги к ним из Коптоса и Сиенны на Ниле. Таким образом, слоновую кость и драгоценные камни Судана можно было доставлять в Египет, не проходя через враждебные территории [pg 147] эфиопов в Верхней Нубии. В самой восточной пустыне разрабатывались изумрудные и золотые копи, пока царские доходы не увеличились до более чем трех миллионов стерлингов в год.

Хотя Птолемей Филадельф любил показуху, он не был экстравагантным, и его доходов хватало не только на содержание большой армии и флота и эффективную защиту границ его царства, но и на то, чтобы оставлять в казне большой резервный фонд. По слухам, его сумма достигала ста миллионов стерлингов. Поэтому неудивительно, что Александрия наполнилась роскошными зданиями. Фарос, или маяк, был достроен Состратом, как и гробница Александра, тело которого было перенесено из Мемфиса в приготовленный для него золотой саркофаг. Библиотека Музея пополнялась книгами до тех пор, пока не было собрано 400 000 рулонов папируса, и ученые мужи со всех концов света были привлечены в нее благодаря щедрости царя. Однако с приходом нового царя главная библиотека сменила хозяина. Деметрий Фалерей, бывший афинский тиран, который был первым библиотекарем, обидел Филадельфа, посоветовав, чтобы корона перешла к его старшему брату, а не к нему самому, и ему пришлось уступить место Зеннодотосу из Эфеса, известному как критик Гомера.

[pg 148]

Среди книг, которые нашли место в великой Александрийской библиотеке, несомненно, был греческий перевод Пятикнижия. Филадельф проявлял удивительную благосклонность к евреям. Еврейские пленники из числа его солдат были выкуплены им и получили дома в разных частях Египта. Сто двадцать тысяч рабов были освобождены таким образом, и царь заплатил за каждого 120 драхм, или 30 сиклей, - стоимость раба по Моисееву закону. Вполне возможно, что в легенде о том, что греческий перевод Ветхого Завета был сделан по его желанию, есть доля правды. Независимо от того, верим ли мы в то, что он послал двух греческих евреев, Аристия и Андрея, с дорогими подарками к первосвященнику Елеазару в Иерусалиме, прося его выбрать подходящих людей для этой цели, он, вероятно, не хотел, чтобы копия священных книг его еврейских подданных в понятной для греков форме была добавлена в библиотеку. Мы не должны забывать, что именно он нанял Мането, жреца Себеннитоса, чтобы тот написал на греческом языке историю своей страны, которую он собрал из иероглифических памятников и иератических папирусов местных храмов.

Птолемей III, Эвргетес, старший сын Филадельфа, сменил отца в 246 г. до н.э. В начале его царствования началась война с Сирией, и поход египетской армии до [pg 149] Селевкии, столицы Сирийского царства на Евфрате, был одним непрерывным триумфом. По возвращении Птолемей возложил свои подношения на алтарь в Иерусалиме и возблагодарил Бога иудеев за свой успех. Иудейской общине можно было простить, если она считала, что в лице завоевателя Сирии получила нового прозелита своей веры.

У египтян тоже были причины быть довольными своим царем. Среди трофеев его сирийского похода было 2500 ваз и статуй египетских божеств, которые Камбис перевез в Персию почти три века назад. Они были возвращены в храмы Верхнего Египта, из которых были похищены, с величественными церемониями и под всеобщее ликование, а Птолемей отныне был известен среди своих подданных как Эвргетес, их "Благодетель".

На самом деле Эвргетес, похоже, был самым египетским и наименее греческим из всех Птолемеев. Один среди них он посетил Фивы и воздал почести богам Египта. Их храмы были отстроены и переполнены приношениями, а жрецы, естественно, считали его царем по своему сердцу. Он также, как и древние фараоны, обратил свое внимание на завоевание Эфиопии, которым его предшественники пренебрегали.⁹ Именно [pg 150] при Эвргетесе был составлен так называемый Указ Канопы на иероглифическом и демотическом египетском, а также на греческом языках. Поводом для него послужила смерть царской дочери Береники, которой египетские жрецы решили воздать божественные почести. Впервые мы видим, что

старая письменность и язык Египта занимают место рядом с языком македонского завоевателя, и знаменательно, что греческая транскрипция занимает третье место.

До сих пор Иудея оставалась спокойной и умиротворенной под властью Птолемеев. Первосвященники заняли место царей, и их власть была неоспоримой. Иногда, правда, возжеланный сан становился причиной семейных распр. Ионафан, отец Иаддуи (Неем. xii. 11, 22), убил своего брата Иисуса Навина, которого он подозревал в попытке вытеснить его, и поданный им пример должен был иметь последователей. Но за пределами своей семьи первосвященник правил почти с деспотической властью. Симон Справедливый (ок. 300 г.), которым заканчивается список "знаменитых людей", приведенный Иисусом, сыном Сирахова (iv. 1-21), отремонтировал и укрепил храм, а также крепость, которая его охраняла. Еврейская традиция приписывает ему завершение канона Ветхого Завета, начатое Эзрой, и именно через него устная [pg 151] Моисеева традиция фарисейства дошла до Антигона Сохо, первого автора Мишны, или текста Талмуда, и учителя основателя саддукейства. Внук Симона, Ония II, подорвал авторитет, которым пользовались его предшественники. Из-за своей жадности он стал удерживать дань в 3000 фунтов стерлингов, ежегодно поступающую из Храма в пользу иудейского царя, и, несмотря на посланника Птолемея и уговоры своих соотечественников, отказался от нее.

Иерусалим был спасен благодаря решимости и готовности Иосифа, брата Онииаса. Он поспешил в Египет, завязал знакомство с Птолемеем и добился назначения его фермером налогов в Сирии и Палестине. Иудеи были спасены, но была установлена власть, конкурирующая с властью первосвященника, что в итоге привело к гражданской войне. Алчность Онииаса стала первой сценой драмы, развернувшейся в Книгах Маккавеев.

Эвргетес был последним из "хороших" Птолемеев. Его сын и преемник, Птолемей IV, был воплощением слабости, жестокости и порока. Он начал свое правление с убийства матери и единственного брата, получив в качестве компенсации титул Филопатора - "Любовника своего отца". Сирия была вновь завоевана Антиохом Великим, но его греческие фаланги были разбиты при Рафии египтянами, [pg 152] теперь вооруженными и обученными по македонскому образцу, и благодарность Филопатора проявилась в посещении Иерусалимского храма, где он принес жертву Богу иудеев и попытался проникнуть в Свята Святых. В результате произошли беспорядки, и возмущенный царь по возвращении в Египет лишил евреев греческого гражданства, приказал нанести им татуировку с изображением листа плюща в честь Вакха и приносить жертвы на алтарях греческих богов.

До сих пор иудеи были верными сторонниками царского дома Египта и удерживали для него крепость Иерусалим против власти Сирии. Но теперь Филопатор навсегда отдал их от себя. Не преуспел он и с коренными египтянами. Сначала взбунтовались египетские войска, затем началось восстание в Верхнем Египте. Эфиопские принцы, память о которых сохранилась в нубийских храмах Дебода и Дакке, были приглашены в Фивы, и в Верхнем Египте вновь воцарилась эфиопская династия. Имена царей, составлявших ее, недавно были найдены в документах, написанных демотическими иероглифами.

Филопатор умер от распутства после семнадцатилетнего правления (204 г. до н. э.), оставив преемником пятилетнего ребенка - будущего Птолемея Эпифана. Александрийская толпа находилась в состоянии [pg 153] бунта, армия была ненадежной, и Антиох снова выступил в поход против Сирии. Египетские войска были разбиты при Баниасе (Кесария Филиппова), иудеи перешли на сторону захватчика, в обмен на что Антиох отменил налоги, причитающиеся с Иерусалима, и не только освободил всех служителей храма от будущих поборов, но и прислал большую сумму денег на его содержание. По договору с Римом ему

было гарантировано владение страной (ок. 188 г.), а в Лидии и Фригии были поселены колонии месопотамских евреев.

Тем временем Птолемей V, Епифанес, рос, и в 196 г. до н. э. было решено короновать его. Коронация состоялась в Мемфисе, и был принят указ, облегчающий бремя страны, освобождающий феллахов от повинностей для флота и дарующий дополнительные наделы жрецам. Именно этот указ выгравирован на знаменитом Розеттском камне.

Но восстание египтян все еще продолжалось и уже распространилось на север. В указе упоминается о восстании в номе Бусирит в Дельте и об осаде города Ликополис, в котором укрепились повстанцы. В это же время был взят штурмом город Абидос и окончательно разрушены его храмы, как мы узнаем из греческих надписей на стенах [pg 154] храма Сети. Но в 185 году до н. э. греческие наемники одержали решающую победу над восставшими египтянами. Четыре их предводителя сдались под обещание царя о бесплатном помиловании и предстали перед ним в Саисе. Там он, подражая Ахиллу, привязал их к колесам своей колесницы и еще живыми протащил вокруг городских стен, после чего вернулся в Александрию и с триумфом въехал в свою столицу.

Преступления Епифания привели к его убийству в 180 г. до н. э., и его семилетний сын, Птолемей VI, Филометор, был провозглашен царем под регентством своей матери. Пока она жила, был мир, но после ее смерти сирийский царь Антиох Епифанес бросился на Египет, захватил его племянника Филометора и устроил свой суд в Мемфисе. После этого младший брат Филометора, чье тучное телосложение дало ему прозвище Фискон, "раздутый", провозгласил себя царем в Александрии и обратился за помощью к Риму. Антиох удалился, оставив Филометора царем египтян, а Фискона, принявшего титул Эвргетеса II, царем греков в Александрии. Благодаря братской терпеливости Филометора они несколько лет царствовали вместе в согласии. Антиох Епифаний, однако, снова вторгся в Египет, но был предупрежден римскими [pg 155] послами. Рим теперь рассматривал царство Птолемеев как защищенное государство, и преемники Александра были не в состоянии сопротивляться приказам надменной республики. Все действительно изменилось с тех времен, когда Филадельф в лучах своей славы соизволил поздравить Италийское государство с поражением эпиротов, и римский сенат расценил его посольство как высшую из возможных почестей.

Приказ римлян оставить Египет в покое Антиох Епифанес воспринял угрюмо. Но у него не было выбора в этом вопросе. У него было более чем достаточно забот дома, чтобы не рисковать ссорой с Римом. Иудеи находились в состоянии полного восстания. Эллинизирующаяся партия среди них - "нечестивцы" из Книги Маккавеев - стала многочисленной и сильной и объединилась с гражданскими соперниками первосвященников. Между партией прогресса и ортодоксальными сторонниками Закона вскоре началась открытая война, и в 175 г. до н. э. Антиох Епифанес, соблазнившись более высокой взяткой, был вынужден вступить в борьбу и бросить всю тяжесть своей власти на сторону нововведений. Ония III был смещен с первосвященнического престола, а на его место был назначен его брат Иисус Навин, вождь "нечестивцев", с разрешением переименовать иудеев в антиохийцев. Иисус Навин [pg 156] сразу же принял греческое имя Иасон, основал гимнасий в Иерусалиме, отправлял подношения на праздник Ираклия в Тире и препятствовал обряду обрезания. Но правление Ясона было недолгим. Вениамитянину Менелаю удалось изгнать его из страны и узурпировать должность первосвященника, а Ониас был предан смерти.

Второе вторжение сирийцев в Египет произошло два года спустя. В Иудею со всеми преувеличениями, обычными на Востоке, дошел рассказ о чеканке, полученной Антиохом Епифаном; Антиоху сообщили, что он мертв, и Ясон, соответственно, пошел на Иерусалим, расправился со своими противниками и блокировал Менелая в цитадели. Но Антиох был уязвлен только в своей гордыне, и он повернул назад от Нила, сгорая от досады и желая выместить свой гнев на первом, кто попадется ему на пути. Бесчинство, учиненное Ясоном, стало желанным предлогом. Беззащитное население Иерусалима было частично истреблено, частично продано в рабство, и под руководством Менелая он вошел в храм и унес священные сосуды, а также другие сокровища. Филипп Фригиец был назначен правителем города, а Менелай остался первосвященником.

За этим должны были последовать более суровые меры. В 168 г. до н. э. произошло восстание в Иерусалиме, который был [pg 157] захвачен в субботний день сирийским полководцем, большая часть его была разграблена и сожжена, а часть городской стены разрушена. На горе Сион, которая в то время возвышалась над Храмом, был размещен гарнизон, и начались жестокие гонения на евреев. Все усилия были направлены на то, чтобы заставить их отказаться от своей религии, есть свиную плоть и поклоняться богам греков. Именно тогда "мерзость запустения" была явлена в Святая Святых, храмы Самарии и Иерусалима были вновь посвящены Зевсу Ксеносу и Зевсу Олимпиосу, а Иерусалимский храм осквернен обрядами сирийской Ашторет.

Тысячи ортодоксальных евреев бежали в Египет, где нашли приют и радушный прием. Среди них был Ониас, старший сын Ониаса III. Филометор пожаловал ему землю в Гелиополе и разрешил построить там храм, в котором поклонение еврейскому Богу должно было осуществляться так же, как в Иерусалиме. Раскопки показали, что храм был возведен на месте, которое сейчас называется Тель-эль-Йехудийе, "Курган еврейки", недалеко от Шибин-эль-Канатира. Здесь находился старый заброшенный дворец и храм Рамсеса III, и здесь евреям было разрешено обосноваться и основать город, который они называли Лук.

[pg 158]

Согласно Иосифу, его более древнее название было Леонтополис. Храм, разрушенный Веспасианом после Иудейской войны, был укреплен, как и Иерусалимский, а для его украшения снова использовали фарфоровые бляшки, эмалированные розетками и бутонами лотоса, которые были сделаны для Рамсеса III. Давным-давно феллахи обнаружили среди его развалин, а затем разрушили, мраморную ванну, подобную той, которую сегодня используют еврейские женщины для очищения, а в прилегающем некрополе доктор Навиль обнаружил гробницы людей, носивших еврейские имена. Ониасу не позволили построить новый храм без протеста со стороны более строгих приверженцев Закона о том, что запрещено возводить его где-либо еще, кроме священного города Давида. Но он был человеком находчивым, и все возражения были преодолены, когда он указал на пророчество Исаяи (xix. 19): "В тот день будет жертвенник Господу посреди земли Египетской". Египетские евреи уже получили свою собственную версию Писания; теперь у них был свой храм, свое священство и свой первосвященник. Правда, их единоверцы в Иудее не переставали протестовать против этого соперничающего центра их религиозной веры и осуждать Ониаса как первого раскольника; но их собратья в Египте не обращали внимания на их слова, и храм [pg 159] Ониана продолжал существовать столько же, сколько и Иерусалимский.

Ониас оказывал влияние не только на своих соотечественников, но и на умы царя. Филометор, как и Эвргетес, придерживался иудейских взглядов, а первосвященник Луки был допущен к высоким государственным должностям. Так же как и Досифей, "священник и

левит", который в "Остальных главах Книги Эсфирь" (х. 1) рассказывает, что в четвертый год правления Филометора он и его сын Птолемей привезли в Египет "это послание Фурима", которое было переведено на греческий язык в Иерусалиме Лисимахом, сыном Птолемея. Филометор даже выступал в качестве судьи в великом религиозном споре, бушевавшем между иудеями и самаритянами. Они призвали его решить, где должен быть построен храм - на горе Мориа или на горе Геризим, и кто из них изменил текст Второзакония ххvii. 12, 13. Филометор принял решение в пользу иудеев, как, вероятно, вынуждал его долг по отношению к многочисленным иудейским подданным, а его религиозное рвение дошло до того, что он приказал предать смерти двух неудачливых сторонников дела самаритян.

Пока царь Египта вел себя как иудей, царь Сирии вел ожесточенную борьбу с еврейским народом. Национальная партия [pg 160] поднялась под руководством Маттафии, священника из Модина, и его пяти сыновей, из которых третий, Иуда Маккавей, был самым способным и самым известным. Одна за другой сирийские армии были разбиты, и в 165 г. до н. э. Храм был очищен и отремонтирован, а в нем появился новый алтарь, посвященный Господу Воинств. Два года спустя Антиох Епифан умер во время похода на Иудею, а вместе с ним погибла и власть Сирии. Соперничество претендентов на престол, внутренние и внешние раздоры, предательства и убийства подтачивали основы его силы, но, несмотря на убийства и религиозные распри, вражду эдомитов и усилия эллинизирующейся партии среди самих иудеев, власть Маккавеев продолжала расти. Первосвященство перешло к ним от последнего из сочувствующих грекам, а Ионафан, брат и преемник Иуды, был удостоен царских почестей со стороны царя Сирии. Были заключены договоры со Спартой и Римом, а его преемник, Симон, чеканил собственные монеты. После его убийства его сын Иоанн Гиркан расширил иудейские владения на север до Дамаска, уничтожив Самарию и ее храмы и покорив эдомитов, которых он заставил принять иудейскую веру. Последовавший за ним Аристокл принял титул царя и присоединил к своему царству Итуру, а его брат Александр Яннеус [pg 161] напал на Египет и присоединил города Финикийского побережья. Но вместе с царским достоинством пришли и царские преступления. И Аристокл, и Александр убили своих братьев, и их греческие имена показывают, как поборники иудейской ортодоксии переходят в стан врага.

Задолго до того, как все это произошло, на Египет обрушились многочисленные перемены. Филометор умер в 145 году до н.э. Он был достаточно слаб, чтобы дважды простить своего непокорного и неблагодарного брата, когда тот был в его власти. Один раз он был вынужден отправиться в Рим, чтобы отстаивать свои интересы перед сенатом, и там задолжал александрийскому художнику за еду и ночлег; во второй раз Фискон попытался лишить его Кипра с помощью подлого вероломства и интриг.

Наградой за братскую терпеливость стало убийство Фисконом юного сына Филометора Птолемея Филопатора II сразу после его смерти. Иудейский первосвященник Ониас удерживал Александрию для Филопатора, но его дядя Фискон был благосклонен к римлянам, чье слово теперь было законом. Фискон начал свое долгое правление, полное порока и жестокости, прерываемое лишь временным изгнанием на Кипр. Затем последовала его вдова, Клеопатра Кокке, женщина, запятнанная всеми возможными и невозможными преступлениями. Однако она держалась уверенно против всех противников, [pg 162] включая собственного сына Птолемея Латира, благодаря двум своим еврейским генералам, Хелькиасу и Анании, сыновьям первосвященника Ониаса. Палестина и Сирия снова стали полем битвы, где решалась судьба Египта, и если Клеопатре помогали иудеи, то Латир нашел своих союзников среди самаритян.

Именно в разгар этих войн и слухов о войнах, когда люди потеряли веру друг в друга и в самих себя, а евреи, борясь за свое существование, начали на равных общаться с великими монархиями мира, был написан этот любопытный Апокалипсис, Книга Еноха, во всяком случае, в его первоначальной форме. Это видение конца всего сущего и суда над человечеством, и оно воплощает в себе полностью разработанную доктрину ангельской иерархии, о которой говорится в Книге Даниила.

Клеопатра была убита своим младшим и любимым сыном, и Латиру все-таки удалось получить трон Египта, на который он взошел под титулом Сотера II (ок. 87 г.). Его короткое шестилетнее правление ознаменовалось разрушением Фив. Верхний Египет все еще находился в состоянии шипящего недовольства, а преступления последнего царствования заставили его вступить в открытое восстание. Правительство было слабым и злым; греки потеряли [pg 163] свою силу и власть, и их армии были теперь просто телами непокорных наемников. Но фиванцы не были достаточно богаты и сильны, чтобы противостоять Александрии, когда им помогали ресурсы Средиземноморья. В конце концов восстание было подавлено, Фивы взяты штурмом, а их храмы, которые использовались как крепости, разгромлены и разрушены. Население было предано мечу или уведено в рабство, и столица фараонов-завоевателей прошлого перестала существовать. Ее место заняли несколько убогих деревень, сгрудившихся вокруг руин древних святынь. Карнак и Луксор, Мединект-Хабу и Курна - вот и все, что осталось от прежнего города. При Птолемах он был известен как Диосполис, "город Зевса" Амона, метрополия Верхнего Египта; с этого времени, в квитанциях сборщиков налогов, он представляет собой не более чем собрание "деревень". Его жрецы были рассеяны, разрушенные храмы пришли в упадок. То, что ассирийцы не смогли уничтожить, а персы пощадили, было свергнуто Птолемеями, называвшим себя царем Египта.

После смерти Латиры внутреннее разложение монархии пошло стремительно. Став жертвой гражданских войн и узурпации, она просуществовала еще немного благодаря презрительному терпению римлян, которые ждали, чтобы покончить с ней, пока не опустошили [pg 164] ее сокровищ. Королевство асмонеи в Иерусалиме также клонилось к упадку. Семейные убийства и гражданские распри стали среди них почти такими же обычными, как и среди Птолемеи, и, как и в Египте, так и в Палестине, Рим был призван стать посредником между соперничающими претендентами на корону. В 63 г. до н. э. Иерусалим был взят Помпеем после трехмесячной осады, его защитники были истреблены, укрепления разрушены, а царский дом упразднен. Римский победитель вошел в Святыню, и Палестина была присоединена к Римской империи.

Среди остатка, который еще сохранял веру своих предков, римское завоевание и осквернение храма придали новую силу убеждению, что Мессия и Спаситель Израиля непременно должен вскоре появиться. Это убеждение нашло свое выражение в так называемых Псалмах Соломона, от которых сохранилась только греческая копия. Большие надежды, порожденные успехами семьи Маккавеев, рухнули навсегда, и временная власть Иудеи исчезла. Отныне она существовала как нация только по принуждению.

В Египте иудеи не сразу поняли, насколько серьезными были перемены в их судьбе. Их перестали бояться, а значит, и уважать: толпа и правители Александрии испытывали к ним теперь только ненависть и презрение. У них отняли гражданство [pg 165] с правом пользоваться собственными магистратами и судами, и они были низведены до уровня коренных египтян, с которыми безнаказанно мог расправиться самый низкий греческий бродяга на улицах Александрии. Они вернули себе прежние привилегии только после того, как Август реорганизовал свою египетскую провинцию, и хотя они снова были лишены их

Калигулой, когда Филон тщетно пытался заступиться за своих соотечественников перед императором, они были восстановлены Клавдием, и даже Веспасиан после Иудейской войны не стал вмешиваться в них.

Дом Птолемеев бесславно пал. Но он пал среди конвульсий гражданской войны, которая разрушила до основания империю его завоевателей, и среди руин Римской республики. Клеопатра, ее последняя представительница, околдовала не только грубоватого Марка Антония, но даже властный ум Юлия Цезаря. Ее чары оказались роковыми для жизни и репутации одного из них; почти такими же роковыми они оказались и для жизни другого. Осажденная вместе с ней во дворце Птолемеев александрийской толпой, жизнь Цезаря некоторое время трепетала на волоске. Но вместо нее была отдана Александрийская библиотека; он спасся, обстреляв доки и судоходство, и пламя перекинулось из гавани в залы музея. Драгоценные папирусы погибли в пламени, а [pg 166] комнаты, в которых были собраны знания и таланты греческого мира, превратились в груды почерневших руин. Правда, впоследствии Клеопатра получила от Марка Антония библиотеку Пергама с 200 000 томов, которую она разместила в храме Сераписа, но новая библиотека никогда не сравнится со старой ни по своим размерам, ни по ценности книг.

Клеопатра и Марк Антоний погибли от своих рук, а Август остался владыкой Египта и римского мира (30 г. до н. э.). Сесарион, сын Клеопатры и Юлия Цезаря, был предан смерти, а Египет был присоединен к тайному кошельку императора. Таким образом, он так и не стал провинцией Римской империи: к несчастью для его жителей, он оставался личным владением императора. Его префект не мог быть выше конного ордена, а сенатору запрещалось ступить в него. Его города не могли управлять собой, а старый греческий закон, ограничивавший права гражданства греками и евреями и не позволявший коренным египтянам их разделять, оставался в силе. Египет был житницей Рима, и богатство его почвы, а также промышленность его жителей требовали, чтобы в нем не утвердился соперник царствующего государя. История показала, с какой легкостью страна может быть захвачена, оккупирована и [pg 167] с какой трудностью оккупант может быть изгнан. Хозяин Египта управлял торговлей между Востоком и Западом; он также управлял римской толпой, чьи рты были наполнены египетской кукурузой. Было опасно допускать возможного соперника даже в долину Нила.

История Александрии при римлянах - это история Александрии, а не египтян. Феллахи трудились для других, а не для себя, и бремя, которое лежало на них, становилось все тяжелее и невыносимее. Время от времени в Верхнем Египте вспыхивали волнения, которые, однако, быстро подавлялись, а в III веке варвары Блеммий сделали своими столицами Коптос и Птолемаис. Завоевание Фиваиды Пробом (280 г. н.э.) было признано достойным триумфа. Спустя восемь лет вся страна вновь восстала и провозгласила своего вождя Ахиллея императором. Война продолжалась девять лет, и для ее окончания потребовались все силы империи. Император Диоклетиан лично отправился в Верхний Египет и осадил Коптос, центр восстания. После долгой осады город был взят и разрушен до основания. Но война разорила жителей. Набережные были разрушены, каналы засорены, поля не обрабатывались и были захвачены варварами из Судана или бедуинами из [pg 168] восточной пустыни. По окончании борьбы Диоклетиан был вынужден вывести римские гарнизоны к югу от Первого катаракта и установить границу империи в Ассуане.

За войной последовало великое гонение на христиан - последняя попытка римского язычества противостоять нашествию новой веры. Христианство стало могущественной силой в римском мире, которая грозила вскоре поглотить все, что осталось от Рима прошлого, с его патриотизмом, преданностью императору, законом и администрацией.

Борьба между ним и империей Августа больше не могла откладываться. Эдикт Диоклетиана был подписан, и империя направила все свои силы на то, чтобы сокрушить соперника и выкорчевать христианство из своей среды.

Но попытка оказалась слишком запоздалой. Новая власть оказалась сильнее прежней, а гонения лишь доказали, насколько окончательно канул в Лету прежний Рим. Империя склонила голову и приняла христианство; епископы заняли место префектов и сенаторов прошлого, а в философских залах разгорелись теологические диспуты. Нигде гонения не были столь жестокими, как в Египте; нигде мученики и исповедники Церкви не были более героическими и многочисленными.

Результат оказался таким, какого мы вряд ли могли [pg 169] ожидать. До сих пор христианство в Египте было греческим. Оно было связано с Александрией и греческим языком, а не с деревнями и языком народа. Его епископы и богословы были греками, а школа христианского платонизма, процветавшая в Александрии, имела мало общего с египетскими идеями. Однако с гонениями Диоклетиана наступили перемены. Еще во время его расцвета появляются мученики и исповедники, носящие египетские, а не греческие имена. Едва все закончилось, как местное население единым телом присоединилось к новой религии. Осирис и Исида уступают место Христу и Пресвятой Деве, коптский алфавит заменяет демотический шрифт язычества, а тела умерших перестают бальзамировать. Трудно объяснить внезапность и полноту перемен. Возможно, на это повлиял упадок римской власти, а вместе с ним и барьеры между греческим и египетским. Так же как и восстание в Верхнем Египте, которое объединило в одном общем чувстве национальности все элементы населения. Возможно, еще более сильной причиной стало зрелище героизма и стойкости тех, кто пострадал за христианскую веру. Египтянин всегда был глубоко религиозен, и само наслаждение жизнью заставляет его восхищаться и почитать аскетов. Но какова бы ни была [pg 170] причина, факт остается фактом: до гонений Диоклетиана египетское христианство было греческим, после гонений оно стало коптским. Оставшиеся в живых язычники были не египтянами, а богатыми и высокообразованными греками, такими как поэт Нонн, которого замучил до смерти святой Шнуди, или одаренная Гипатия, чью плоть отрывали от костей устричными раковинами монахи святого Кирилла.

Литература коптского христианства была почти полностью религиозной. Мало что еще интересовало преданных приверженцев новой веры. На смену романсам, восхищавшим их предков, пришли легенды о святых и мучениках, а христианские гимны сменили поэмы прошлого. Этой страсти к богословию мы обязаны сохранением произведений иудейской и христианской церквей, которые в противном случае были бы утеряны. Книга Еноха, которую цитирует святой Иуда, безвозвратно погибла бы, если бы не коптское христианство. Церковь Абиссинии, дочери Египта, сохранила ее в эфиопском переводе, а части греческого оригинала, с которого был сделан перевод, были найдены в гробнице в Эхмиме, раскопанной в 1886 году. Давно известно, что текст, использованный абиссинским переводчиком, должен был значительно отличаться [pg 171] от того, выдержки из которого сохранились для нас в Послании святого Иуды и трудах византийских историков Кедреноса и Георгия Синцелла; вновь обнаруженные фрагменты теперь позволяют нам увидеть, каким был этот текст на самом деле. Если оригинал книги был написан на арамейском языке, то, по-видимому, существовало как минимум две авторизованные греческие версии, одна из которых использовалась в Европе и Сирии, а другая - в Египте. Какая из них была более древней и верной, нам еще предстоит узнать.

В ходе раскопок в Эхмиме были обнаружены фрагменты двух других произведений, относящихся к раннему периоду христианства и давно утраченных. Один из них первый

редактор, М. Буриан, считает Апокалипсисом святого Петра; он открывается рассказом о Преображении, за которым следует видение рая и ада. Книга, по-видимому, была составлена или интерполирована гностиком, поскольку в ней есть упоминание об "Эоне", в котором Моисей и Илия пребывали во славе. Другой труд имеет большее значение. Это Евангелие, известное ранней Церкви как Евангелие от святого Петра, а сохранившаяся часть содержит повествование о страстях и воскресении Христа. На протяжении всего повествования ответственность за смерть Господа перекладывается с Пилата на иудеев; когда [pg 172] стражники, наблюдавшие за гробницей под началом сотника Петрония, побежали рассказать Пилату о воскресении, свидетелями которого они были, "сильно скорбя и говоря: "Истинно Он был сын Божий"; он же отвечал: "Я чист от крови сына Божьего: Я тоже думал, что Он таков". Однако в Евангелии прослеживаются докетизм: во всяком случае, вопль Христа на кресте звучит так: "Сила Моя, (Моя) сила, Ты оставил Меня!"

Какие еще открытия утраченных документов раннего христианства ожидают нас в Египте, сказать невозможно. Только в последние несколько лет внимание было обращено на памятники, которые для изучающих египетскую древность казались слишком недавними. Бесчисленные рукописи бесценной ценности уже погибли из-за невежества феллахов и пренебрежения туристов и саванов, для которых термин "коптский" был синонимом слова "никчемный". Но археологически почва Египта почти неисчерпаема, и земля Септуагинты, христианской школы Александрии и пылкого богословия более поздней эпохи не может не дать других документов, которые прольют свет на раннюю историю нашей веры. Буквально на днях среди папирусов Файюма, хранящихся сейчас в Британском музее, был найден фрагмент версии Септуагинты [pg 173] псалмов, более древний, чем самый старый из известных до сих пор списков Библии. А путешественник, который все еще хочет осмотреть Нил на досуге и своим собственным способом, найдет в старых египетских каменоломнях за Дэр-Абу-Ханнесом, но немного южнее города, который Адриан воздвиг в память Антиноя, множество иллюстраций учения и богослужения первобытной коптской церкви. Здесь можно изучить все детали древней церковной архитектуры, высеченной из живого камня, и проследить, как дом отшельника стал сначала местом паломничества, а затем часовней с алтарем святых. Сами гробницы, исписанные греческими эпитафиями святых беглецов от преследований, до сих пор существуют за пределами пещер, в которых они обитали. Мы даже можем видеть, как происходят изменения, превратившие греческую церковь Александрии в коптскую церковь Египта. По обе стороны богато вырезанного креста находится запись "Папия, сына Мелито Исаврийского", похороненного на месте, освященном телом святого Макария, которая написана с одной стороны на греческом, с другой - на коптском языке. С этого момента греческий язык вытесняется коптским, а многочисленные паломники, которые просят святого Виктора или святого Фибаммона помолиться за них, пишут свои имена и молитвы на родном языке и родным алфавитом. С предательством Египта магометанам Георгием Макаукасом гибель [pg 174] греческого языка и Библии была предreshена. Коптский язык уже стал языком египетской церкви, и хотя мы все еще находим цитаты из греческого Нового Завета, начертанные тут и там на стенах вырубленных в скалах святилищ, они представляют собой не более чем орнамент. Христианский Египет - родной, а не греческий.

[pg 175]

Глава VI. Геродот в Египте.

От коптского христианства, только готовящегося противостоять двенадцати векам магометанских гонений, мы должны теперь вернуться к языческой Греции. Персидские войны вдохнули новую жизнь в Грецию и ее колонии и дали им такое чувство единства, каким они никогда не обладали прежде. Афины заняли место лидера не только в искусстве и литературе, но и в войне, и под защитой ее имени ионийцы Малой Азии осмелились бросить вызов своему персидскому владыке, а ионийский диалект перестал быть предметом презрения. Грек, всегда беспокойный и любопытный, чтобы увидеть и услышать "что-то новое", теперь начинает потакать своим вкусам на досуге и посещать в качестве туриста иностранные берега Средиземноморья. Искусство в едином порыве достигло своего совершенства в скульптурах Фидия, поэзия стала божественной в трагедиях Эсхила и Софокла, а история готовится принять участие в общем развитии. Современный мир Европы уже рождается.

[pg 176]

Основателем литературной истории, то есть истории, нацеленной на литературную форму и интерес, был Геродот Галикарнасский. Если верить греческой традиции, его дядя был предан смерти Лигдамисом, деспотом города, и последующее изгнание тирана было в какой-то степени связано с политическим рвением будущего историка. Геродот был богат и хорошо образован, любил путешествия, как и большинство его соотечественников, и не отставал от них в любопытстве и тщеславии. Он изучал литературный диалект Ионии, возможно, во время своего пребывания на Самосе и пользовался там библиотекой Поликратеса, друга и корреспондента Амасиса. Какие еще библиотеки он мог посещать, мы не знаем, но его история показывает, что он был хорошо знаком с работами своих предшественников, которых он хотел затмить и вытеснить. Гекатей из Милета, который путешествовал по Египту вплоть до Фив, если не до Ассуана, и написал полный отчет о стране, ее народе и истории, Ксанф, лидиец, составивший летопись своей родины, а также множество других авторов, историков и географов, поэтов и драматургов, философов и физиков, были вынуждены внести свой вклад в его работу. То и дело он ссылается на старших историков, когда хочет их поправить или опровергнуть; чаще он [pg 177] молчаливо включает их высказывания и слова, не называя их по имени. Так, по словам Порфирия, он "украл" у Гекатея рассказы о крокодиле, гиппопотаме и финике, а неправильность его описания этой чудесной птицы, которую он, как и Гекатей, уподобляет орлу, доказывает правоту этого обвинения. В его времена не существовало ни рецензентов, ни знаков цитирования, ни даже сносок, и поэтому Геродот может утверждать, что, хотя он свободно цитировал без признания, он не был плагиатором в каком-либо реальном смысле. Он действовал так же, как и другие греческие писатели его времени, и если его плагиат превышал их, то только потому, что он больше читал и более старательно вел свою записную книжку.

Страдаем мы, а не греческий мир, для которого он писал. Часто нам трудно, если вообще возможно, определить, говорит ли Геродотос, основываясь на собственном опыте, или цитирует других людей, чья благонадежность сомнительна или чьи высказывания могли быть неправильно поняты. Время от времени внутренние свидетельства убеждают нас в том, что мы имеем дело не с самим Геродотом, а с каким-то другим автором, чьи высказывания он воплотил в жизнь. Его комментаторы постоянно утверждали, что везде, где используется первое лицо, говорит [pg 178] сам Геродотос. Соответственно, его утверждения объявлялись истинными, несмотря на противоположные свидетельства восточных исследований,

поскольку, как утверждалось, он был свидетелем, заслуживающим доверия, и честно сообщал о том, что слышал и видел. Но если он не слышал и не видел предполагаемых фактов, дело меняется, и аргумент падает на землю.

Геродот принимал участие в основании колонии Фурий в южной Италии в 445 году до н. э., и именно там, а не на Олимпийском фестивале, как считала более поздняя легенда, он прочитал собравшимся грекам всю или часть своей истории. Его путешествия в Египет, таким образом, должны были уже состояться. Их приблизительная дата, действительно, определяется тем, что он рассказывает нам о поле битвы при Папремисе (iii. 12).

При Папремисе египетская армия впервые одержала победу над персидскими войсками. Ее предводителем был Инарос Ливийский, и, несомненно, в ее состав входило большое количество ливийцев. Вместе с Амиртеем он поднял египтян на восстание в пятый год правления Артаксеркса I (460 г. до н.э.). Сатрап Египта Ахеменис был разбит и убит, и в течение шести лет Египет сохранял шаткую свободу. Крепости Мемфис и Пелусий, однако, оставались в руках персов, и, несмотря на все усилия египтян, их не удавалось сместить. Тогда за помощью обратились к грекам, и [pg 179] афиняне, все еще воюющие с Персией, отправили двести кораблей с Кипра на помощь повстанцам. Корабли проплыли вверх по Нилу до Мемфиса, где все еще держался персидский гарнизон.

Все попытки вытеснить его оказались безуспешными, и приближение большой персидской армии под командованием Мегабизоса вынудило греков отступить на остров Просопитес. Здесь они были блокированы в течение полутора лет; затем осаждающие повернули реку в сторону и по ее сухому руслу двинулись к лагерю союзников, который взяли штурмом. Греческая экспедиция была уничтожена, а Инарос попал в руки своих врагов, которые отправили его в Персию и там обезглавили. Амиртеос, однако, все еще держался в болотах Дельты, и в 449 г. до н. э. Кимон отправил шестьдесят кораблей афинского флота на помощь ему в борьбе. Но прежде чем они смогли достичь побережья Египта, пришло известие о смерти Кимона, и корабли вернулись домой. Четыре года спустя, если верить Филохору, другой египетский принц, Псамметих, который, похоже, стал преемником Амиртеоса, отправил в Афины 72 000 бушелей пшеницы в надежде купить на них афинскую помощь. Но, судя по всему, она не была оказана, и Египет вновь безропотно подчинился персидскому правлению. Из Геродота (iii. 15) мы узнаем, что "великий царь" даже позволил Таннирасу и Паусирису, [pg 180] сыновьям своих извечных врагов Инароса и Амиртеоса, наследовать княжества их отцов.

Геродот посетил Папремис и увидел там притворную драку между жрецами у дверей храма по случаю их главного праздника. Он также побывал на месте битвы и увидел там "великое чудо". Скелеты сражавшихся лежали по разные стороны поля в том виде, в каком они упали, и если черепа персов были настолько тонкими, что их можно было разбить камешком, то черепа египтян были достаточно толстыми и крепкими, чтобы выдержать удар камнем. Причину этого различия объяснил ему драгоман: египтяне с детства бреют голову и таким образом закаляют ее кости от солнца, а персы затевают голову, постоянно нося шапки из толстого войлока.

С момента битвы могло пройти не так много лет. Поэтому посещение греческим путешественником места ее проведения можно отнести к 455-450 гг. до н.э. Патриоты Египта, должно быть, все еще боролись за свою свободу среди болот северной Дельты.

Но восстание должно было быть практически подавлено. Ни один грек не мог осмелиться проникнуть на персидскую территорию, пока его соотечественники сражались против [pg 181] своих персидских хозяев. Армия Мегабизоса должна была сделать свое дело, а

афинский флот был полностью уничтожен. Более того, очевидно, что, когда Геродот вошел в долину Нила, в стране царил мир. Его ссылки на войну относятся к прошлому событию, а когда он говорит об Инаросе и Амиртеосе, речь идет о людях, которые перестали представлять опасность для иностранного правительства. Отрывок, в котором он отмечает мирное назначение их сыновей на княжества их отцов, возможно, был вставлен после его возвращения в греческие земли, но это ничего не меняет в отношении главного факта. К моменту его приезда в Египет он вновь погрузился в спокойное подчинение персидской власти.

В 450 г. до н. э. Кимон, сын Мильтиада, уничтожил военно-морскую мощь Персии, а в следующем году Мегабиз был свергнут при Саламине. Именно тогда между Афинами и персидским царем был заключен "Кимонский мир", который положил конец долгой персидской войне, освободил греческие города в Азии и сделал Средиземное море греческим. В реальности этого мира сомневаются, поскольку на страницах Фукидида нет никаких упоминаний о нем, и, возможно, он никогда не был официально оформлен. Но факт, запечатленный в этой истории, остается фактом: на долгие годы между Грецией и Персией было заключено перемирие, а независимость [pg 182] греческих колоний в Малой Азии была признана при персидском дворе. 449 год знаменует собой окончательный триумф Афин и начало упадка Персии.

Если бы Геродот отправился в Египет годом или двумя позже, легкость и безопасность, с которой он это сделал, были бы легко объяснимы. Но в этом случае мы должны были бы слишком близко подойти к тому времени, когда его история была закончена, а сам он жил в Италии. Поэтому мы должны считать, что он был там до того, как был нанесен окончательный удар по персидскому господству в Средиземноморье, но когда афинское вторжение в Египет уже осталось в прошлом, а безоружные торговцы и туристы снова могли свободно передвигаться.

Более полувека Египет был закрыт для греческого любопытства. Был и более ранний период, когда Дельта, по крайней мере, была хорошо известна эллинскому миру. Фарос будущей Александрии уже упоминается Гомером (Od. iv. 355); именно там, "перед Египтом", Менелай пришвартовал свои корабли и заставил "египетского Протея" объявить ему дорогу на родину. Даже "египетские Фивы" с их сотней храмовых ворот известны и в "Илиаде" (ix. 381), и в "Одиссее" (iv. 126), и фараон Полибос жил там, когда Алкандра, его жена, нагрозила Менелая подарками. Греческие наемники [pg 183] позволили Псамметиху сбросить иго Ассирии, а греческие торговцы сделали Наукратис и Дафне богатыми торговыми центрами. Солон посетил Египет, когда Афины применяли на практике изданные им законы, и там услышал от жреца Саиса, что на фоне бесчисленных веков египетской культуры греки были всего лишь детьми, а их мудрость - лишь ростком сегодняшнего дня. Еще до восстания ионийцев, когда Иония и Египет были братскими провинциями одной Персидской империи, Гекатэос из Милета путешествовал по долине Нила, получая информацию, которой не мог обладать ни один грек, пока Египет не стал македонским завоеванием, и изложил свои знания и опыт в пространной книге.

Но персидские войны положили конец мирному общению между Грецией и старой страной фараонов, и карийские драгомены, зарабатывавшие на жизнь тем, что выступали в роли переводчиков между греками и египтянами, были вынуждены перейти к другой работе. Однако в конце концов Египет снова стал открыт для посетителей, и снова, следовательно, из Греции приехали гости. Анаксагор, философ и друг Периклеса, прибыл одним из первых и занялся исследованием причин подъема и спада Нила. Историк Элланикос, [pg 184] старший современник Геродота, тоже, кажется, путешествовал по Египту, хотя есть сомнения

в подлинности работ, в которых он, как предполагается, записал свои впечатления от египетского путешествия. Во всяком случае, Геродотос нашел публику свежей и жаждущей услышать то, что он мог рассказать о жителях Нила.

Геродотос, должно быть, добрался до Египта летом. Когда он прибыл туда, вся Дельта была под водой. Он с живостью очевидца описывает, как его города выступают над поверхностью воды, подобно островам в Эгейском море, и как путешественник может плыть не по реке, а по равнине. По его словам, во время наводнения весь Египет "превращается в море, над которым видны одни только деревни". Путешествие из Наукратиса в Мемфис было прямым и быстрым, и туристы, совершая его, проходили мимо пирамид, а не вершины Дельты.

На севере Египта подъем Нила становится заметен в первых числах июля. По улицам Каира ходят глашатаи, каждый день объявляя, как высоко он поднялся, а в первую или вторую неделю августа с большим ликованием проходит церемония перерезания Каирского канала Халиг и объявления тем самым, что Нил снова выходит на свои берега. На самом деле именно в [pg 185] августа земля впервые покрывается половодьем. Еще месяц высота воды продолжает увеличиваться, а затем некоторое время остается неподвижной. Но к концу октября, когда каналы Верхнего Египта опорожняются, снова происходит подъем, за которым вскоре следует стремительный спад. Если Дельта была похожа на море, когда ее видел Геродотос, то он должен был находиться там между началом июля и концом октября.

Это пределы времени, которое он мог провести в стране. О том, что он не оставался там до спада реки и высыхания земли, свидетельствуют случайные упоминания в его работе. Так, когда он посетил Файюм, он был похож на Дельту, море воды, а пирамиды Биахму, которые, как показали раскопки профессора Петри, всегда стояли на суше, как стоят и по сей день, он видел посреди огромного озера. Нигде нет и намек на то, что он видел страну в ее нормальном состоянии. Даже его упоминание о Керкосоросе, вершине Дельты, через которую должен был пройти каждый путешественник в Мемфис, за исключением периода половодья, заимствовано у "ионийских" писателей предыдущего поколения, а не из его собственного опыта. Ни при отплытии, ни при возвращении его лодка не была обязана проходить этим путем. Поэтому мы не должны удивляться тому, что [pg 186], что празднества, которые он наблюдал в египетских городах, были теми, которые происходили летом.

У Геродота не было времени, чтобы подражать примеру своего предшественника Гекатэоса и посетить Верхний Египет, да и лето не было подходящим временем для этого. Поэтому, хотя он и выражает свое восхищение храмами и пирамидами Дельты, Мемфиса и Файюма, ему нечего сказать о еще более поразительных храмах юга. "Стоглавые Фивы", чья слава дошла уже до гомеровских греков, чьи гробницы и колоссы заставляли греческих туристов македонской эпохи писать на них слова восхищения и благоговения, известны ему только по имени. Экстравагантность его похвал относится только к Лабиринту; о более благородных и величественных зданиях столицы Верхнего Египта он хранит полное молчание. Против статуй египетских царей, которые Гекатэос видел в Фивах, Геродотос может привести лишь меньшее число, которое он видел в Мемфисе.

Памятники и сейчас содержат свидетельства того, что после эпохи Гекатэоса греческие экскурсанты не пробирались в южный Египет, пока македонское завоевание не сделало путешествие туда легким и безопасным. В Абу-Симбеле в Нубии и Абидосе в Верхнем Египте сохранились записи о греческих наемниках [pg 187] из Псамметиха и их греческих и карийских современниках, посетивших оракул в Абидосе. Но затем наступает долгий перерыв в истории греческой письменности в Египте. С основанием империи Александра в ней начинается новая эпоха. С этого времени стены гробниц и храмов покрываются

рисунками многочисленных греческих посетителей. В Фивах царские гробницы были особым объектом внимания, и цицероны водили любознательного чужестранца вокруг них так же, как и в наши дни.

Но среди всей массы греческих имен, собранных с памятников Верхнего Египта, мы не находим ни имени Геродота, ни имени кого-либо другого из его соотечественников той же эпохи. На самом деле, это было не время для осмотра достопримечательностей южной долины Нила. Население лишь наполовину подавило восстание против своих персидских правителей, и вся страна кишела разбойниками. Персидская власть была неизбежно слабее, чем на севере, а народ был более воинственным и имел ближайших союзников в пустыне - бедуинов и эфиопов. Путешествие вверх по реке было еще более опасным, чем в анархические времена прошлого века: пираты кишели, и вне пределов досягаемости персидского гарнизона в Мемфисе путешественник нес свою жизнь в руках. Как во времена Нордена ни один египетский бей не мог или не хотел позволить путешественнику в Нубии [pg 188] отправиться на юг от Дирра, так и во времена Геродота южным пределом странствий иностранца был Файюм. Египет, в который приплывают греки", был, как он сам заявляет, Египтом, лежащим к северу от Фиванского нома и озера Мёрис.

Даже посещение Файюма, несомненно, было смелым и необычным предприятием, и поэтому Геродот описывает увиденное там более чем обычно подробно и восхваляет чудеса этого района за счет более известных памятников Мемфиса и Дельты. Но оазис сильно пострадал от гражданских неурядиц, охвативших Египет. Дамбы, защищавшие от наводнений, были заброшены, и плодородный ном превратился в застойное озеро. Геродотос видел его таким, каким видели его французские саваны в начале нынешнего века; насыпи были разрушены, поля и дороги одинаково затоплены.

Со стен столицы провинции, чьи курганы сейчас лежат за пределами Мединет-эль-Файюма, Геродотос смотрел на север, на огромное водное пространство. "Почти посередине его, - рассказывает он, - стоят две пирамиды, каждая из которых возвышается над водой на 304 фута... и над обеими возвышаются колоссальные каменные фигуры, восседающие на троне". Разбитые фрагменты колоссов были найдены профессором Петри в 1888 году, разбросанные вокруг пирамидальных [pg 189] постаментов высотой двадцать один фут, на которых они были установлены. Вырезанные из твердого кварцитового песчаника, они изображали Амона-эм-хата III, создателя Фаюма, и, по расчетам первооткрывателя, каждый из них был тридцать пять футов в высоту. Фрагменты статуй сейчас находятся в Оксфорде в Ашмолеанском музее. Статуи были обращены на север, а двор, в котором они стояли, был окружен стеной с воротами из красного гранита. Пьедесталы до сих пор сохранились в первозданном виде, а дорога, на которой они были установлены, используется и по сей день. Монументы, по сути, были возведены высоко над водой, и то, что Геродотос увидел их посреди воды,шний раз доказывает состояние страны в то время. Описанное им озеро Мёрис не было настоящим Мёрисом в египетской географии; это был сам Фейюм, погребенный под потопом.

Общая высота колоссов от земли, по мнению профессора Петри, составляла около шестидесяти футов. Между этим показателем и 304 футами, которые им приписывает греческий путешественник, действительно большая разница. Но Геродотос не мог видеть их вблизи, и приведенное им измерение должно было быть просто предположением. Однако это предостерегает нас от чрезмерного доверия к его заявлениям, даже если они являются результатом личного наблюдения. Он был всего лишь туристом, а не ученым, и его больше заботили рассказы [pg 190] о своих драгоманах и новых достопримечательностях, чем научная съемка и точность.

Отсюда вытекает утверждение, что до времен Менеса вся страна между морем и озером Мерес была болотом. Такое утверждение можно понять, только если вспомнить, что, когда Геродот плыл по Нилу, его берега были затоплены по обе стороны. Если бы он увидел страну к югу от Мемфиса такой, какой ее видит современный путешественник, когда вода спадает и вдоль русла реки появляются зеленые поля, он никогда не смог бы поверить в это. Но все различия между Дельтой и остальным Египтом были скрыты от него водами наводнения. То, что он считал Файюм границей болота, вполне естественно; это был предел его исследований Верхнего Египта, и, следовательно, он не знал, что от Мемфиса на юг до Эдфу долина Нила имеет те же особенности.

Странная ошибка, которую он дважды совершает, воображая, что под пирамидой Хеопса находились своды на острове, образованном каналом, который строитель провел из Нила, объясняется той же причиной. Несомненно, его дракоша рассказал ему что-то подобное. Подземная камера в скале действительно существует под великой пирамидой, как было обнаружено Кавиглией, и есть пирамиды в [pg 191] нижних камерах, в которые Нил давно проник. Профессор Масперо обнаружил, что его исследование пирамид Лишта, к югу от Дахшура, было остановлено водой, которая заполнила их, а профессор Петри испытал то же самое в кирпичной пирамиде Хавары, хотя здесь проникновение воды, похоже, было вызвано каналом, прорытым в арабские времена. Но пирамиды Гизеха стоят на плато известняковой скалы, надежно защищенной от подхода воды, и история, рассказанная Геродотом, скорее всего, является результатом заблуждения с его собственной стороны, чем намеренной ложью со стороны его гидов. Однако его готовность поверить в эту историю можно объяснить только состоянием страны во время его визита. Вся земля была покрыта водой, и, отправляясь в Мемфис, ему пришлось проплыть мимо самих пирамид. Именно в лодке он должен был посетить их; поэтому легко предположить, что от воды, по которой он плыл, шел канал через туннельную скалу, на которой они стояли. Он не знал, что самая нижняя камера пирамиды находилась высоко над предельным уровнем наводнения.

Часто выражалось удивление, что Геродот не упоминает Сфинкса, который и арабам, и современным европейцам показался одним из самых примечательных памятников Гизеха. Но [pg 192], плывя по каналу, который вел из Мемфиса к пирамидам, он прошел бы мимо него, не заметив. Когда его лодка подплывала к краю скалы, на которой построены огромные усыпальницы Хеопса и Хефрена, она была бы скрыта от его взора; и, поскольку она была погребена под песком, его проводники не считали ее объектом такой исключительной важности, чтобы вести его к ней по горящему песку. В непосредственной близости от великой пирамиды его окружали памятники более интересные и более поразительные, которых было вполне достаточно, чтобы занять его день и удовлетворить его любопытство.

К югу от Файюма и прилегающего к нему города Гераклеополя, руины которого сегодня известны как Ахнас эль-Медине, все, что может рассказать нам Геродот, заимствовано у более древних авторов. Время от времени, правда, используется первое лицо, и нам на мгновение кажется, что он описывает свои собственные приключения. Но он просто цитирует других, и в рукописи нет никаких знаков цитирования, чтобы показать нам, что это именно так. Таким образом, его книга похожа на книгу другого, более позднего египетского путешественника, мистера Дж. А. Сент-Джона, чья книга "Египет и Нубия" была опубликована на английском языке всего пятьдесят лет назад. Он тоже воплощает рассказы своих предшественников в записи о собственном путешествии вверх по Нилу без какого-либо уведомления или признаков того, что он это делает, и только после того, как мы неожиданно увидим имя более раннего автора в [pg 193] нижней части страницы, мы

осознаем этот факт. Геродот не оказал нам даже такой помощи; и поэтому не приходится удивляться, что комментаторы, никогда не бывавшие в Египте, были обмануты его методом работы. Но он сохранил фрагменты более древних писателей, которые иначе были бы утеряны, и если он смешал их с историями, услышанными им от драгоманов Мемфиса и Саиса, или с ответами, которые он получил на свои вопросы о греческих легендах, мы не должны чувствовать себя неблагодарными.

Верхний Египет упоминается в его повествовании лишь случайно, и, как и следовало ожидать от писателя, которому приходилось полагаться на других в получении информации, то, что он рассказывает нам о нем, очень часто оказывается неверным. Так, он утверждает, что гиппопотам был "священным в номе Папремис, но нигде больше в Египте", хотя ему поклонялись и в Фивах, и он воображает, что все кошки в стране были забальзамированы и похоронены в Бубастисе, все ястребы и мыши - в Буте, а все ибисы - в Гермополе или Даманхуре. Но это потому, что он побывал в этих местах и не путешествовал по югу. Если бы он это сделал, то никогда бы не подумал, что тело каждой погибшей кошки или ястреба переносится в отдаленное место в Дельте. Действительно, в жаркую погоду летних месяцев подобное было бы невозможно. Однако кладбища [pg 194] этих священных животных встречаются по всему течению Нила. Мумии священных кошек можно встретить в скалах Гебель Абу Фода, в Фивах и, прежде всего, в Бени Хасане, где немного южнее Спееос Артемидос недавно было обнаружено такое их количество, что можно предположить, что из их костей можно извлечь коммерческую выгоду. Тонны костей были отправлены в Ливерпуль, где их перерабатывали в навоз; но поскольку оказалось, что мумифицированные кости не поддаются процессу, экспорт прекратился. Мумии священных ястребов были найдены в таком же количестве при раскопках древних кладбищ Эхмира несколько лет назад, а строительство канала на восточном берегу напротив Абутига недавно выявило еще одно из мест их захоронения, таким образом определив местоположение Иеракона, "города ястреба", столицы двенадцатого нома.

В своей географии реки выше Файюма Геродотос также был дезинформирован. Так, он утверждает, что "страна выше Фейюма на расстояние трехдневного плавания похожа на страну ниже его". Трехдневное путешествие означает около восьмидесяти миль, поскольку он считает, что от моря до Файюма семь дней пути, то есть расстояние около 190 миль. Дахабийские путешественники охотно согласятся с этим расчетом. При попутном ветре дневное плавание [pg 195] составляет около тридцати миль, больше или меньше, так что 190 миль можно легко преодолеть за семь дней. Теперь восемьдесят миль приведут посетителя из Файюма в Колосанех и Гебель-эт-Тер. На протяжении многих миль до Гебеля берега Нила выглядят совсем иначе, чем внизу. Вместо унылого однообразия песчаных отмелей и ровных равнин здесь есть живописные линии скал, амфитеатры пустыни и изрезанные мысы. Описание Геродота верно лишь до Фешна, расположенного в двадцати милях к югу от Ираклеополя. На самом деле оно основано лишь на том, что он мог видеть с самой южной точки, до которой добрался.

Вид, который открывался ему оттуда на плоские пустынные просторы Ливии, заставил его сделать еще одно заявление, столь же далекое от истины. Оно заключается в том, что в течение четырех дней после отплытия из Гелиополя долина Нила узкая, но затем она снова становится широкой. Но так было только там, где Файюм и провинция Бени-Суэф простирались на запад, да и то лишь тогда, когда они были покрыты водами наводнения. В других местах возделанная долина по большей части более узкая, чем в окрестностях Мемфиса, где она казалась греческому путешественнику такой ограниченной; местами, правда, как в Абидосе и [pg 196] Фивах, она на некоторое время расширяется, но в остальном

пустыня все больше и больше наступает на нее, пока в Сисилисе бесплодные скалы не стирают ее совсем.

Геродот ничего не знает о великих памятниках Фив, а фараоны, чьи имена он записывает, соответственно, не имеют отношения к древней столице империи. Они принадлежат Мемфису, Файюму, Дельте, но ни один из них не принадлежит Фивам. Даже Сесострис, в котором можно обнаружить некоторые черты Рамсеса II, правит на севере, а не на юге. Из всего множества памятников, оставленных им, греческому путешественнику известны только два, и это две его статуи, стоявшие перед храмом Птаха в Мемфисе.

О Тотмесе, Аменофисе и других великих монархах восемнадцатой династии, чьи памятники были найдены в основном на юге, Геродот никогда не слышал. Все, что он знал о царях Египта до эпохи Псамметиха, он почерпнул из рассказов, которые его гиды прилагали к памятникам, которые он действительно видел. Если бы он посетил храмы и гробницы Фив, Абидоса и Ассуана, нам бы рассказали, как Мемнон вел свои войска на Трою или как Осимандиас завоевал мир. Но за [pg 197] рассказами драконов о Верхнем Египте нам приходится обращаться к другим; Геродот не мог их записать, так как никогда там не был. Фейюм - самый южный предел его исторических знаний, потому что это также самый южный предел его географических знаний.

И все же то тут, то там мы встречаем сообщения о Верхнем Египте, некоторые из которых были написаны очевидцем. Но очевидцем был не сам Геродот, и, приводя их, он обычно указывает на этот факт. Так, он описывает Хеммис или Эхмим как "близкий Неаполис", современный Кенех, хотя на самом деле расстояние между этими двумя городами составляет девяносто пять миль, а путешествие занимает не менее трех дней, и Неаполис был лишь незначительным городом по сравнению с самим Хеммисом или другими городами, такими как Это и Абидос, которые находились ближе к нему. Даже Тентириис или Дендерах с его древним храмом Хатхор напротив Неаполя был более важным и известным, а сами Фивы находились всего в сорока пяти милях выше по реке.

Но рассказ Геродота о Хеммисе и его храме - всего лишь плод воображения. Действительно, он подразумевает, что получил его от неких "людей из Хеммиса", которых он расспрашивал, вероятно, через своего переводчика. Они рассказали ему, что храм, от которого до сих пор сохранилось несколько останков, и который на самом деле был посвящен Мину или Амон-Хему, [pg 198] был храмом греческого героя Персея - имя, возможно, подсказанное сходством со священным деревом персея. Кроме того, утверждалось, что каждый год в честь иноземного божества проводились гимнастические игры на греческий манер, которые иногда являлись его поклонникам, оставляя после себя сандалию, известную в греческой мифологии. Но на этом изобретательские способности информаторов греческого путешественника не остановились. Далее он уверяет нас, что пилон храма нес на вершинах двух своих башен два изображения божества. Это утверждение само по себе достаточно, чтобы дискредитировать всю историю и доказать, что Геродот никогда не мог видеть храм своими глазами. Сторожевые башни, охранявшие вход в египетский храм, никогда не имели и не могли иметь изображений на своих крышах. Они были нужны для других целей, и сама идея поддерживать на них статуи противоречила первым принципам египетской архитектуры и религии. Это была полностью греческая концепция.

Столь же далеко от истины то, что Геродот рассказывает нам о Первом катаракте. Как и другие путешественники в Египет до и после него, он стремился узнать что-нибудь об истоках Нила. Но ни "египтяне, ни ливийцы, ни греки", которых он встречал, не могли дать ему никакой информации. Возможно, если бы он доплыл до Ассуана, некоторые из [pg 199]

эфиопов, живших там, были бы более общительными. Однако в конце концов его представили одному из священных писцов в храме Неита в Саисе - единственному египетскому жрецу высшего ранга, с которым он, похоже, общался, и писец ублажал любопытство путешественника до предела, хотя даже Геродот подозревал, что над ним смеются. Тем не менее, по долгу службы, он серьезно записывает то, что ему рассказали. "Между Фиваидой и Элефантиной находятся две горы с остроконечными вершинами, которые называются Крофи и Мофи. Из сердца этих гор вытекают источники Нила, которые бездонны: половина воды течет в Египет и на север, а другая половина - в Эфиопию и на юг. То, что источники бездонны, доказал Псамметих, царь Египта, так как, спустив в них веревку длиной в несколько сотен тысяч сажений, он не нашел дна". Геродотос добавляет, что это произошло, вероятно, потому, что в воде были сильные завихрения, которые унесли веревку.

Египетские жрецы, как правило, не знали греческого языка и избегали любого общения с "нечистым" иностранцем. Даже разговор с ним привел бы к загрязнению. Следовательно, "жрецы", на которых так часто [pg 200] ссылается Геродотос, были всего лишь "бисером" того времени, который водил туриста по храмам и показывал ему основные объекты, представляющие интерес. Священный писец Саис был исключением из общего правила. Со времен Псамметиха Саис привык к греческим посетителям, и предубеждения против них были здесь не так сильны, как в других египетских городах. Поэтому вполне возможно, что писец, с которым встретился Геродот, был знаком с греческим языком, и для толкования его слов не требовался драгоман.

Есть основания думать, что так оно и было. История о Крофи и Мофи, несмотря на подозрения Геродота, удивительно верна; даже имя Крофи не претерпело больших изменений, чем могло бы быть, если бы Геродот сам записал его из уст писца. Это египетское Керти или Корити, "два отверстия", из которых, согласно египетской мифологии, в период наводнения выходил бог Нила Хапи. Керти находились у подножия гранитных пиков Сенема, острова Бигех, и противоположной скалы на южной стороне Первого катаракта. Мы можем почти точно определить место, где, как считается, находился один из этих керти. На западном берегу Филе, прямо напротив Биге, находится портал, построенный в царствование Адриана, на внутренней [pg 201] северной стене которого есть его изображение. Мы видим гранитные глыбы Бигеха, нагроможденные одна на другую, вплоть до вершины острова, где сидят божественная мать Мут и спаситель Горус и следят за водами южного Нила. Ниже находится пещера, окруженная змеем-хранителем, внутри которой скрючился бог Нила, наливающий из вазы в каждой руке воды реки. Хотя в некоторых моментах Геродотос неправильно понял своего информатора, в целом история о Крофи и Мофи - довольно точная страница из тома египетской мифологии. Даже звенящая Мофи может происходить от египетского *moni* или "горы", между которыми протекала река, хотя Лаут, возможно, прав, считая, что Крофи - это Кер-Хапи, "впадина Нила", а Мофи - Му-Хапи, "воды Нила".

Но в одном пункте греческий историк допустил серьезную ошибку. Истоки Нила находились не между Ассуаном и Элефантиной, а между Биге и материком, по другую сторону Катаракты. Между Ассуаном и Элефантиной нет никаких "гор", только русло реки. Поэтому, говоря, что Крофи и Мофи были горами и что они возвышались между Синэном и Элефантиной, Геродот доказывает, что он никогда не был на этом месте, вне всяких сомнений. Если бы [pg 202] он действительно посетил Ассуан, слова священного писца были бы переданы более точно.

В Элефантине воздавали почести "великому" богу Нила, который поднимался из своих пещер по соседству. В этом нас убедила изуродованная греческая надпись на большой гранитной плите, обнаруженной английскими саперами в Ассуане в 1885 году. В ней

говорится о пожалованиях и привилегиях, которые были дарованы жрецам Элефантины ранними Птолемеями, а в одной из строк упоминаются места, "где находится фонтан Нила". Но задолго до времен Птолемеев и греческих гостей Египта, когда Первый катаракт был границей египетского владычества и знания, фонтан Нила уже находился сразу за ним. Эта инфантильная вера египетской мифологии сохранилась, как и многое другое из доисторической древности, в мифологии более поздних времен. В храме Редесие, на дороге из Эдфу в Беренику, есть надпись, повествующая о том, как Сети I вырыл колодец в пустыне и как вода хлынула вверх, "как из глубины двух Керти Элефантины". Здесь бездонные источники переносятся из Биге в Элефантину, тем самым объясняя, как Геродот мог ошибиться, приняв их за две горы между Элефантиной и Ассуаном. Несомненно, священный писец обозначил положение [pg 203] острова Биге по его отношению к более известному острову Элефантинка.

Само название города, стоявшего на южной оконечности Элефантины, подразумевало, что здесь, во времена его основания, находился источник египетского Нила. Он назывался Кебху, город "свежей воды", что символизировало изображение вазы, из которой течет вода. Иногда город также называли Абу, но Абу было более правильным названием острова, на котором он стоял. Абу, по сути, означал остров "слонов", а греческое *Elephantinê* было лишь переводом. В ту раннюю эпоху, когда он впервые стал известен египтянам, африканский слон, должно быть, еще существовал там.

Геродот, похоже, не знал, что Элефантинка была не только городом, но и островом. За исключением тех случаев, когда он передает слова священного писца, он всегда говорит о нем как о "городе", иногда исключая более важный *Syênê*. Это еще один признак того, что его путешествие вверх по Нилу не простиралось так далеко.

Нам нет нужды приводить другие примеры его незнания страны выше Файюма. Достаточно тех, что уже были приведены. Летние месяцы, которые он провел в Египте, были более чем полностью заняты посещением чудес [pg 204] Мемфиса и главных городов Дельты, а также исследованием Фейюма. Верхний Египет был закрыт для него, как и для остальных его соотечественников, в течение многих долгих дней.

Но теперь мы можем проследить его путь с некоторой степенью точности. Он должен был прибыть в начале июля в устье Канопийского рукава Нила - обычное место назначения греческих кораблей - и таким образом добраться через Гермополь или Даманхур до греческой столицы Наукратиса. Там он, несомненно, нанял своего карийского драгомана, с которым и отплыл по затопленной земле в Саис. Но его экспедиция в Саис была лишь экскурсией, после которой он вернулся, чтобы продолжить свое путешествие по прямой линии мимо Просопитиса и пирамид Гизе в Мемфис. Там он осмотрел великий храм Птаха, которого его соотечественники отождествляли со своим Гефестосом, а оттуда по воде отправился к пирамидам. Кроме того, именно в Мемфисе он посетил Гелиополь с его университетом и храмом, от которого до наших дней сохранился лишь обелиск Усертесена. Затем он отправился вверх по Нилу, мимо кирпичных пирамид Дахшура, в Анис или Ираклеополь, а оттуда в Файюм. Затем он вернулся в Мемфис, а потом снова мимо Гелиополя поплыл на север к Бубастису и Буто. Вероятно, именно сейчас [pg 205] он совершил экскурсии в Папремис и Бусирис, хотя наше незнание точного расположения этих мест, к сожалению, не позволяет нам быть уверенными в этом. В конце концов он оказался в Дафне, на пелусийском рукаве Нила. Это привело его в Пелузий, где он сел на корабль до Тира.

[pg 206]

Глава VII. По следам Геродота.

Давайте последуем за Геродотом в его египетском путешествии и встретимся с ним там, где он высадился в Канопийском устье Нила. Это место было известно греческим морякам еще в те времена, о которых сохранила память только традиция. Именно здесь пираты и торговцы совершали набеги на поля феллахов или обменивали рабов и эгейские вазы на драгоценные изделия из Египта в те времена, когда ахейские князья правили в Микене и Тирине. Ориентируясь на остров Фарос, они прошли несколько миль на восток до устья великой реки, которая в "Одиссее" называется Айгиптос.

Когда Египет был наконец открыт для греческой торговли и предпринимательства во времена двадцать шестой династии, их суда должны были направляться именно к Канопийскому рукаву Нила. Нигде больше им не разрешалось выгружать свои товары или плыть вверх по священному течению Нила. Если непогода приводила их в другую часть побережья, они [pg 207] были вынуждены оставаться там, пока ветер не позволял им плыть в Канопос или отправлять свои товары на местных лодках тем же путем. С незапамятных времен побережье Дельты тщательно охранялось от пиратских нападений северных варваров. Через определенные промежутки времени вдоль него были установлены сторожевые башни и гарнизоны, которыми командовал специальный офицер. Устье Канопика охранялось с большей тщательностью, чем обычно, и здесь находилась таможня, через которую должны были проходить все иностранные товары.

Канопос, от которого рукав реки получил свое название, был небольшим, но богатым городом. По-египетски он назывался Пегуат, иногда также Ках-н-Нуб, "золотая земля" из-за желтого песка, на котором он был построен, хотя греческое тщеславие считало, что это название было дано ему от Канобоса, лоцмана Менелая, чья гробница, конечно, была обнаружена там. В более поздние времена, когда Александрия вобрала в себя торговлю и промышленность, он стал, наряду с расположенным за его пределами Зефирионом, модным александрийским пригородом. Он был наполнен питейными заведениями и часовнями, куда любители развлечений из Александрии добирались по каналу, соединявшему два города. Больные также приходили за исцелением в храм Сераписа или просили бога подсказать им способ лечения. Богатые люди тоже имели свои [pg 208] виллы рядом со святилищем Афродиты Арсинои, на ветреном мысе Зефириона, а скалы на берегу были вырублены в роскошно оборудованных ваннах для тех, кто хотел купаться в море.

На месте Зефириона сейчас находится маленькая деревушка Абукир, памятная в летописях Англии и Франции. В 1891 году Данино-паша провел там раскопки, в результате которых были обнаружены скудные остатки храма Афродиты. Были найдены фундаменты его стен, два известняковых сфинкса с надписью имени Амона-эм-хата IV. и три большие статуи из красного гранита, одна из которых стояла, а другие сидели. В вертикальном положении находилась фигура Рамсеса II с рулоном папируса в руке, а две другие были женскими, одна из них изображала Хонт-ма-Ра, жену фараона. Сфинксы и статуи, должно быть, были принесены из какого-то более древнего здания, чтобы украсить святилище Александрийской богини, и их открыватель считает, что фигура Рамзеса II старше даже возраста того монарха, который ее узурпировал, и что она восходит к эпохе двенадцатой династии. Другие реликвии храма - осколки красного гранита от какого-то гигантского наоса,

части статуй, разбитые сфинксы и колоссальная человеческая ступня - усеяли скалы у подножия мыса, на котором стоял Зефирион, и свидетельствуют [pg 209] интенсивности христианского рвения, когда язычество было отменено в Египте.

Канопический рукав Нила уже давно заполнен, и феллах пашет свое поле, а водоплавающие птицы собираются на застойном болоте, где когда-то плавали греческие торговые корабли. Но большая часть болота сейчас находится в процессе рекультивации, и инженеры, которые занимаются его осушением и промывкой, обнаружили множество следов древнего Канопоса. Он лежал к востоку от Зефириона, между берегом и болотистым озером.

Хотя путешествие из Александрии в Абукир теперь приходится совершать в железнодорожном вагоне, а не на барже, ранней осенью оно все равно приятно. Мы проезжаем через плодородные сады и леса фиговых деревьев, мимо пальмовых рощ с богатыми гроздьями красных фиников, а в окно врывается прохладный морской бриз, и над головой сияет чистое голубое небо. Но вместо храмов и таверн в конце пути мы находим лишь песок и ракушки, разбитые памятники и пустынный берег.

Судно, на котором Геродотос, должно быть, отправился из Канопоса в Наукратис, скорее всего, было местным, а не греческим. В одном важном отношении оно отличалось от современных нильских лодок. Его парус был квадратным, а не треугольным, как у современных латинских парусов, которые были привезены из Леванта. [pg 210] Но в других отношениях он напоминал суда, которые до сих пор используются на Ниле. Часть палубы занимал дом, в котором жил путешественник, разделенный на комнаты и обустроенный в соответствии с представлениями того времени. От солнца его защищали навесы, а борта судна и руль были блестяще раскрашены.

По пути в Наукратис путешественник миновал Гермополь, современный Даманхур, название которого - всего лишь древнеегипетское Дема-эн-Хор, или "город Гора". Поэтому неудивительно, что Геродот упоминает этот город, хотя его утверждение относительно него не совсем верно. По его словам, всех мертвых ибисов Египта везли в Гермополь, чтобы забальзамировать и похоронить. Возможно, так и было на западной стороне Дельты, но это относилось только к этому ограниченному району. На востоке Дельты находился еще один Гермополь, называвшийся по-древнеегипетски Бах, а по-современному Тель-эль-Баклийе, где шесть или семь лет назад феллахи обнаружили большое захоронение священных ибисов. Тель-эль-Баклайе - вторая станция на линии железной дороги из Мансура в Абу-Кебир, и именно отсюда происходят бронзовые ибисы и ибисовые головы, которыми заполнены магазины каирских торговцев древностями. Бронзы были найдены среди многочисленных мумий священной [pg 211] птицы, как и бронзовые кошки на кладбище священной кошки в Бубастисе. Бах, по сути, был священным городом "нома Ибиса". Курган старого города сейчас почти снесен охотниками за антиками, но доктор Навиль заметил в соседней деревне несколько фрагментов камня с надписями, которые навели его на мысль, что Нектанебо II когда-то намеревался воздвигнуть здесь храм Тоту.

От Гермополя до Наукратиса было небольшое расстояние. Наукратис был столицей египетских греков, и его место, которое было утрачено в течение многих веков, было обнаружено профессором Флиндерсом Петри в 1884 году, когда он работал в Фонде исследования Египта. Фонд был создан с главной целью - найти Питом и Наукратис, и не прошло и двух лет, как это намерение было реализовано.

Если мы покинем поезд в Тех-эль-Баруде, месте пересечения Верхнеегипетской железной дороги с железной дорогой из Александрии в Каир, и повернемся лицом на запад, то нам предстоит приятная прогулка длиной около пяти миль, часть которой пройдет под аллеей

деревьев, к кургану из горшечных пород, занимающему несколько акров и известному туземцам как Ком Каиф. Этот курган представляет собой все, что осталось от Наукратиса. К западу от него проходит канал, современный преемник древнего канокийского рукава Нила.

[pg 212]

Когда профессор Петри впервые посетил это место, копатели себаха уже были заняты работой. Себах - это азотистая земля с мест старых городов, которая используется в качестве навоза, и ее поискам мы обязаны открытием многих памятников прошлого. В Ком Каифе большая часть земли была удалена, и все, что осталось, - это фрагменты керамики, которые были просеяны из нее. Но и этих фрагментов было достаточно, чтобы раскрыть историю этого места. Большинство из них относились к архаичному периоду искусства греческих вазописцев и были такими, каких еще никогда не находили в земле Египта. Было очевидно, что великий город, на месте которого они находились, должен был быть греческим Наукратисом.

Как только профессор Петри приступил к раскопкам кургана, через несколько месяцев после его открытия, к свидетельствам горшков добавились надписи. Камень с надписью из кургана стоял у входа в загородный дом, в котором он жил, и, перевернув его, он обнаружил, что на нем выгравированы греческие буквы, фиксирующие почести, оказанные "городом наукратийцев" жрецу Афины и хранителю ее архивов Гелиодору. В течение двух зим сначала мистер Петри, а затем мистер Эрнест Гарднер работали на руинах, и хотя до их полного изучения необходимо провести дополнительные раскопки, [pg 213] был составлен план старого города, прослежена история его роста и упадка, а также получено огромное количество архаичных греческих надписей с посвященных ваз его храмов.

К югу от города находились крепость и лагерь греческих наемников, которые, вероятно, были поселены здесь Псамметихом. Лагерь был окружен стеной, а внутри него стоял Эллинион, общий алтарь ионийцев с Хиоса, Теоса, Фокеи и Клазомен, дорийцев с Родоса, Книдоса, Галикарнаса и Фазелиса, а также эолийцев из Митилены. До сих пор сохранилось большое ограждение, а также нижние камеры форта, и мистер Петри обнаружил, что во времена Птолемея Филадельфа, когда в нем уже не было необходимости для целей обороны, он был снабжен величественным входом, к которому с запада вела аллея из руин.

Торговцы и поселенцы строили свои дома к северу от лагеря. Здесь же греческие моряки и купцы, которые не принимали участия в возведении большого алтаря и, возможно, не имели связей среди солдат форта, построили для себя специальные храмы. Если пройти по ровной земле, отделяющей форт от старого города, то первая же куча мусора, на которую мы наткнемся, обозначит место [pg 214] храма и священного вольера Кастора и Поллукса. Немного севернее находился еще более крупный храм и теменос, или священная ограда Аполлона, а к нему, все еще с северной стороны, примыкал храм Гера, чей теменос был самым большим из всех. Храм Аполлона был возведен милезийцами, и о том, что он был самым древним в городе, можно судить по архаичному характеру надписей на горшках, обнаруженных в траншее, в которую были сброшены разбитые вазы храма. Самиане были строителями храма Хере, а Геродот сообщает нам, что у эгинетян был еще один храм, посвященный Зевсу. Руины этого храма, однако, до сих пор не найдены, но далеко на северном конце развалин были обнаружены небольшой храм и теменос Афродиты. Здесь поклонялись Родопис, которую освободил из рабства брат Сапфо, и чьи чары все еще прославлялись в Наукратисе во времена Геродота.

Среди горшков, выкопанных из мусорной траншеи храма Аполлона, были части большой и красивой чаши, посвященной "Фанесу, сыну Глаукоса". Г-н Гарднер, вероятно, прав, полагая,

что это тот самый Фанес, который дезертировал к Камбису и, согласно греческой истории, проинструктировал его, как пройти [pg 215] через пустыню в Египет. Возможно, Геродот увидел чашу, когда она была еще целая, и история о дезертире была рассказана ему над ней; в любом случае, несомненно, он услышал ее в Наукратисе, и, возможно, от жрецов Аполлона.

К западу от храма Аполлона, отделенного от него лишь улицей, мистер Петри обнаружил мануфактуру скарабеев. Они были сине-белого цвета, который был в моде в греческом мире в шестом веке до нашей эры, и самые ранние из них носят имя Амасиса. Из Наукратиса они экспортировались к берегам Европы и Азии вместе с керамикой, которой славился греческий город.

По пути в Наукратис Геродот проехал еще два греческих поселения - Антиллу и Архандрополь. Но мы пока не знаем, где они находились. Мы также не знаем, где находился тот "форт милезийцев", который, согласно Страбону, был занят милезийскими солдатами около Розетты во времена Псамметиха, прежде чем они переплыли реку в "ном Саис" и там основали Наукратис.

Город Саис был одним из объектов путешествия Геродота. В период наводнения он находился на небольшом расстоянии от Наукратиса, так что экскурсия в него не требовала много времени. Саис был [pg 216] местом рождения и столицей фараонов двадцать шестой династии; именно здесь Псамметих с помощью греческих наемников поднял штандарт восстания против своего ассирийского сюзерена, а его преемники украсили его великолепными и дорогими зданиями. Когда его посетил Геродотос, он не утратил своего архитектурного великолепия. Он увидел там дворец, из которого Априс отправился нападать на Амасиса и в который вернулся пленником; великий храм Неита с рядами сфинксов и священным озером; огромный наос из гранита, который две тысячи человек целых три года везли из Ассуана. Он был оставлен прямо за оградой, внутри которой стоял храм, а также гробницы Априса и Амасиса и даже самого бога Осириса. Правда, в Абидосе находилась конкурирующая гробница Осириса, почитаемая жителями Верхнего Египта со времен Старого царства, но Абидос был далеко от Саиса, и когда последний город стал столицей царства, не нашлось никого, кто осмелился бы опровергнуть его притязания. Геродот, так и не добравшийся до Абидоса, естественно, не знал о гробнице соперника.

Однако ему рассказали о мистерии-спектакле, разыгрывавшейся ночью на священном озере Саис в память о смерти и воскрешении Осириса, а также о позорном оскорблении, нанесенном Камбисом [pg 217] мертвому Амасису. Говорили, что мумию фараона стащили с места упокоения и, подвергнув бичеванию, сожгли в пепел. Египетские жрецы не питали доброй воли к Камбису, поэтому, возможно, эта история не соответствует действительности.

Саис находился под покровительством богини Нейт, нерожденной матери солнца. Когда греки впервые пришли туда, они отождествили эту богиню со своей Афиной, к чему их привело сходство имен. Но это отождествление привело к дальнейшим результатам. Поскольку Афина была богиней-покровительницей Афин, предполагалось, что между Саисом и Афинами существует особая связь. В то время как Афина, по легенде, пришла из Ливии, Кекропс, мифический основатель Афин, был превращен в египтянина из Саиса. Более того, именно у жреца из Саиса афинский законодатель Солон научился мудрости египтян.

Современным представителем столицы Псамметиха является убогая деревушка Са-эль-Хагар, "Саис из камня". В наше время железных дорог сюда трудно добраться, так как поблизости нет ни одной станции. Однако в начале века, когда путешественнику

приходилось ехать из Александрии в Каир на дахабие, он был вынужден проезжать его, и, следовательно, он был хорошо известен туристам. Но от многолюдного города и его величественных [pg 218] памятников мало что осталось, кроме курганов из разрушенного кирпича, большого загона, окруженного грубой кирпичной стеной толщиной в семьдесят футов, и священного озера. Озеро, однако, уже не священное; уменьшившись в размерах и засорившись мусором, зимой оно представляет собой застойный бассейн, а поздней весной - простор полувысохшей грязи. Он расположен в пределах большой стены, которая является стеной теменоса Нейт. Камень в Дельте очень ценен, и от всех зданий и колоссальных монументов, которые видел Геродотос, не сохранилось ни одного фрагмента гранита или известняка. Но в 1891 году феллахи нашли большое количество бронзовых фигур Неита, некоторые из которых были инкрустированы серебром. Они отличаются тщательной и законченной работой, характерной для эпохи двадцать шестой династии, а на одной из самых больших из них есть двусложная надпись египетскими иероглифами и буквами и языком карийцев. Она была посвящена богине Саис в царствование Псамметиха сыном карийской матери и египетского отца, который носил одновременно египетское и карийское имена. Это интересное доказательство готовности некоторых, по крайней мере, коренных жителей Саиса смешаться с иностранцами, и, кроме того, оно показывает, что карийские наемники, как и греки, брали с собой своих жен и дочерей.

Геродот, по-видимому, был в Саисе, когда там отмечался [pg 219] праздник "горящих ламп". В ночь праздника вокруг домов под открытым небом зажигали лампы, представлявшие собой чаши, наполненные солью и маслом, на поверхности которых плавал фитиль. Все, кто мог, стекались в Саис, чтобы принять участие в церемониях; те, кто не мог быть там, зажигали свои лампы дома и таким образом соблюдали обряды, причитающиеся Нейту. Фестиваль проходил летом, вероятно, во время летнего солнцестояния, и характерные для него иллюминации до сих пор сохранились в некоторых из многочисленных праздников современного Египта. Ежегодный праздник в честь Исиды отмечался по всему Египту одинаково.

Когда греческий путешественник приближался к Мемфису, справа от него над водой возвышались пирамиды Гизе. Посещение их было отложено на другой день, и он продолжил плыть к древней столице страны. Мемфис все еще был во всем своем великолепии. Его высокие стены из сырцового кирпича, выкрашенные в белый цвет, сияли на солнце, а великий храм Птаха все еще хранил памятники и записи первых династий Египта. Построенный на насыпи, спасенной от Нила, как говорят, Менесом, первым монархом объединенного царства, Мемфис, хотя и не отличался большой шириной, простирался вдоль берегов реки на расстояние полудневной дороги. К западу, в пустыне, лежал его некрополь, [pg 220] город мертвых, простиравшийся от Абу-Роаша на севере до Дахшура на юге. На противоположном берегу Нила, немного севернее, находилась крепость Хри-Аху, охранявшая подступы к реке. Там, где сейчас находится Каир, Геродотос видел только песок и воду. Даже Хри-Аху был всего лишь незначительной деревней у подножия крепости из глинобитного кирпича; мощные стены и башни из тесаного камня, в которых римский легион впоследствии охранял Египет, были еще не построены. Все, кто мог себе это позволить, жили в Мемфисе и его пригородах, а высеченные в скале гробницы у подножия цитадели современного Каира относятся к римской эпохе.

От Мемфиса до Гелиополя было не более двадцати миль, или утренний гребль по реке. Поэтому Геродот, получив в Мемфисе информацию об эксперименте, проведенном Псамметихом с целью выяснения происхождения языка, говорит о том, что "свернул в Гелиополь", чтобы навести дополнительные справки по этому вопросу, "поскольку

гелиопольцы, как говорят, самые осведомленные из египтян". Из его слов можно сделать вывод, что он совершил экскурсию в Гелиополис во время своего пребывания в Мемфисе. Но он должен был проехать мимо него еще раз во время своего путешествия на родину.

Место, где находится Гелиополис, хорошо известно каждому туристу, побывавшему в Каире. Поездка в [pg 221] сад и страусиную ферму Матарийе и к обелиску Усертесена I. - приятный способ скоротать время после обеда. Но от древнего города Гелиополя или Он, с его знаменитым храмом бога Солнца Ра, университетом ученых жрецов и бесчисленными памятниками прошлого, сейчас мало что осталось. Обелиск, воздвигнутый перед храмом за тысячу лет до того, как Иосиф женился на дочери верховного жреца, все еще стоит там, где стоял в его дни; но сам храм полностью исчез. Так же, как и обелиск сестры, который был воздвигнут рядом с ним и о котором арабским историкам еще есть что рассказать. Не осталось ничего, кроме глинобитной стены священной ограды и толстого слоя известковых осколков, рассказывающих о том, как последние реликвии храма бога Солнца были пережжены в известь для Каира Исмаил-паши. Один или два фрагмента были спасены от разрушения доктором Грант-беем, наиболее заметным из которых является часть карниза, первоначально 30 футов 4 дюйма в длину, который был возведен Нектанебо II, последним из местных фараонов. Блоки с именами второго и третьего Рамзеса также лежат у западных ворот ограды, а в восточной пустыне находятся гробницы умерших. Больше ничего не осталось от старой столицы египетской религии и образования. Разрушение действительно завершено; губитель, которого Иеремия видел [pg 222] в пророческом видении, разбил "изображения Бет-Шемеша" и сжег огнем "дома богов египетских". Если мы хотим увидеть обелиски и изображения Он, то должны отправиться в города и музеи Европы или Америки. Именно из Гелиополя был привезен в Александрию огромный каменный скарабей, хранящийся сейчас в Британском музее, а в Гелиополе игла Клеопатры была впервые установлена Тотмесом III перед храмом Амона.

Гелиополь был центром и источником поклонения богу Солнца в Древнем Египте, во всяком случае, в той мере, в какой ему поклонялись под именем Ра. Поклонение восходит к доисторическим временам. Менес уже был "сыном Ра", унаследовав право на власть от бога Солнца Он. Гелиопольская теология вошла в самые ранние главы "Книги мертвых" - ритуала усопших, знание которого обеспечивало безопасный переход умершего в мир грядущий. Именно в большом зале своего первого храма, согласно египетской мифологии, Горус излечился от ран, полученных после битвы с Сетом. Происхождение храма, как и происхождение школы жрецов, собравшихся вокруг него, затерялось в тумане древности, и достоверная история не помнит о нем.

Как и подобает его теологическому характеру, Гелиополис был богат священными животными. Бык Мневис, в которого [pg 223] воплощался бог Солнца, был соперником мемфисского быка Аписа, воплощения Птаха. Эти два быка указывают на общность поклонения между двумя местностями в ту первобытную эпоху, когда не были известны ни Ра из Гелиополя, ни Птах из Мемфиса, и когда первобытное население Египта - кем бы оно ни было - было погружено в грубейшие суеверия африканского фетишизма. Геродот не слышал о быке Мневисе. Зато он был знаком с историей другого священного животного Гелиополя - бенну или Феникса, священной птицы Ра. Действительно, слава о Фениксе задолго до этого проникла в Грецию. Гесиод упоминает о нем, а рассказ о чудесной птице, приведенный Геродотом, был "украден", как нам говорит Порфирий, у его предшественника Гекатэоса. Гекатэос говорит, что она была похожа на орла, тогда как памятники показывают, что это была цапля, и Геродот следует за ним в этой ошибке. Из этого можно сделать вывод, как это делает профессор Видеманн, что сам Геродотос никогда не видел ее изображения. Но в

остальном его рассказ верен. Его крылья были красными и золотыми, и он представлял солнечный цикл в пятьсот лет.

Когда Страбон посетил Гелиополь в эпоху Августа, он нашел его уже полузаброшенным. Его школы и библиотека были вытеснены александрийскими, и хотя дома, в которых когда-то жили [pg 224] философы-жрецы, еще стояли, теперь они пустовали. Среди них был и дом, в котором учились Платон и Евдокс вскоре после того, как там побывал Геродот. Поэтому, несмотря на персидские войны, Геродотос должен был застать древний университет по-прежнему знаменитым и процветающим. Как в современном Каире весь круг магометанских наук преподается в университете Эль-Азхар на основе Корана, так и в Гелиополе, который посетил Геродотос, весь круг египетских знаний все еще преподавался и изучался на основе доктрин гелиопольской школы. Чувства, с которыми греческий путешественник смотрел на профессоров и их учеников - если, конечно, ему разрешали это делать - должны были быть похожи на те, с которыми английский турист проходит сейчас через мечеть Азхар.

Из Гелиополя Геродотос продолжил свое путешествие вниз по Пелусийскому рукаву Нила до Бубастиса, следуя, таким образом, почти той же линии путешествия, что и современный турист, который едет на поезде из Каира в Загазиг. Мусорные кучи Тель-Баста, расположенные сразу за станцией Загазиг, обозначают место, где находился Бубастис, называемый в Ветхом Завете Пи-Бесет (Иезек. xxx. 17), Пи-Баст, "храм Баст", у египтян. Кошачья голова богини Баст управляла судьбой нома и города, где ее отождествляли [pg 225] с Сехет, львиноголовой богиней Мемфиса. Но кошка и лев никогда не лежали в мире вместе. Как гласит иероглифический текст в Филе, Сехет была жестокой, а Баст - доброй.

Исключительное поклонение Баст в Бубастисе, однако, датируется временем Осоркона II. из двадцать второй династии, как показали раскопки доктора Навилля. До этого периода там царствовали другие божества, особенно Буто и Амон-Ра. Баст, по сути, была иностранного происхождения. Она была женской формой Беса, бога-воина, пришедшего с берегов Аравии, а ее ассоциация с кошкой, возможно, возникла далеко на юге.

Описание Бубастиса и его праздника, данное Геродотом, явно принадлежит очевидцу. Он рассказывает, что храм стоит в центре города, окруженный каналом, затененным деревьями, и что посетитель смотрит на него с городских улиц, которые выросли в высоту, в то время как уровень храма остался неизменным. Далее он рассказывает, как широкая улица ведет от него к рыночной площади, а оттуда - к часовне, посвященной Гермесу, и как во время великого ежегодного праздника толпы мужчин и женщин стекались к нему на лодках, трубили и пели, хлопали в ладоши и танцевали, приносили жертвы, когда прибывали к святилищу, и пили вино до бесчувствия. Подобное зрелище можно [pg 226] наблюдать и сейчас в августе в Тантахе, где на религиозную ярмарку стекаются мужчины и женщины, предающиеся всем тем развлечениям, о которых рассказывал старый греческий путешественник, иногда выходящим за грань приличия. Только вино отсутствует на современном празднике, его место занимают гашиш и раки.

Поскольку праздник проводился в честь Баст, он, вероятно, был ежегодной памятью о великом тридцатилетнем "празднике сарая", который Осоркон II отмечал на двадцать втором году своей жизни и который был изображен на стенах зала, обнаруженного доктором Навилем. Праздник Шеда проходил в августе - во времена шестой династии 27 числа Эпифи. Поэтому, вероятно, именно в конце августа или начале сентября Геродотос оказался в городе Баст.

Описание положения храма, которое дает Геродотос, верно и по сей день. Храм, который он назвал самым красивым в Египте, сейчас лежит в руинах, как и дома и улицы, окружавшие

его. Но посетитель Тель-Баста все еще смотрит на его место с мусорных курганов разрушенных жилищ и может проследить русла каналов, которые проходили вокруг него. Даже улица, которая вела к рыночной площади, все еще видна, а доктор Навиль обнаружил остатки маленького храма, который [pg 227] Геродотос считал храмом Гермеса, египетского Тота. Однако в этом он ошибся. Как и более крупное сооружение, он был посвящен Баст и, похоже, использовался в качестве сокровищницы. Следовательно, оно находилось под защитой Тота, чья фигура украшала его стены, и доктор Навиль, несомненно, прав, полагая, что это привело к ошибке Геродота или его проводников. Осоркон I. освятил в нем большое количество драгоценных вещей, в том числе около 130 300 фунтов стерлингов в золоте и 13 000 фунтов стерлингов в серебре - очевидное доказательство того, что внутреннее состояние его царства процветало.

Раскопки доктора Навилля были предприняты для Фонда исследования Египта в 1887-89 годах и проводились в основном среди разрушенных колонн и сдвинутых камней большого храма. Благодаря им мы узнали о его истории. Как и большинство великих храмов Египта, его основание восходит к самому началу египетской цивилизации. Фараоны Старого царства ремонтировали или расширяли его, и на его блоках были найдены имена Хеопса и Хефрена, а также Пепи I. Цари двенадцатой и тринадцатой династий украшали его, и даже гиксосские принцы делали то же самое. В те времена, когда они переняли культуру и обычаи Египта и держали царскую власть в Зоане, двое из них, по крайней мере, восстановили и украсили храм [pg 228] Бубастиса и назвали себя сыновьями Ра. Один из них, Апофис, возможно, тот самый Апофис, чье требование, чтобы вассальный царь Фив поклонялся Сутеху вместо Амона, привело к войне за независимость; другой, Хиан Усер-н-Сет-Ра, Ианнас из Мането, выгравировал свое имя на колоссальном льве, которого привез в Вавилон какой-то халдейский завоеватель.

Монархи восемнадцатой династии продолжили благочестивую деятельность изгнанных ими гиксосов. Но гражданские беспорядки, сопровождавшие падение династии, нанесли ущерб храму, и мы видим, как Сети I и Рамсес II вновь восстанавливают его. Цари двадцатой династии также оставили в нем памятники, но именно при двадцать второй династии - преемниках Шишака - Бубастис достиг высшей точки своего процветания. Князя, последовавшего за Шишаком, сделали город своей столицей, а его храм - царской часовней. Осоркон II. построил большой праздничный зал между прихожей и главным двором, и в нем совершалось исключительно поклонение Баст. Храм и город не претерпели особых изменений вплоть до времен Геродота. Именно после его визита было сделано последнее дополнение к священным зданиям. С восстановлением независимости Египта после успешного восстания из Персии [pg 229] наступила новая эра архитектурной активности, и Нектанебо I., первый царь тридцатой династии, возвел большой зал в задней части святилища. После этого история храма исчезает из виду.

Геродоту рассказывали, что высота кургана, на котором стоял город Бубастис, свидетельствовала о злых делах его жителей. Говорят, что эфиопский завоеватель Сабако заставил возводить египетские города с помощью труда каторжников, так же как раньше их возводили те, кто прорывал каналы при Сесострисе. Но вся эта история была выдумкой драгоманов. Из-за разрушения сырцового кирпича, из которого построены дома в Египте, они быстро разрушаются и уступают место другим зданиям, которые возводятся на образовавшейся насыпи. По мере того как город стареет, растет в высоту и курган, на котором он стоит, и если бы Геродотос путешествовал по Верхнему Египту, он бы увидел, как этот процесс происходит на его глазах. В Дельте, кроме того, существовала особая причина большой высоты городских курганов. Вода от наводнений просачивалась сквозь землю, и

чтобы нижний этаж дома был сухим, его приходилось строить на ряде сводов или подвалов. Еще несколько лет назад эти своды были хорошо видны в некоторых старых домах Тель-Баста. Они не имели выхода ни [pg 230] дверь, ни окно и, следовательно, никогда не использовались в качестве кладовых. Единственное их назначение - сохранять остальную часть дома сухой.

Кладбище священных кошек находилось на западной стороне города. Но кошки, похоже, не бальзамировались, как в других местах Египта; их либо хоронили, либо сжигали. Среди костей, которые были отправлены в Англию, натуралисты не нашли ни одной кости современной домашней кошки. Однако несколько бронзовых кошек эпохи Птолемеев, которые были обнаружены вместе с костями, безошибочно представляют домашнее животное. Как правило, у них маленькая голова современной египетской кошечки.

"Немного ниже Бубастиса Геродот проезжал мимо заброшенного "лагеря" и крепости ионийских и карийских наемников Псамметиха и видел еще стоящие на берегу слипы для их судов и развалины их домов. Амасис перевел их в Мемфис, полагая, что в защите он нуждается скорее от своих египетских подданных, чем от соседей в Азии. Место лагеря было обнаружено и частично раскопано профессором Петри для Фонда исследования Египта в 1886 году, и одним из результатов его открытий стало доказательство того, что на этом месте также находилась пограничная крепость, называемая греками Дафне. Каково было ее [pg 231] египетское название, мы точно не знаем, хотя вполне вероятно, что профессор Петри прав, считая, что это Тахпанхес пророка Иеремии. Сейчас он известен как Тель-эд-Деффенех.

Пересыхание Пелусийского рукава Нила привело к опустошению пустыни в Тель-эд-Деффене. Заменивший его канал солоноват; озеро Мензалех, окаймляющее Тель с востока, еще более солоновато. Земля пропитана солью и местами покрыта песчаными сугробами. Ближе Салахии, расположенной в двенадцати милях, нет возделанной земли; ближе Кантары на Суэцком канале нет водного пути.

Большая часть древнего поселения находится между озером Мензалех на востоке и болотом, из которого вытекает канал, на западе, и занимает большую площадь. К северу от него находятся канал, болото и песчаные курганы, а за каналом - кладбище древней крепости, а также пригород, который, вероятно, был кварталом Кариан. В центре города возвышается собственно Тель - огромный курган с разрушенной кирпичной кладкой, который называют "дворцом дочери еврея". Вскоре в результате раскопок стало ясно, что он представляет собой крепость Дафне и был построен Псамметихом, когда он разместил здесь свой греческий гарнизон. Для пограничной крепости нельзя было выбрать лучшего места. Она охраняла [pg 232] восточный рукав Нила, а с ее вершины мы смотрели на пустыню, с одной стороны вдоль дороги, которая когда-то вела в Сирию, а с другой - вплоть до курганов Таниса. Сам форт рассыпался в пыль, но сводчатые камеры, на которых он был возведен, сохранились до сих пор, как и "тротуар" у его входа.

Керамика, найденная в Тель-эд-Деффене, относится к раннегреческой, но отличается от наукратисской. Как и последняя, она, по-видимому, была изготовлена на месте и экспортировалась оттуда во все части греческого мира. Ювелирные изделия тоже, по-видимому, изготавливались там греческими или карийскими ремесленниками, жившими под защитой своих военных сородичей. Но производство керамики и украшений внезапно прекратилось. Когда в середине шестого века до Рождества Христова Амасис удалил наемников в Мемфис, вместе с ними ушло и гражданское население. Между этой датой и

новым, малозначительным поселением в эпоху Птолемеев место, похоже, было заброшено. Когда Геродот проходил мимо него, здесь не было жителей.

Путешествие из Дафне в Пелусий было недолгим. Пелусий, некогда ключ Египта, разделил судьбу Дафне. Русло протекавшей мимо него реки превратилось в унылую полосу черной соленой грязи, а поля, некогда снабжавшие город продовольствием, [pg 233] отходами бесплодной почвы или горами желтого песка. Даже одинокий бедуин не нарушает уединения этого места в любое время года. Все, что напоминает путешественнику о человеческой жизни, когда он устраивается на краю песчаных дюн, - это электрический свет, вспыхивающий по ночам из Порт-Саида далеко на горизонте.

Посреди безлюдной пустоши ядовитой грязи возвышаются два больших кургана, которые одни остались от Пелузиума. На большей из них, к западу, лежат гранитные колонны и другие реликвии римского храма, под которыми, ниже уровня воды, находятся руины храма эпохи фараонов. Земля усеяна битым стеклом и керамикой, частью римской, частью сарацинской.

Египетское название Пелусия до сих пор неизвестно, и прежде чем мы сможем узнать его, необходимо будет провести раскопки на его месте. Иезекииль называет его Грехом (xxx. 15, 16) - по крайней мере, если верить комментаторам, а когда греки искали этимологию для этого названия, они нашли ее в своем собственном слове "грязь". Но это было знаменитое место в записях египетской истории. Аварис, оплот гиксосов, должен был находиться по соседству с ним, и именно за его стенами было решено персидское завоевание Египта. Поле битвы, на котором армия Камбиса под предводительством греческого дезертира Фанеса разгромила греческих [pg 234] наемников фараона, находилось достаточно близко, чтобы Геродот мог пройтись по нему и сравнить черепа египетских и персидских бойцов, как он уже делал это в Папремисе. Здесь же ему показали место, где греческие и карийские солдаты Псамметиха III. зарезали сыновей Фанеса над огромной чашей на глазах у их отца и, смешав кровь мальчиков с вином и водой, жестоко выпили ее, а затем бросились в бой.

Недалеко от Пелусия через четыре века после того, как там побывал Геродот, произошла еще одна трагедия. Беглец Помпей был встречен на берегу Септимием, генералом римских войск в Египте, и Ахилласом, командующим египетской армией, и убит ими, как только он коснулся земли. Затем Ахиллас поспешил в Александрию, чтобы осадить Сезара в царском дворце, и сожжение великой библиотеки стало искуплением за смерть Помпея.

Вплоть до средневековья Пелусий оставался морским портом восточной Дельты. Он занимал место, которое сейчас занимает Порт-Саид. Именно от его причалов отправлялись суда к сирийскому побережью. На одном из них, направлявшемся в Тир, Геродот совершил свой переход и закончил свое египетское путешествие.

Но он посетил некоторые города в Дельте, в которые мы не смогли последовать за ним из-за [pg 235] неопределенности, которая все еще висит над их точным местоположением. Кроме уже описанных мест, мы знаем, что он видел Буто, который соединен с Хеммисом, а также Папремис и Просопитис, и, вероятно, Бусирус.

Хеммис, который следует тщательно отличать от другого Хеммиса, современного Эхмима, был, по его словам, плавучим островом "в глубоком широком озере у храма в Буто", где поклонялись Лэто, египетскому Уазу. Бругш отождествляет этот остров Хеммис с городом и болотами Хеб, где юный Горус был спрятан своей матерью Исидой вне досягаемости Сета. Хеб находился в государстве, называемом греками Менелаосом, столицей которого, по-видимому, был Па-Уаз, "храм Уаза", преобразованный греческими языками в Буто, а другим

городом был Канопос. Буто, или, по крайней мере, город-близнец, где стоял великий храм богини, вероятно, сейчас представлен Тель-Фераном, расположенным недалеко к западу от Фуаха, у конечности канала Махмудийе. Таким образом, он находился в непосредственной близости от Канопоса с одной стороны и Саиса с другой, и Геродот мог посетить его из любого из них.

Но, в конце концов, нет уверенности, что он именно так и поступил. Буто снова упоминается им в отрывке, который показывает, что это не мог быть Па-Уаз, а должен был [pg 236] скорее находиться на восточной стороне Дельты, в земле Гошен, где пустыня примыкала к "Аравийскому ному". Именно там он рассказывает нам о "крылатых змеях", которые весной летят из Аравии в Египет, на границах которого их встречают и убивают священные ибисы. Желая узнать что-нибудь о них, он посетил место, где происходила ежегодная встреча, и увидел землю, усыпанную костями и шипами убитых змей. Это место, сообщает он далее, находится в Аравийской пустыне, где оно граничит с "египетской равниной", "недалеко от города Буто".

Благодаря раскопкам, проведенным г-ном Гриффитом для Фонда изучения Египта в Тель-ан-Небеше, недалеко от Салахии, мы теперь знаем, где находился этот восточный город Буто. Его египетское название было Ам, и он был столицей девятнадцатого нома Ам-Пеху, но он был посвящен поклонению богине Уаз, которую символизировал крылатый змей. Большой храм богини был построен на западной стороне города, и фараоны двенадцатой династии, а также Рамзес II и его преемники, и саиты двадцать шестой династии, помогали его обустраивать и украшать. Когда греческий гарнизон обосновался по соседству в Дафне, в Аме поселилась колония кипрских гончаров. Но в эпоху [pg 237] Птолемеев он пришел в упадок, и к началу римской эры его великолепие осталось в прошлом.

Сразу за пределами города находилась Аравийская пустыня, царство Сета. Соответственно, легенда об Исиде и Горе была перенесена в нее, а ее богиней-покровительницей стала Уаз из Буто, которая под видом Исиды укрывала Гору в болотах. Поэтому именно здесь, в Па-Уаз Ама, следует искать Буто Геродота, а не в Менелайском номе?

Мы знаем, что он должен был пройти через город Ам на пути из Бубастиса в Дафне, и его экспедиция в пустыню в поисках крылатых змей показывает, что он останавливался там. С другой стороны, его рассказ о плавучем острове Хеммис был заимствован у его предшественника Гекатæоса, а когда он заявляет, что Буто, с которым он был связан, был построен на себеннийском рукаве Нила, "когда человек плывет вверх по нему с моря", кажется несомненным, что его рассказ об этом Буто также был заимствован у более древнего писателя. И все же трудно поверить, что его описание монолитной святыни, стоявшей там, не было получено из первых рук. Возможно, лучшим объяснением будет то, что Геродот действительно совершил экскурсию в город, но так искусно смешал увиденное им самим [pg 238] с описанием Гекатæоса, что разделить их невозможно.

Место расположения Папремиса абсолютно неизвестно, и у нас нет ни малейшего представления даже о его относительном местоположении. Но Просопитис может быть четвертым номом, Сапи-рис или "Сапи юга". В византийские времена его столица носила имя Никиу, которое Шампольон давно отождествил с коптским Пшати и современным Абшади, расположенным неподалеку от Менуфа. Менуф стоит по прямой линии к западу от Бенхи и должен был лежать прямо на пути путешественника, направлявшегося из Наукратиса в Мемфис.

Именно на острове Просопитис афинский флот был блокирован персами при Мегабазе и захвачен только после поворота реки в другое русло, когда блокада длилась уже полтора

года. Непосредственно к западу от Менуфа находится остров, образованный Розеттским и Дамьеттским рукавами Нила, которые соединяются в южной его части, а к северу соединяются с Бахр-эль-Фара'-унией. Но остров имеет двадцать семь миль в длину и пятнадцать в ширину, и трудно понять, как он мог быть блокирован персидской армией, а тем более защищаться экипажами семидесяти судов в течение полутора лет. Геродот, правда, утверждает, что остров Просопитис [pg 239] имел девять схонов, или около шестидесяти миль в окружности, и что на нем было много городов; но это только усиливает трудности.

Наконец, мы приезжаем в Бусирис, который греческий путешественник описывает как "в центре Дельты". Это описание точно соответствует положению Па-Усара или Бусириса, "храма Осириса, повелителя Мендеса", и столицы Бусиритского нома. Его современный представитель - Абусир, расположенный немного южнее Семеннуда или Себеннитоса, на железнодорожной ветке из Танты в Мансуру. Если Геродотос действительно посетил это место, он должен был сделать это из Саиса, к западу от которого оно лежит на довольно прямой линии. Но расстояние было значительным, и в его высказываниях нет ничего, что обязывало бы нас поверить, что он действительно был там. Его описание фестиваля, проводимого в честь Исиды, не является описанием очевидца; более того, замечание, которое он добавляет к нему, что "все карийцы, живущие в Египте, режут себя мечами по лбу" в своих религиозных упражнениях, показывает, что это не могло быть так. Все, что он знает об этом празднике, - это то, что после жертвоприношения мужчины и женщины наносят себе удары в честь Осириса. Однако карийцы, которые рубили себе головы, как персидские почитатели Хусейна в современном Каире, не были египтянами, и поэтому им не [pg 240] было бы позволено участвовать в таинствах поклонения Осирису; кроме того, они жили не в Бусирисе, а в карийском квартале Мемфиса. То, что Геродот рассказывает о них, очевидно, происходит от его карийского драгомана и относится к какому-то карийскому празднику.

В Нижнем Египте было больше одного Па-Усара или храма Осириса. Самым известным из них был храм Ур-Мера или быка Мневиса в окрестностях Гелиополя, а также храм в Бусиритском номе. Этого быка Геродот мог видеть во время своего визита в город бога Солнца, который тоже находился недалеко от Мемфиса, где жили карийцы.

Немного севернее Мемфиса находился еще один Бусирис. По словам Плиния, его жители зарабатывали на жизнь тем, что лазили по пирамидам на потеху чужеземцам, как современные бедуины в Гизе. Его название сохранилось в деревне и пирамидах Абусира. Но ни Бусирис Мемфиса, ни Бусирис Гелиополя не находились "в центре Дельты", и кажется, что и в этом случае Геродот либо цитирует других путешественников, либо смешивает их опыт со своим собственным. С бусирами Мемфиса и Гелиополя он, несомненно, был знаком: с бусирами средней Дельты, как мы должны заключить, он не был знаком. Отсюда его [pg 241] скудное упоминание о празднике, который там отмечался; отсюда также его упоминание о карийских поселенцах в Мемфисе и их религиозных церемониях. Мы должны помнить, что Геродотос был не первым греческим туристом в Египте, и что у него тоже был свой Мюррей и свой Бедекер, как и у современного туриста.

[pg 242]

Глава VIII. Мемфис и Файюм.

Мы следовали за Геродотом в его путешествиях по Дельте, видели, как он прошел путь от Канопоса и Наукратиса до Мемфиса и обратно в Пелусий, и теперь настало время провести его через сам Мемфис и Файюм. Больше нет никаких неопределенных мест, которые нужно определить; от Мемфиса на юг все ясно и определено.

Для посетителя интерес Мемфиса сосредоточен в его храме Птаха. Именно вокруг храма вырос город, а поскольку город был столицей старших династий, то и храм был их царской часовней. Когда власть перешла от Мемфиса к Фивам, она также перешла от мемфисского бога Птаха к фиванскому богу Амону.

Соответственно, именно о великом храме Птаха больше всего рассказывает Геродот. Другие места в Мемфисе, такие как цитадель и дворец, квартал Кариан, или "тирийский лагерь" с его святилищем Ашторет, упоминаются лишь вскользь. [pg 243] Но великий храм и его памятники описаны настолько полно, насколько это было возможно для "нечистого" иностранца, которому не разрешалось входить в его внутренние помещения и который не знал египетского языка.

История Египта, известная Геродоту до эпохи, когда греческие наемники и торговцы были поселены в стране Псамметихом, почти полностью связана с памятниками храма, которые были ему показаны. И это очень любопытная история - собрание народных историй, частично египетских, но в основном карийских или греческих по происхождению, и не всегда благовидного характера, которые драгомены прикрепляли к различным объектам, которые видел посетитель. Даже царские имена, вокруг которых они вращались, иногда невозможно было найти в подлинных анналах Египта. Но все эти истории были тщательно записаны путешественником, и хотя они ничего не потеряли при пересказе, вполне вероятно, что они не всегда были переданы им правильно.

В одном отношении, во всяком случае, эта мифическая история Египта является творением самого Геродота, а не его проводников. Именно в таком порядке он расставил царей. Именно в таком порядке он посещал памятники, к которым драгомены прикрепили свои имена, и это, таким образом, бросает свет на ход его передвижений. С этой подсказкой в руках мы можем проследить его путь из одной части [pg 244] храма Птаха в другую, и можем проследить его шаги вплоть до Файюма.

Правда, он утверждает, что его список царей был составлен на основании авторитета "египтян и жрецов" и что именно они насчитали триста сорок одно поколение от Менеса, основателя царства, до Сетоса, противника Сеннахериба, причем число царей и первосвященников за этот период было точно равно числу поколений. Но можно легко показать, что расчеты были сделаны самим Геродотом, и что ни "египтяне", языка которых он не понимал, ни сакристаны, которых он награждает титулом жрецов, не несут никакой ответственности за абсурдное утверждение, что поколение и царствование - это равнозначные понятия. Число царей, чьи имена он услышал от своего драгомана, составляет ровно одиннадцать; кроме них, как он рассказывает, имена трехсот тридцати царей были зачитаны ему с папирусного свитка одним из храмовых писцов, так что число триста сорок один получается путем прибавления трехсот тридцати имен к одиннадцати, которые ему сообщили его проводники. В число трехсот тридцати, должно быть, входили и некоторые из последних, хотя греческий путешественник этого не знал.

В Мемфисе Геродот узнал, что Менес был [pg 245] первым царем объединенного Египта, хотя дальнейшие высказывания, которые он записывает в отношении него, нелегко примирить одно с другим. С одной стороны, ему сообщили, что в его время весь Египет был болотом, за исключением фиванского нома - информация, которая показалась Геродоту согласной с фактами, - с другой стороны, что земля, на которой был построен Мемфис, была своего рода огромной насыпью, отвоеванной у Нила Менесом, который заставил реку покинуть свое старое русло под плато Гизех и течь в ее нынешнем русле. Мариетт считал, что дамба, с помощью которой первый из фараонов изменил русло реки, до сих пор существует возле Кафр-эль-Айята, а геологически ясно, что Нил когда-то протекал по краю Ливийской пустыни, и что скала, из которой был высечен Сфинкс, должна была быть одной из тех, что выступали в поток.

Но имя Менеса сохранилось в истории Геродота не из-за его инженерных работ. А потому, что он был основателем храма Птаха и города Мемфиса. Храм, который был объектом посещения туриста, обязан своим появлением именно ему, и осмотр достопримечательностей путешественник, естественно, начинал с упоминания его имени.

Прежде чем Геродоту показали такие [pg 246] части святилища, которые были доступны для посторонних, необходимо было представить его властям и получить их разрешение на посещение. Поэтому его провели в помещение, которое, возможно, было библиотекой храма, и там писец зачитал ему из свитка имена трехсот тридцати царей, начиная с Менеса и заканчивая Майрисом. Только к трем из них писец или толкователь приложил историю, и только три имени Геродот занес в свой блокнот. Первое из них - Менес, второе - Нитокрис, третье - Майрис. Нитокрис прославили не только потому, что она была единственной местной женщиной, правившей страной, но и потому, что она вероломно отомстила за смерть своего брата, а затем бросилась в пламя. Нейт-акер, как ее называли по-египетски, на самом деле была исторической личностью; она была последней правительницей шестой династии, но далеко не единственной царицей, правившей Египтом. Что касается Майриса, то утверждения Геродота верны лишь отчасти. Говорят, что он построил пропилеи на северной стороне храма Птаха, вырыл великое озеро Файюм и воздвиг пирамиды, которые, по мнению Геродота, он видел в его середине. Однако Мёрис - это не имя [pg 247] царя, а египетское слово *Mi ur* или "великое озеро"; Файюм был создан не путем рытья искусственного водоема, а путем вычерпывания воды, наполнявшей оазис с геологических времен; а памятники, которые видел Геродотос, были не пирамидами, а статуями на пирамидальных основаниях, возведенными Амон-эм-хатом III. из двенадцатой династии перед древним храмом. Ни один образованный египтянин не мог утверждать, что царь двенадцатой династии, который даже не был последним монархом этой династии, прервал род фараонов. Весь рассказ должен основываться на сочетании ошибочных выводов самого греческого историка с неверно истолкованными высказываниями египетского "жреца".

В топографической хронологии Геродота за Мёрисом следует Сесострис, но это объясняется тем, что турист, покинув покои писца, сначала посетил северную часть храма. Здесь перед входом стояли две колоссальные фигуры Рамзеса II, которые после столетий забвения и сокрытия вновь стали объектами интереса. Большая из них, сорок два фута в длину, была обнаружена в 1820 году и подарена Мохаммедом Али британскому правительству, но, как и следовало ожидать, так и не была востребована. В течение многих лет он лежал лицом в грязи и воде, но в 1883 году майор Багнолд перевернул его и поднял, и, наконец, [pg 248] поместил его в сарай, где он теперь находится в безопасности от дальнейших повреждений. Изначально сын и дочь фараона были представлены стоящими рядом с ним. Майор Бэгнолд также обнаружил статую-компаньон, меньшей высоты и из другого камня. Она сохранилась

лучше и была установлена на возвышенности рядом со стелой, обнаруженной в то же время. У северо-восточного подножия холма были найдены фрагменты папирусов с греческими и демотическими надписями, и, возможно, они указывают на место, где Геродотос слушал слова вала.

К северу от колоссов находилось священное озеро, которое, как говорят, было образовано Менесом, а сейчас представляет собой застойный водоем. В его юго-восточном углу недавно был заложен фундамент небольших квадратных помещений, стены которых были украшены скульптурами. Но воды наводнения последовали за раскопщиками, и стены быстро разрушаются под воздействием влаги и азотистых солей.

О Сесострисе гиды Геродота могли рассказать многое. Но ничто из этого не было историей - ни его завоевания в Европе и Скифии, ни прокладка каналов, сделавших Египет непригодным для лошадей и колесниц, ни равный раздел земли между подданными, ни то, что он был единственным [pg 249] египетским монархом, управлявшим Эфиопией. Как даже драгоман из Мемфиса мог вообразить, что египетскую землю можно возделывать без каналов, трудно понять, а еще труднее представить, как путешественник, видевший Дельту, мог поверить подобному заявлению. Единственным объяснением может быть то, что Геродот никогда не видел Дельту в ее нормальном состоянии, когда наводнение перестало покрывать землю. То, что Сесострис должен был считаться единственным фараоном, установившим свою власть в Эфиопии, лишь доказывает, как мало знали о реальной истории Египта Геродот или его информаторы.

Происхождение имени, данного этому фараону из воображения драгоманов, до сих пор остается загадкой. Статуи перед храмом Птаха, к которым было прикреплено это имя, были установлены Рамзесом II, а в одном из папирусов мы находим имя Сесетсу как народный титул того же монарха. Возможно, оно означает "сын Сета". Мы знаем, что Сет, древний бог Дельты, был особым объектом поклонения в семье Рамсеса II, а его отец Сети был назван в честь этого бога. Сесетсу с достаточной точностью соответствует Сесофсу Диодора; для Сесостриса мы должны были бы предположить форму Сесетсу-Ра.

[pg 250]

Сыном и преемником Сесостриса, согласно Геродоту, был Ферон. Это имя - всего лишь неправильно произнесенное имя фараона, египетское Per-âa или "Великий дом". Ферон не предпринимал никаких военных походов, так как ослеп из-за своей нечестивости, когда метнул копье в слишком высокий Нил. После десяти лет слепоты ему пришло прорицание из Буто, что он исцелится, если омоет глаза мочой женщины, которая была верна своему мужу. Испытание за испытанием проходили безрезультатно, и когда наконец царь прозрел, он собрал всех женщин, чей случай оказался неудачным, в "город, называемый теперь Красным курганом", и там сжег их, город и все остальное. Затем он воздвиг два обелиска, которые стоят перед храмом Ра в Гелиополе.

Красных курганов в Египте много, и название Ком эль-Ахмар или "Красный курган", соответственно, очень часто встречается на современной карте страны. Везде, где при строительстве зданий использовались обожженные кирпичи, где обжигались стены или дома города, курган развалин, который они порождают, имеет красноватый цвет. Такой курган, должно быть, существовал в окрестностях Гелиополя во времена Геродота. Недалеко от Тель-эль-Йехудии до сих пор находится Ком-эль-Ахмар, где был построен иудейский храм Ониас. Но "Красный курган" гидов был, вероятно, тем, который был [pg 251] виден с пилон великого храма Гелиополя, где стояли обелиски, с которыми связана история о нем. Обелиски действительно были воздвигнуты "фараоном", но это был не сын Рамсеса II. Они

были установлены Усертесеном I. из двенадцатой династии почти за пятнадцать веков до рождения Рамсеса II.

Поскольку Ферон был сыном Сесостриса, Геродоту пришлось ввести его в свой список сразу после отца, хотя он и не оставил после себя памятника в храме Мемфиса. Но после Ферона он возвращается к серии "мемфисских" царей. На этот раз это "мемфит, чье греческое имя Протей", и чье святилище находилось посреди "тирийского лагеря" или поселения на "южной стороне храма Птаха". Таким образом, турист обошел восточную стену великого храма с севера на юг, а поскольку пилон на этой стороне святилища был связан с именем царя, который был строителем кирпичной пирамиды, замеченной по дороге в Файюм, рассказ о нем откладывается на потом. Следующий памятник, к которому пришел Геродотос, был, соответственно, финикийского, а не египетского происхождения.

На самом деле Протей был финикийским богом, которому поклонялись, как рассказывает Геродот, вместе с иноземкой Афродитой, которую он подозревает в том, что она была переодетой гречанкой Еленой. [pg 252] Финикийская Афродита, однако, на самом деле была Ашторет, которую греки называли Астартэ, Истар вавилонян и ассирийцев. Но "жрецы", или, скорее, проводники путешественника, оказались на высоте, и, когда он спросил их о Елене, они тут же рассказали ему длинную историю о ее прибытии и приключениях в Египте. В то время царем в Мемфисе был Протей, а не морской бог кораблей и пророческих видений, как представлял Гомер, и он очень правильно забрал Елену из Париса и хранил ее в безопасности, пока Менелай не прибыл после Троянской войны, чтобы потребовать свою жену. Соответственно, Протей, финикийский "старик моря", вошел в число трехсот сорока одного фараона Египта, чьи имена были перечислены Геродоту "жрецами". Лучшей иллюстрации реального характера его "жреческих" информаторов или бесполезности информации, которую они ему предоставили, быть не может.

Однако когда Геродот продолжает утверждать, что "они говорили", что Рампсинит сменил Протея на царстве, он поступает с ними несправедливо. Предполагаемый факт, должно быть, взят из его собственной записной книжки. После посещения тирийского лагеря, расположенного с южной стороны большого храма, путешественника отвели к его западному входу, где ему сказали, что пропилеи были воздвигнуты Рампсинитом, а также две [pg 253] колоссальные статуи перед ними. Порядок, в котором он увидел эти памятники, определил порядок появления имен Протея и Рампсинита в его записной книжке, а порядок в записной книжке - порядок их преемственности.

Рампсинитос представляет реального египетского царя. Это Рамсес III из двадцатой династии, последний из фараонов-завоевателей, строитель Мединет-Хабу в Фивах. Но Геродот никогда не был в Фивах и, следовательно, никогда не слышал о великолепном храме и дворце, которые построил там Рамсес. Все, что он знает об архитектурных работах фараона, - это незначительные пристройки, которые он сделал к храму в Мемфисе. О настоящем фараоне он также ничего не знает. Вместо победителя северных орд, монарха, уничтожившего захватчиков из Эгейского моря и захватившего или потопившего их корабли, завоевателя, пронесшего свое оружие в Палестину и Сирию, перед нами герой народной сказки. Рампсинитос и его сокровищница стали предметом истории о мастере-воре, которая в разных формах встречается по всему миру и, возможно, восходит к младенчеству человечества. Почему эта история была связана с Рамсесом III, нам так же невозможно узнать, как и понять, почему имя Неит, богини Саиса и двадцать шестой династии, было [pg 254] соединено с именем фиванского фараона двадцатой. Рампсинитос, Рамессу-н-Нейт или "Рамзес из Нейт", указывает на период, в который только и могло образоваться это имя.

Должно быть, оно было изобретением карийских драгоманов, появившихся при Саитской династии.

Однако Рамсес III был, как мы узнаем из большого папируса Харриса, одним из самых богатых египетских князей. Дары, которые он делал храмам богов, особенно храму Амона в Фивах, почти сказочно велики. Его торговые корабли привозили ему товары с юга и севера; в его правление активно разрабатывались золотые рудники восточной пустыни, а также медные и малахитовые копи провинции Мафкат, Синайского полуострова на наших современных картах. Камеры одной из его сокровищниц до сих пор сохранились в Мединет-Хабу, и мы можем видеть на их стенах вазы с драгоценными металлами, которые он в них хранил.

Не менее богатым был и фольклорный Рампсинитос. Он построил рядом со своим дворцом сокровищницу для своих богатств, которая должна была защитить их от любых попыток ограбления. Но архитектор оставил в ней камень, который мог легко извлечь любой, кто знал его секрет, и перед смертью передал эту тайну двум своим сыновьям. К изумлению короля, [pg 255] золото стало исчезать, хотя печати оставались нерушимыми, а двери крепко запертыми. Тогда он устроил ловушку у сундуков с золотом, и один из воров попался в нее. Тогда он уговорил своего брата отрубить ему голову, чтобы его тело не узнали, и скрыться с ним. На следующее утро Рампсинитос нашел безголовый труп, который был выставлен на всеобщее обозрение под охраной вооруженных стражников, которым было приказано арестовать любого, кто проявит хоть малейшие признаки узнавания. Мать покойника, взбешенная таким обращением с его телом, которое лишило бы его всякой надежды на будущий мир, пригрозила раскрыть всю историю, если ее оставшийся в живых сын не обеспечит сохранность трупа своего брата и не даст ему почетное погребение. Поэтому, нагрузив нескольких ослов винными шкурами, он прогнал их мимо места, где над трупом сидели стражники. Там он позволил части вина случайно вытечь, и когда стражники начали жадно пить его, он хитростью побуждал их к этому, пока все они не погрузились в пьяный сон. Затем он схватил тело и отнес его матери. Царь теперь как никогда желал обнаружить такого мастера воровства и приказал своей дочери взять на вооружение вавилонский обычай сидеть на людях и оказывать знаки внимания любому, кто пройдет мимо [pg 256] при условии, что он расскажет ей о самом ловком трюке, который он когда-либо проделывал. Вор снабдил себя рукой мумии, которую спрятал под плащом, и, подготовившись, предстал перед принцессой и рассказал ей обо всем, что сделал. Когда она попыталась схватить его, он оставил руку мертвеца в ее руке и сбежал. Царь, пораженный восхищением, решил, что столь умный юноша должен стать его собственным зятем, и издал указ, не только помиловав его, но и разрешив ему жениться на своей дочери. Вот так совместными усилиями народного воображения, иностранных драгоманов и Геродота была построена история Египта!

Однако в конце концов мастер-воробей не стал преемником Рампсинитоса на троне. Миновав западный вход в храм Птаха, Геродотос вновь прибыл к северной стороне, откуда он начал свой путь, и, поскольку ему не разрешили войти в святилище, дальше ему нечего было смотреть. Следующим его визитом, соответственно, были пирамиды Гизеха, а строители пирамид - Хеопс, Хефрен и Микеринос из четвертой династии - представляются как последователи Рамсеса III из двадцатой, который жил более чем через две тысячи лет после них. Это не говорит в пользу суждений наших классических ученых, что до расшифровки иероглифов [pg 257] они должны были предпочесть хронологию Геродотоса хронологии Мането.

Геродот, как истинный созерцатель, не нашел в Мемфисе ничего интересного, кроме храма. О самом городе ему нечего сказать, даже о лепной городской стене, которая дала ему

название "Белая стена". Части этой стены до сих пор стоят на северном конце курганов, которые покрывают место Мемфиса. Как и все другие городские стены Древнего Египта, она построена из высушенных на солнце кирпичей, скрепленных стеблями пальм, и когда-то была очень толстой. На южном конце курганов находятся остатки печей, в которых гончары римской и византийской эпох обжигали свои вазы из синего фарфора. Некоторые из их провалов до сих пор лежат на поверхности земли.

К пирамидам Гизе Геродотос отправился по воде, через озеро на западной стороне города, которое, как он утверждает, было создано Менесом, а затем по каналу. В Гизе его любовь к чудесному была полностью удовлетворена. Он осмотрел пирамиды и дамбу, по которой из каменоломен Тураха привозили камни для их строительства, и с благоговением выслушал все истории, которые рассказывали ему гиды о них и их строителях. Измерения, которые он приводит, в большинстве случаев, вероятно, были сделаны им самим. Но, утверждая, что [pg 258] иероглифические надписи были "в пирамиде", он допустил ошибку. Ни в ней, ни вне ее не было никаких надписей, если не считать нескольких иератических записей, оставленных посетителями на нижних камнях корпуса памятника. В то же время несомненно, что Геродот видел иероглифы и что его проводник пытался их перевести, поскольку они, по его словам, содержали отчет о количестве редиса, лука и порея, съеденных рабочими при строительстве великой пирамиды, а также о сумме денег, которую это стоило. Но овощи представляли собой египетские иероглифы - например, редис, вероятно, был *rod*, "плод" или "семя", и упоминание о них является доказательством того, что это действительно был иероглифический текст, который драгоман предложил истолковать. Возможно даже, что проводник знал иероглифические символы цифр; если это так, то это объясняет, что он нашел в них количество талантов, потраченных Хеопсом на свою гробницу, а также показывает, что надписи были выгравированы не "в пирамиде", а в соседней гробнице. На самом деле, это кажется самым простым объяснением того, что говорит о них Геродотос; как и многие другие путешественники, он забыл отметить, где именно были нанесены надписи, и, приступая к написанию своей книги, предположил, что они находились в самой пирамиде.

Согласно драконьей легенде, Хеопс и [pg 259] Хефрен были жестокими и нечестивыми тиранами, а их преемник Микеринос (Мен-ка-Ра) - добрым и милосердным правителем. Ключ к этому описанию, вероятно, можно найти в сообщении Диодора Сикула о том, что люди угрожали вытащить их тела из гробниц после смерти и разорвать их на куски, так что, опасаясь такой участи, фараоны позаботились о том, чтобы похоронить себя в тайном месте. Это тайное место - подземный остров с камерами, который, по словам Геродота, был проделан под великой пирамидой с помощью канала, чтобы царь мог быть там похоронен. Миф, должно быть, возник из-за того, что во времена Геродота мумии Хеопса и Хефрена не были найдены в их пирамидах, которые были разграблены много веков назад, и история о жестокости и нечестивости этих двух царей, соответственно, выросла, чтобы объяснить этот факт.

Праведность Микерина была отмечена гневом и наказанием богов, поскольку египтянам было предначертано терпеть зло в течение ста пятидесяти лет, а его благочестие и справедливость отвратили от них часть гибели. Такой взгляд на судьбу и действия богов был столь же существенно греческим, сколь и чуждым египетскому уму, и поэтому неудивительно, [pg 260] что указ небес был объявлен несчастному фараону через этот глубоко греческий институт, оракул. Мы читаем в этой истории скорее греческую трагедию, чем историю Египта.

Частью наказания Микериноса было то, что он должен был потерять свою дочь, и драконицам таким образом удалось связать пирамиду в Гизе с позолоченным деревянным изображением коровы во дворце в Саисе, который со времен правления Псамметиха, должно быть, был им хорошо известен. Корова, которая на самом деле была символом Нейт в виде Хатхор, с диском солнца между рогами, который Геродот принял за луну, хотя на самом деле это была луна, представлялась полкой и гробом дочери фараона. Деревянные фигуры, стоявшие рядом с ним, представлялись наложницами царя. Однако были и другие истории, связанные с фигурками и коровой, менее авторитетные для царской персоны, но в равной степени показывающие, насколько невежественны были информаторы Геродота в вопросах египетской религии и обычаев. Хотя они знали, что на празднике Осириса корову выносили на открытый воздух, они говорили, что это происходило потому, что дочь Микерина, умирая, просила отца, чтобы раз в год она могла увидеть солнце. Можно ли найти более убедительное доказательство пропасти, существовавшей между родным [pg 261] египтянином и "нечистым" чужеземцем, даже если последний принадлежал к касте драгоманов? Для нас изображение Хатхор в виде коровы с лунным шаром между рогами кажется элементарным фактом древнеегипетской религии; современный турист то и дело видит его на стенах храмов и гробниц, а современный драгоман уже начал кое-что понимать о его значении. Но в пятом веке до нашей эры драгоман и турист были одинаково чужеземцами, которым не разрешалось проникать внутрь храмов, и не было ни книг, ни учителей, которые могли бы наставить их в доктринах египетской веры.

Геродот, должно быть, вернулся в Мемфис после посещения пирамид, прежде чем отправиться в путешествие на юг. Если бы он направился из Гизе в Файюм прямо по краю пустыни, то миновал бы ступенчатую пирамиду и Серапеум в Саккаре. Трудно поверить, что, поступив так, он ничего не рассказал бы нам о месте захоронения священных быков и огромных саркофагах из гранита, в которых они были погребены. Подземная галерея, начатая Псамметихом, все еще оставалась открытой, и каждый Апис, умирая, был похоронен в ней вплоть до конца эпохи Птолемеев. Позднее, когда Персидская империя была свергнута, Серапеум стал излюбленным местом [pg 262] паломничества греческих гостей Мемфиса. Над могилами быков был построен греческий храм, греческие отшельники поселились в его камерах, а греческие туристы начертали свои имена на сфинксах, которые выстроились вдоль подхода к святилищу.

Геродотос знал все о живом Аписе, о знаках на теле быка, доказывающих его божественность, а также о дворе в храме Птаха в Мемфисе, который Псамметих построил для размещения воплощенного бога. Он был хорошо знаком с легендой, по которой Камбис зарезал священного быка и подверг бичеванию его жрецов, и рассказывает, как те тайно похоронили тело убитого ими божества. Но ни он, ни его проводники не знали, где происходило захоронение и где с незапамятных времен покоились мумии быков. Если бы они это сделали, мы бы обязательно узнали об этом. Но вместо этого нам рассказывают, что мертвых быков хоронили в окрестностях города, где они умерли, причем их рога должны были выступать над землей, чтобы обозначить место. Когда плоть истлевала, кости перевозили на лодках в город на острове Просопитис, называемый Атарбекхис, и там помещали в место их последнего упокоения.

[pg 263]

Поэтому очевидно, что большое кладбище Мемфиса не посещалось путешественниками, а гиды, соответственно, ничего о нем не знали. Вероятно, египтяне относились к нему с тем же чувством, что и их потомки-мусульмане: могилы будут осквернены, если по ним пройдет "нечистый" иностранец. Кроме того, "нечистый" иностранец обычно довольствовался тремя

пирамидами Гизеа; ему не хотелось совершать еще одну долгую экспедицию под солнцем в западную пустыню, чтобы увидеть там еще одну пирамиду. Да и, кроме пирамид, ему было нечего посетить. Сомнительно, чтобы ему разрешили спуститься в место захоронения быков, да и здания над ним, вероятно, не отличались большими размерами.

Но какова бы ни была причина, Саккара и ее Серапеум были неизвестны драгоманам, а значит, и Геродоту. Он должен был отправиться в Файюм из Мемфиса и плыть по руслу самого Нила. Если он и заметил пирамиды Дахшура и Макдума, то они находились вдалеке и показались ему недостойными внимания после того, что он видел в Гизе. Однако вскоре после прохода через Макдум ему пришлось покинуть реку и пробираться вглубь страны по каналу, который соединялся с Бахр-Юсуфом в Иллахуне. Здесь он [pg 264] оказался бы рядом с великой кирпичной пирамидой, секрет которой выведал профессор Петри, и здесь же он увидел бы, немного южнее, город Гераклеополис, современный Ахнас эль-Медине, стоящий на мусорных курганах прошлого на восточном берегу Бахр-Юсуфа.

Ираклеополь, называемый в египетских и клинописных надписях Хининсу, был столицей нома, который греческие писатели описывают как остров. На самом деле он был со всех сторон окружен водой. На востоке - Нил, на западе - Бахр-Юсуф, который, вероятно, является старым руслом реки; на севере канал соединяет два больших потока, а на юге другой канал (или, возможно, ответвление реки) когда-то делал то же самое в окрестностях Ахнаса. Страбон до сих пор говорит о нем как о большом "острове", через который он проходил по пути в Файюм с севера.

Маршрут, которым следовал Страбон, должно быть, уже был пройден Геродотом. Он тоже должен был пройти через остров Хининсу на пути в Файюм, и его схема египетской хронологии должна содержать доказательства этого факта.

И это действительно так. Микеринос, учит он нас, сменил царь по имени Сасихис или Асихис, который построил не только восточный пропилон храма Птаха в Мемфисе, но и кирпичную [pg 265] пирамиду, о которой, конечно же, его гиды могли рассказать ему характерную историю. О том, что история была греческого происхождения, свидетельствует надпись, которая, по их словам, была выгравирована по приказу фараона, но которую мог придумать только грек. Кирпичная пирамида, должно быть, принадлежала Иллахуну. Две кирпичные пирамиды Дахшура были бы невидимы с реки, и даже для посетителя, оказавшегося на месте, состояние руин, в котором они находятся, сделало бы их малозначительными. Его внимание было бы полностью поглощено массивными каменными пирамидами, у подножия которых они стоят.

Кирпичная пирамида Хавары, опять же, не может быть той, которую имел в виду Геродотос. Она была частью построек, связанных с Лабиринтом, размеры и великолепие которых затмевали в его глазах все остальное. Таким образом, остается только кирпичная пирамида Иллахуна, в сторону которой, как мы видели, должно было привести его путешествие Геродотоса.

Пирамида Иллахуна, если смотреть на нее вблизи, действительно представляет собой очень поразительный объект. Это единственная из кирпичных пирамид, которая выдерживает сравнение с пирамидами из камня, и вполне могла послужить поводом для рассказа, который был повторен греческому туристу. Ее поразительный характер обусловлен тем [pg 266] фактом, что кирпичная надстройка возвышается на плато скалы, которая была вырублена в форме, чтобы принять ее. В результате раскопок профессора Петри в 1890 году стало известно имя его строителя. Это был Усертесен II из двенадцатой династии, царь, на шестом году правления которого прибыли "азиаты" со своей данью сурьмой, изображенной

на гробнице Хнум-хотепа в Бени-Хасане. Как гиды стали называть его Сасыхисом, объяснить трудно. Возможно, это египетский Са-Совк, "сын Совка" или "Себек", крокодил-бог из Файюма, которого греки называли Сухос. Фараоны двенадцатой династии, как создатели и благодетели Файюма, нома крокодила, были особо преданы его поклонению, и в своих надписях они рассказывают о делах, которые они предприняли для своего "отца Совка".

После Сасыхиса, продолжает Геродот, "царствовал слепец по имени Анис, из города Аниса: когда он царствовал, эфиопы и Сабако, царь Эфиопии, вторглись в Египет с большим войском, так что слепец бежал в болота, а эфиоп правил Египтом пятьдесят лет". После своего ухода в результате сновидения слепец вернулся из болот, где он жил на искусственном острове Эльбо, который никто не мог заново открыть, пока Амиртеос не нашел его снова. [pg 267] Анис, конечно же, название города, а не человека, и, сделав его таковым, Геродот совершил ошибку, аналогичную той, которую он допустил, превратив Пи-Баст, "храм Баста", и Пи-Уаз, "храм Уаза", в имена своих богинь Бубастис и Бутто. На самом деле это всего лишь греческая форма еврейского Ханес, а еврейское Ханес - это египетское Хининсу, которое, согласно известному правилу семитской и египетской фонетики, произносилось как Хинису. Из Книги пророка Исаии (xxx. 4) мы узнаем, что Ханес играл видную роль в египетской политике в то самое время, когда Сабако и его эфиопы оккупировали страну. Послы Езекии, отправленные из Иерусалима просить помощи у египетского монарха против общего ассирийского врага, прибыли не только в Зоан в дельте, но и в Ханес. Зоан и Ханес, должно быть, были на данный момент двумя центрами египетского правительства и местами пребывания двора фараона.

Прерывистые отрывки, которые мы получаем из истории Египта в бурный период, предшествовавший эфиопскому завоеванию, показывают, как это происходило. За двадцать второй династией Шишака последовала двадцать третья, которую Манефо называет танитской и которая, следовательно, должна была иметь [pg 268] свое происхождение в Зоане. Пока второй царь Осоркон II. царствовал в Танисе и Бубастисе, Египет настиг первый знак грядущего эфиопского вторжения. Пианхи Ми-Амон, царь Напаты, спустился по Нилу и призвал соперничающих князей Египта признать его своим главой. Осоркон, который один обладал законным титулом верховного правителя, кажется, подчинился призыву, но ему воспротивились два мелких царя Верхнего Египта, Ашмунен и Аннас, а также Теф-нехт или Тнефактос, принц Саиса. Ашмунен и Аннас были осаждены, и вскоре Ашмунен попал в руки захватчиков. После этого Ахнас и остальные южные земли покорились, и Пианхи выступил в поход на Мемфис. Несмотря на войска и провиант, брошенные туда Теф-нехтом, старая столица страны была взята штурмом, и всякое сопротивление завоевателю прекратилось. От одного края страны до другого туземные правители поспешили выразить почтение эфиопу и признать его сюзеренитет.

Пианхи приказал выгравировать историю своего завоевания на большой гранитной стеле, которую он установил на горе Баркал, священной горе Напаты. Здесь он приводит список семнадцати князей, между которыми были разделены города Египта, и каждый из которых претендовал на независимую или полунезависимую [pg 269] власть. Из семнадцати четверо носят на лбу царский урей, получают титул царей, а их имена заключены в картуш. Двое из них - принцы севера, Осоркон из Бубастиса и Таниса и Аупет из Клизмы, близ Суэца. Два других представляют Верхний Египет. Один из них - царь Сесенну или Ашмуна, другой - Пеф-дод-Баст из Хининсу или Ахнаса. Фивы полностью игнорируются.

Завоевание Пианхи оказалось лишь кратковременным. Эфиопы отступили, и Египет вернулся в то состояние, в котором его застали. Это была нация, разделенная сама с собой, раздираемая внутренними войнами и частными распрями, готовая попасть в руки первого

захватчика, обладающего военными способностями и достаточным количеством войск. Два государства возвышались в нем над остальными: Танис на севере и Ахнас на юге. Танису досталась вотчина Бубастиса и Мемфиса, а Ахнасу - Фив.

Поэтому Сабако разместил свой двор в Зоане и Ханесе, просто потому, что они уже стали ведущими городами, если не столицами, севера и юга. И в Зоан и Ханес, соответственно, должны были отправиться еврейские посланники. Князья Иуды собрались в Зоане, а послы отправились дальше, даже в Ханес. Примечательно, что столетие спустя ассирийский царь Ассур-бани-пал все еще [pg 270] объединяет князей Ахнаса и Зоана в своем списке сатрапов Египта.

Анис или Ханес был крайним пределом путешествия Геродота. Как и впоследствии, во времена Страбона, это был вход в Фаюм, и путешественник, желающий посетить Фаюм, должен был сначала пройти через город, который греки называли Гераклеополисом. Богом-покровителем города был Хершеф, чье имя было предметом различных неудачных попыток этимологии со стороны египтян. Но, как и имена некоторых других божеств, его истинное происхождение затерялось в ночи древности. У Плутарха он фигурирует в греческом одеянии как Арсафес. Бог был наделен воинскими качествами, и поэтому греки отождествляли его с их собственным Гераклом. Его храм стоял в центре курганов старого города, которые феллахи называют Умм-эль-Киман, "мать курганов". В 1891 году они были частично раскопаны доктором Навиллем для Фонда исследования Египта, но мало что было найдено, чтобы окупить затраты и труд на эту работу. Место храма было обнаружено несколько северо-восточнее четырех колонн, оставшихся от ранней коптской церкви. Но вряд ли можно сказать, что сохранилось что-то большее, чем место строительства. Несколько каменных блоков с именами Рамсеса II и Менептаха, а также фрагмент храма, построенного [pg 271] Усертесеном II, - вот почти все, что сохранилось о его прошлом. Даже некрополь не смог создать памятников древности. Его гробницы были разграблены охотниками за сокровищами и вновь использованы в качестве мест захоронения в римскую эпоху, а доктор Навиль нашел в нем лишь несколько следов восемнадцатой династии.

И все же было время, когда Ираклеополь был столицей Египта. От него произошли девятая и десятая династии, а власть десятой династии, как мы теперь знаем, была признана вплоть до Катаракта. Профессор Масперо и мистер Гриффит показали, что три гробницы на холме за Асьютом (№№ III, IV, и V.) относятся к этой эпохе. Выдолбленные в скале, высоко в утесе над гробницами двенадцатой династии, их изуродованные надписи рассказывают о древних феодалах нома, Теф-абе и его сыне Кхити, последний из которых выигрывал сражения для своего господина, фараона Мер-ка-Ра. Фивы были охвачены открытым восстанием, как и сам Ираклеополь, где проживала семья фараона, и Кхити в изобилии поставлял ему корабли и солдат. Флот заполнил Нил от Гебель-Абу-Фода на севере до Шотба на юге, и силы мятежников были уничтожены. На некоторое время власть фараона была восстановлена, но могущество фиванских принцев оставалось непоколебимым, и наступило время, когда [pg 272] фиванцы одиннадцатой династии унаследовали наследие Ираклеополитов десятой.

Кем мог быть "слепой" царь Аниса, мы не знаем. Но он точно не был законным фараоном, хотя тщеславие Ираклеополита, возможно, и хотело, чтобы его так считали. Согласно Манефо, за танитами двадцать третьей династии последовала двадцать четвертая династия, состоявшая из одного саита, Бокхориса, которого в памятниках называют Бак-н-ран-ф. Считается, что Бокхорис был заживо сожжен своим завоевателем Сабако. Считая, что последний царствовал пятьдесят лет, Геродотос перепутал основателя династии с самой династией. Длительность его правления два переписчика Манефо - Африкан и Евсевий - называют по-разному: восемь и двенадцать лет; правильным может быть только последний

вариант, поскольку в надписи на золотых рудниках Хаммамата упоминается двенадцатый год его правления. За ним последовали еще два эфиопских царя, вторым из которых был Тирхака, а общая продолжительность династии, по-видимому, составила пятьдесят два года. Христианские переписчики, правда, в своем обычном стремлении сократить хронологию египетского историка, указывают только сорок и сорок четыре года; но памятники показывают, что Геродот с его круглым полувеком ближе к истине.

С топографической точки зрения [pg 273] введение Сабако и эфиопа между Ахнасом и Файюмом неуместно. Но история, рассказанная Геродоту, не позволила ему поступить иначе. Слепой царь, как говорят, бежал в болота Дельты и оставался там в укрытии до конца эфиопского правления, когда его снова признали фараоном. Таким образом, легенда о Сабако - лишь эпизод в истории гераклеопольского принца.

От слепого Аниса мы должны были бы перейти к царям двенадцатой династии, которые создали Файюм и воздвигли памятники, которые видел там греческий путешественник. Мы не делаем этого по двум причинам. Геродот уже упоминал царя Майриса и созданные им озеро и пирамиды, когда описывал список царей, который священный писец зачитал ему в Мемфисе. Он не мог считать египетского монарха дважды, как в начале, так и в конце своих одиннадцати топографических фараонов. Затем, опять же, рассказанная ему история о Лабиринте связала свое происхождение с Псамметихом, с которого началась греческая история Египта. С этого момента Геродотос черпал информацию уже не "от самих египтян", то есть от своих гидов и драгоманов, а "от всего остального мира". Под "остальным миром" он подразумевает греков. История Лабиринта, соответственно, [pg 274] отнесена к тому, что можно назвать вторым разделом его египетской истории, и является частью его рассказа о возвышении двадцать шестой династии.

Между слепым царем Ахнасом и предполагаемым строителем Лабиринта помещена народная сказка, которая вновь возвращает нас к храму Птаха в Мемфисе. Она прикреплена к одному из изображений в храме, на котором изображен человек с мышью в руке, и очевидно, что Геродот услышал ее после возвращения из Файюма. Если бы он услышал об этом, когда еще находился в Мемфисе, это было бы записано в более ранней части его книги. Кроме того, статуя стояла внутри храма, куда туристу не разрешалось входить, так что он не мог увидеть ее во время посещения великого египетского святилища. Сомнительно, видел ли он ее вообще; возможно, он мельком увидел ее через открытые ворота храма, как мельком видели скульптурные колонны в магометанских мечетях, которыми хвастались старые путешественники по Востоку. Но, скорее всего, он узнал об этом от других, особенно от нанятого им драгомана.

История представляет собой любопытную смесь египетских и семитских элементов, а надпись, которую драгоман притворился, что читает на статуе, - греческое изобретение. Жрец Птаха, которого [pg 275] звали Сетос, стал царем Египта. Его жреческие инстинкты привели к тому, что он пренебрегал армией и плохо с ней обращался, вплоть до того, что лишил их двенадцати акров земли, которыми каждый солдат владел по праву. Тогда Сеннахериб, "царь аравийцев и ассирийцев", выступил против него, и армия отказалась сражаться. В тяжелом положении царь-жрец вошел в святилище своего бога и со слезами умолял его спасти своего почитателя. Сон навалился на просителя, и он увидел, что бог стоит над ним и велит ему быть мужественным, ибо с ним не должно случиться ничего плохого. После этого Сетос отправился в Пелусий с добровольцами, которых смог найти - педларами, ремесленниками и торговцами, - и застал там врага, расположившегося лагерем. Ночью в лагерь ассирийцев проникли полевые мыши и перегрызли тетивы их луков и ремешки щитов, так что утром они оказались беззащитными, а египтяне одержали легкую победу. В память об

этом событии в храме Птаха было воздвигнуто каменное изображение царя с полевой мышью в руке.

Статуя, видимо, принадлежала Гору, для которого, наряду с Уазом, полевая мышь была священна. Но так было, по-видимому, лишь в некоторых местах. Фигура животного встречается на монетах Эхмира, а бронзовое [pg 276] изображение, найденное в Фивах и хранящееся в Британском музее, посвящено "Хорусу, владыке Сехема" или Эснеха. В Буто, где обоим божествам поклонялись вместе, мы можем ожидать найти кладбище полевых мышей, подобное кладбищу кошек в Бубастисе, а в Ливерпульском музее хранятся две бронзовые мыши, обе на одной подставке, которые были обнаружены в курганах Атрибиса около Бенхи. Горус был богом Атрибиса, где ему поклонялись под именем Хети-ти.

Царь-жрец из народного сказания занял место исторического Тирхака. Однако имя его врага, Сеннахериба, сохранилось, хотя он называется царем "аравийцев", а также ассирийцев. Но этот титул наверняка египетского происхождения. Аравийцы" греческого писателя - это шасу, бедуины, "грабители" египетских памятников, и никто, кроме египтянина, не стал бы называть азиатского захватчика таким именем.

В 701 году до н. э., во время похода против Езекии Иудейского, ассирийский монарх встретился с войсками Тирхака. Эфиопский владыка Египта отправился на помощь своему иудейскому союзнику, и у маленькой деревушки Эльтекех произошла битва. Тирхака был разбит и отброшен в Египет, а Сеннахериб остался продолжать свой поход [pg 277] и приводить к повиновению своего непокорного вассала. В наглости победы он послал Езекии письмо, в котором объявил, что, несмотря на обещания его Бога, Иерусалим должен быть отдан в руки врагов. Тогда Езекия вошел в святилище храма и, развернув письмо перед Господом, умолял Его спасти себя и город от ассирийского захватчика. Молитва была услышана: Исаяе было поручено провозгласить, что ассирийский царь никогда не войдет в Иерусалим, а ассирийское войско таинственным образом погибло за одну ночь.

Полвека спустя подобное событие произошло и в самой Ассирии. На ее царя Ассур-бани-пала, окруженного мятежными врагами, внезапно напал Те-умман из Элама. Когда он справлял праздник богини Истар в Арбеле, к нему пришло сообщение от эламского монарха о том, что он отправляется в поход, чтобы уничтожить Ассирию и ее богов. Тогда Ассур-бани-пал отправился в храм богини и, склонившись перед ней до земли, со слезами просил ее о помощи. Истар выслушала мольбу, и в ту же ночь прорицателю приснился сон, в котором она явилась и велела объявить царю, что Истар из Арбелы, с колчаном за плечами и луком и булавой в руках, будет сражаться перед ним и повергнет его врагов. Пророчество [pg 278] исполнилось, и вскоре эламская армия была разбита, а голова Те-уммана с триумфом отправлена в Ниневию.

В Иудее и Ассирии мы имеем дело с историей, в рассказе о Сетосе - с народной сказкой, и поэтому невозможно не поверить, что поведение жреца Птаха было смоделировано по образцу поведения Езекии и Ассур-бани-пала. В основе ее лежит семитская, а не египетская религия; ее уместнее было бы рассказать о Сеннахерибе, а не о египетском фараоне. Возможно, она возникла среди финикийцев из тирийского лагеря в Мемфисе или даже среди египтизированных евреев, которые привезли Иеремию в Египет. Каково бы ни было его происхождение, оно не относится к области истории.

Даже с появлением Псамметиха на сцене египетская история Геродота еще не начинается. Прежде чем она начнется, он должен закончить свои странствия и осмотр достопримечательностей, избавиться от своих драгоманов и топографической хронологии,

которую он построил на их рассказах. Через Гераклеополь лежал вход в Файюм, а Файюм объединял фольклор гидов с трезвой историей греческой эпохи в Египте.

Геродот знает, что Псамметих был царем Саиса и что его отца звали Нехо. [pg 279] Но когда он продолжает говорить, что Нехо был убит эфиопом Сабако, а сам Псамметих вследствие этого был изгнан в Сирию, он вводит нас в область вымысла, а не фактов. Нехо был одним из двадцати египетских сатрапов при Эсар-хаддоне и Ассур-бани-пале, и хотя однажды его в цепях доставили в Ассирию по обвинению в измене, он вернулся к своему правительству с почестями. Сабако был уже давно мертв, а Тирхака тщетно пытался изгнать ассирийцев и их вассалов-сатрапов из Египта.

Еще дальше от истины была легенда, связывающая Псамметиха с Файюмом. Когда египтяне были "освобождены", как нам рассказывают, после правления жреца Птаха, появилось двенадцать царей, которые разделили страну между собой. Они женились друг на друге и дали клятву всегда оставаться друзьями. Чтобы оставить памятник о себе, они построили Лабиринт с двенадцатью дворами, каждый из которых предназначался для одного царя, шесть из которых находились на северной стороне, а шесть - на южной. Но оракул объявил, что дружеские отношения будут прерваны, если когда-нибудь один из них на ежегодном собрании в храме Птаха вознесет богу возлияние из бронзового шлема. Принц, который это сделает, станет царем всего Египта. Это [pg 280] несчастье в конце концов произошло. Однажды Псамметих случайно использовал свой шлем вместо положенной чаши для возлияний, после чего был прогнан своими коллегами сначала в болота, а затем в Сирию. Однако на помощь ему снова пришел оракул. Он объявил, что будет отомщен, когда с моря придут бронзовые люди, и, поняв намек, нанял вооруженных бронзой ионийских и карийских пиратов, которые высадились на берег ради грабежа, и с их помощью стал бесспорным хозяином Египта. На этом рассказе об основании двадцать шестой династии египетский фольклор Геродота вполне уместно завершился.

Двенадцать царей обязаны своим происхождением двенадцати дворам Лабиринта. Они напоминают о двадцати вассальных царях или сатрапах, которых ассирийцы назначили управлять страной и в число которых входили Псамметих и его отец. Но даже двенадцать дворов не совсем верны. Из Страбона мы узнаем, что их было гораздо больше, чем двенадцать - столько же, сколько номов в Египте. Это заставляет нас с недоверием отнестись к дальнейшему утверждению Геродота о том, что в залах было тысяча пятьсот камер над землей и тысяча пятьсот под землей. Информация, должно быть, поступила от гидов, и маловероятно, что он проверил [pg 281] ее. Чтобы сосчитать три тысячи камер, потребовалось бы не меньше дня.

Во времена Страбона было известно, что настоящим строителем Лабиринта был Майндец, то есть Ма(т)-н-Ра, или Амон-эм-хат III. из двенадцатой династии. Раскопки профессора Петри в Хауре в 1888 году доказали этот факт. Ему удалось проникнуть в центральную камеру кирпичной пирамиды, составлявшей часть здания, и там, глубоко в воде, он обнаружил саркофаг и разбитые фрагменты некоторых погребальных ваз умершего фараона. Это было все, что осталось от разрушителей давно минувшей эпохи, но и этого было достаточно, чтобы понять, кем был фараон. Он был похоронен не один. В другой камере пирамиды находился саркофаг его дочери Неферу-Птах, которая, должно быть, умерла до того, как пирамида была окончательно закрыта. Сам лабиринт давно использовался в качестве каменоломни или был обожжен на известь. На его полу из твердой штукатурки лежат обломки камней, из которых он состоял, толщиной в шесть футов и занимающие гораздо большую площадь, чем в любом другом египетском храме, о котором мы знаем. Не было ни одного другого, который мог бы соперничать с ним по размерам.

Амон-эм-Хат III, похоже, оставил еще один памятник о себе дальше к северу - по крайней мере, такова естественная интерпретация [pg 282] недавних открытий в Дахшуре. Хотя пирамида не отплатила его инженерному мастерству даже клочком надписи, он обнаружил на ее северной стороне гробницы, которые доказывают, что здесь также находилось захоронение двенадцатой династии. В скале были вырублены два длинных коридора, один над другим, и через определенные промежутки вдоль их северных стен были вырыты квадратные камеры, в которые были помещены саркофаги умерших. Надписи показывают, для кого они предназначались. Нофер-Хонт, Сон-Сенебт, Сит-Хатор и Менит - царские принцессы, которые были погребены в них во времена Амона-эм-Хата III. Их драгоценности были спрятаны в двух естественных углублениях в каменном полу коридоров и таким образом ускользнули от глаз древних кладоискателей. Сейчас мы можем увидеть их в музее Гизе, и таким образом узнать, до какого изысканного совершенства уже было доведено искусство ювелира.

Среди них можно отметить крупные морские раковины из чистого золота, эмалированные цветы лотоса и ожерелья из аметистов, сердолика и агатовых бусин. Прекрасно выполненные золотые украшения представлены в удивительном изобилии. Но ничто не может превзойти золотые пекторали, инкрустированные драгоценными камнями. Работа настолько совершенна, что трудно поверить, что перед нами мозаика, а не эмаль. На одной из пекторалей картуш Усертесена III. поддерживается [pg 283] на лапах двух ястребиных голов львов, увенчанных царскими перьями и попирающих ногами тела врагов. На другом Амон-эм-хат III. изображен поражающим дикие племена Синайского полуострова. На фоне этих украшений двенадцатой династии украшения царицы Ах-Хотеп семнадцатой, найденные Мариэтт в Фивах, выглядят формальными и вырождающимися. В ювелирном деле, как и во всем остальном в Древнем Египте, более раннее искусство является лучшим.

От Амона-эм-хата III. из двенадцатой династии до основателя двадцать шестой, две тысячи лет спустя, очень далеко, и как Лабиринт оказался связан с последней по путеводителям Геродотоса, сказать трудно. Бронзовый шлем Псамметиха указывает на то, что история имеет греческое происхождение. Это был греческий головной убор; ни один египтянин, тем более египетский фараон, никогда бы его не надел. Головной убор египетского монарха был из льна, окрашенного в красный цвет для Нижнего Египта, в белый - для юга.

Геродот, по-видимому, посетил Хауару из столицы Файюма, как это сделал бы путешественник в наши дни. По крайней мере, именно такой вывод мы можем сделать из его слов. Его местоположение определяется как "немного выше озера Мёрис, недалеко от города крокодилов". Но мы должны помнить, что озеро Мёрис греческого туриста включало в себя не [pg 284] только собственно озеро, но и затопление, которое покрывало в то время возделываемые земли Файюма. Это не было, как он предполагал, искусственным водоемом, вырытым в "ужасно безводном" районе, экскаваторы которого были достаточно расточительны, чтобы сбрасывать всю добытую землю в Нил на расстоянии двадцати миль. Напротив, это был оазис, отвоеванный у болот и воды благодаря мудрым инженерным трудам царей Двенадцатой династии и возведенным по их приказу насыпям. Чтобы не уничтожить драгоценную возделываемую землю, превратив ее в озеро, они осушили его настолько, насколько это было возможно, и тем самым создали новый Египет для земледельцев.

Со стен города крокодилов Геродотос смотрел на огромное водное пространство, которое он считал творением фараонов, но которое на самом деле было результатом человеческого пренебрежения. Дамбы, которые должны были сдерживать наводнение и не давать ему захлестнуть летние посевы, были разрушены. Именно с таким видом на почти безбрежные

воды закончилось путешествие Геродота вверх по Нилу. Он вернулся в Мемфис, а оттуда продолжил путь, по которому мы следовали до Пелусия и моря. Его записная книжка была заполнена записями обо всех [pg 285] чудесах, которые он видел; о странных обычаях, которые он наблюдал среди египетского народа; и, прежде всего, о народных сказках, которые его проводники вливали ему в уши. Позднее, когда его восточные путешествия закончились, и у него появился досуг для работы, он соединил все это с рассказами своих предшественников и пополнил библиотеки Древней Греции новой книгой. С самого начала книга имела успех, и хотя злобные критики пытались осудить и вытеснить ее, хотя Фукидид противоречил ее утверждениям относительно Афин, хотя Ктесий заявил, что ее восточная история - роман, а Плутарх рассуждал о "злобности" ее автора, книга выдержала все нападки. Мы потеряли труд Гекатаëоса Милетского, мы потеряли также - что является более серьезным несчастьем - труд внимательного и хорошо информированного Гекатаëоса Абдерского, но у нас все еще есть Геродотос. И несмотря на наше знание и его невежество, несмотря даже на его невинное тщеславие и присвоение чужих слов, нам приятно путешествовать с ним в руках и посещать вместе с ним те места, которые он видел. Нигде больше мы не найдем фольклора, который рос и расцветал на месте встречи Востока и Запада более двух тысяч лет назад и в котором заложены зародыши большей части фольклора нашего собственного детства. Возможно даже, что некоторые из [pg 286] историй, которые современный драгоман рассказывает современному путешественнику по Нилу, имеют не лучшее происхождение, чем путеводители Геродота. Каир - преемник Мемфиса, а "каста" драгоманов еще не вымерла.

[pg 287]

Приложения.

Приложение I.

Египетские династии согласно Манефо (цитируется Юлием Африканом, 220 г.) и т. д.

[Выдержки из Африкана известны по Георгию Синкелосу (790 г. н. э.) и Евсевию (326 г. н. э.): там, где Евсевий отличается от Синкелоса, этот факт указывается].

(После каждого царя указано количество лет правления).

Династия I.-Тиниты: 8 царей.

1. Менес	62
2. Афотис, его сын	57
3. Кенкенес, сын его	31

4. Унефес, сын его	23
5. Усафаид, сын его (Ousaphaes, Eus.)	20
6. Миебидос, сын его (Ниебаес, Евс.)	26
7. Семемпес, сын его	18
8. Биенахес, его сын (Оубиентес или Вибетис, Евс.)	26
	--
Сумма	253
(Eus.	252
Действительно	263)

[pg 288]

Династия II.-Тиниты: 9 царей.

1. Боэтос (Бохос, Евс.)	38
2. Кайехос (Кхос или Кехус, Евс.)	39
3. Binôthris (Biophis, Eus.)	47
4. Тлас (безымянный по Эусу)	17
5. Сетенес (безымянный по Евс.)	41
6. Хайрес (безымянный по Евс.)	17
7. Неферкеры	25
8. Sesôkhris	48
9. Хенерес (безымянный у Евса)	30
	--
Сумма	302
(Eus.	297)

Династия III.- Мемфиты: 9 царей.

1. Нехерофес (Нехерохис, Евс.)	28
2. Тосортрос (Сесортос, Эвс.)	29
3. Тирей (безымянный по Евс.)	7
4. Мезохрис (безымянный по Евс.)	17
5. Sôuphis (безымянный по Eus.)	16
6. Tosertasis (безымянный Eus.)	19
7. Ахес (безымянный по Евс.)	42
8. Сефурис (безымянный по Евс.)	30
9. Керферы (безымянные по Евс.)	26
	--
Сумма	214
(Eus.	197)

Династия IV.- Мемфиты: 8 царей. (Eus. 17.)

1. Сорис (безымянный у Евса).	29
2. Суфис I. (3-й царь династии, Евс.)	63
3. Суфис II. (безымянный по Eus.)	66
4. Менхерес (безымянный по Евс.)	63
5. Ратузы (безымянные по Eus.)	25
6. Бихери (безымянные по Евс.)	22
7. Себеркеры (безымянные по Евс.)	7
8. Thamphthis (безымянный по Eus.)	9
	--
Сумма	277
(Eus.	448
Действительно	284)

Династия V.- Элефантины: 9 царей.

(Эвсы. 31 царь, включая Отхоса или Отхия Первого и Фиопса; остальные безымянные).

1. Оусерхес	28
2. Сефры	13
3. Nepherkheres	20
4. Сисирь или сисихи	7
5. Кхерес или Эхерес	20
6. Ратхуры	44
7. Менхерес	9
8. Танкерес	44
9. Оуносы или Обносы	33
	--
Сумма	248
(Действительно	218)

Династия VI.- Мемфиты: 6 царей. (Нет числа в Eus.)

1. Отхос	30
2. Фиос	53 (или 3)
3. Менту-Суфис	7
4. Фиопс (прожил 100 лет)	94
5. Менте-Суфис	1
6. Нитокрис, царица	12
	--
Сумма	160

(Eus. 245)

Династия VII.-70 мемфитов в течение 70 дней. (Евс. 5 царей по 75 дней, или 75 лет по армянской версии).

Династия VIII.-27 мемфитов на 146 лет. (Евс. 5 царей на 100 лет, или 9 царей по армянской версии).

Династия IX.-19 Ираклеополиты в течение 409 лет. (Евс. 4 царя по 100 лет).

1. Ахтос ?

Династия X.-19 Гераклеополитов 185 лет.

Династия XI.-16 Фиванцы 43 года, после которых Амменемес царствовал 16 лет.

Конец первой книги Манефона, цари первых одиннадцати династий царствовали в общей сложности 2300 лет (евр. 2200) и 70 дней (на самом деле 2287 лет и 70 дней).

Династия XII.- фиванцы: 7 царей.

1. Сесонхосис, сын Амменемеса	46
2. Амменемес, убитый своими евреями	38
3. Сесострис	48
4. Лахарес (Ламарис или Ламбарес, евр.), строитель Лабиринта	8
5. Аммерес (безымянный по Евс.)	8
6. Амменемес (безымянный по Евс.)	8
7. Скемиофрис, его сестра (безымянная по Евс.)	4
	--
Сумма	160
(Eus.	245)

Династия XIII.-фиванцы: 60 царей за 453 года.

Династия XIV.- Ксоиты: 76 царей за 134 года. (Eus. 484 года).

Династия XV.- Пастухи: 6 финикийских чужеземцев в Мемфисе в течение 284 лет. (Евр. Фивы 250 лет).

1. Саиты	19
2. Впôn	44
3. Пахнан	61
4. Стаан	50
5. Арклес	49
6. Aphôbis	61
--	
Сумма	284

Династия XVI.- Пастухи: 32 царя за 582 года. (Евс. 5 фиванцев за 190 лет).

Династия XVII.-Пастухи: 43 царя за 151 год и 43 фиванца за 151 год. (Евс. Пастухи, чужеземцы-финикийцы в течение 103 лет:

1. Саиты	19
2. Бнон	40
3. Арклес (Арм. версия)	30
4. Афофис (арм. версия)	14
	--
Сумма	103

[pg 292]

Династия XVIII.- Фивы: 16 царей. (Евс. 14 царей.)

1. Амос[ис]	25
2. Хеброс (Хеброн, Евс.)	13
3. Аменофтис (Аменофис 21 года, Евс.)	24
4. Amensis или Amersis (опущено Евс.)	22
5. Мисафрис (Мифрил 12 лет, Евс.)	13
6. Mispthagmouthis	26
7. Touthmôsis	9
8. Аменофис Мемнон	31
9. Horos (Oros, Eus.)	37
10. Ахеррес (Ахенхерес или Ахенхерс 16 или 12 лет, евр.)	32
11. Rathôs (опущено Eus.)	6
12. Хебрес (Ахеррес на 8 лет, Евс.)	12
13. Ахеррес (Ахеррес на 15 лет, Евс.)	12
14. Армесес (Армаис Данаос, Евс.)	5
15. Рамесс (Рамесс Египетский 68 лет, Евс.)	1
16. Аменофат (Аменофис на 40 лет, Евс.)	19
	--
Сумма	263
(Евс.	348
Действительно	287)

Династия XIX.- Фивы: 7 царей. (Евс. 5 царей.)

1. Сэтос (55 лет, Евс.)	51
2. Рапсакс (Рампес на 66 лет, Евс.)	61
3. Амменефтес (8 лет, Евс.)	20
4. Рамесс (опущен Евс.)	60
5. Амменеммес (в течение 26 лет, Евс.)	5

6. Туорис или Полибос	7
	--
Сумма	209
(Eus.	194
Действительно	204)

[pg 293]

Династия XX.-Фебаны: 12 царей в течение 135 лет. (Евс. 172 или 178 лет.)

Среди 12 царей были

Нехепсос	19
Псаммутис	13
Kêrtos	16 (Eus. 12)
Рампсис	45
Аменес или Амменемес	26
Охирас	14
	--
Сумма	137

Династия XXI.- Таниты: 7 царей.

1. Смендес	26
2. Псусеннес (на 41 год, Евс.)	46
3. Нефелькеры (Неферкеры, Евс.)	4
4. Amenôphthis	9
5. Осохор	6
6. Псинахес	9
7. Псоусенны (на 35 лет, Евс.)	14
	--
Сумма	130
(Eus.	130
Действительно	114)

Династия XXII.- Бубаститы: 9 царей. (Eus. 3 царя.)

1. Сесонхис (Сесонхосис, Евс.)	21
2. Осортон	15
3, 4, 5. Безымянный (опущен Eus.)	25
6. Takelôthis	13
7, 8, 9. Безымянный (опущен Eus.)	42
	--
Сумма	120

(Eus.	44
Действительно	116)

[pg 294]

Династия XXIII.- Таниты; 4 царя. (Евс. 3 царя.)

1. Петубатес (Петубастес на 25 лет, Евс.)	40
2. Osorkhō Hêraklēs (Osorthôn на 9 лет, Eus.)	8
3. Psammous	10
4. Zêt (опущено Евс.)	31
	--
Сумма	89
(Eus.	44)

Династия XXIV.- Один Саит.

1. Бокхорис - законодатель (44 года, Евс.) 6

Династия XXV.- Эфиопы: 3 царя.

1. Сабакон (12 лет, Евс.)	8
2. Себихос, его сын (12 лет, Евс.)	14
3. Тиаркос (Таракос на 20 лет, Евс.)	18
	--
Сумма	40
(Eus.	44)

Династия XXVI.- Саиты: 9 царей. (Евс. 1, Аммерис Эфиопский 18 или 12 лет).

1. Стефинат (Стефинатис, 2-й царь, Евс.).	7
2. Нехепсос (3-й царь, Евс.)	6
3. Нехао (на 6 лет, Евс.)	8
4. Псамметих (на 44 или 45 лет, Евс.)	54
5. Нехао II.	6
6. Псаммутис II. (или Псаммитихос, 17 лет, Евс.)	6
7. Уафрис (на 25 лет, Евс.)	19
8. Амосис (42 года, Евс.)	44
9. Псаммехериты (опущено Евс.)	1/2

Сумма	150-1/2
(Eus.	167)

[pg 295]

Династия XXVII.- Персы: 8 царей.

(За каждым царем следует количество лет и месяцев правления).

1. Камбис, в 5-й год своего правления (3 года, Евс.)	6 0
2. Дарей, сын Гистаспеса	36 0
3. Ксеркс I.	21 0
4. Артабанос (опущен Евс.)	0 7
5. Артаксеркс	41 0
6. Ксеркс II.	0 2
7. Согдианос	0 7
8. Дарейос, сын Ксеркса	19 0
	--
Сумма	124 4
(Eus.	120 4)

Династия XXVIII.- Один Сайт.

1. Амиртайос 6 0

Династия XXIX.- Мендесианцы: 4 царя. (Евс. 5 царей.)

1. Неферит I. или Нехерит	6 0
2. Ахорис	13 0
3. Psammouthes	1 0
(Евс. вставляет сюда Мутиса, 1 год).	
4. Нефериты II.	0 4
	--
Сумма	20 4
(Eus.	21 4)

Династия XXX.- Себенниты: 3 царя.

(За каждым царем следует число лет правления).

1. Нектанебес I. (10 лет, Евс.)	18
2. Теос	2
3. Нектанебес II. (на 8 лет, Евс.)	18
	--
Сумма	38
(Евс.	20)

[pg 296]

Династия XXXI.- Персы: 3 царя.

1. Охос, на 20-м году жизни (6 лет, Евс.)	2
2. Арс (на 4 года, Евс.)	3

3. Дарейос (на 6 лет, Евс.)	4
	--
Сумма	9
(Eus.	16)

Династии Манефо согласно Иосифу.

Династия XV.- Гиксосы или Пастухи.

После свержения Тимайоса, последнего царя четырнадцатой династии, наступил период анархии.

(После каждого царя указано количество лет и месяцев правления).

1. Салатис в Мемфисе	13 0
2. Беон	44 0
3. Апахнас	36 7
4. Apôphis	61 0
5. Яния или Аннас	50 1
6. Ассис	49 2

Династии XVIII и XIX.- Фивы.

1. Тетмосис	25 4
2. Хеброн, его сын	13 0
3. Аменофис I.	20 7
4. Амсесс своей сестры	21 9
5. Мефрес	12 9
6. Mephramouthôsis	25 10
7. Thmôsis	9 8
8. Amenôphis II.	30 10
9. Орос	36 5
10. Акенхрес, его дочь	12 1
11. Ратотис ее брат	9 0
12. Akenkheres I.	12 5
13. Акенкерес II.	12 3
14. Армаис	4 1
15. Рамесс	1 4
16. Армесс Майамун	60 2
17. Аменофис III.	19 6
18. Сетосис Египетский и Рамесс (или Гермей) Данаосский	59 0
19. Рампесс, его сын	66 0
20. Аменофис, сын его	?

21. Сетхос Рамесс его сын

?

[Порядок должен быть следующим: 15, 18, 19 (идентичен 16), 20 (идентичен 17)].

The Theban Kings Of Egypt According To Eratosthenes.

(За каждым царем следует число лет правления).

1. Менес, фиванский царевич, в переводе "из Амона".	62
2. Афотес, сын Мена, толкуется как "рожденный от Тота".	59
3. Атотес II.	32
4. Диабиес, его сын, в переводе "любящий своих товарищей".	19
5. Пемфос, брат его, толкуемый как "сын Геракла" (Семемпсис)	18
6. Тойгар, непобедимый Момхейри, мемфит, толкуется как "с лишними конечностями" (Тосортрос)	79
7. Стоихос, его сын, толкуется как "бесчувственный Арес" [? Установлено]	6
8. Госормий (возможно, Тосертасис)	30
9. Марес, его сын, по толкованию "дарованный солнцем"	26
10. Аноифис, его сын, толкуется как "распутный" или "праздничный"	20
11. Сириос, толкуемый как "сын боковых волос" или "незавидный"	18
12. Хнубос Гнеурос, толкуемый как "золотой сын золотого"	22
13. Раусис, толкуется как "главный правитель" (Ратосес)	13
14. Бийрес (Бихерес)	10
15. Саофис, в переводе "длинноволосый" или "торговец" (Хеопс)	29
16. Саофис II. (Хефрен)	27
17. Мосхерес, в переводе "отданный солнцу" (Микеринос)	31
18. Мустис	33
19. Паммес Архондес (Пепи I.)	35
20. Пампос Великий (Пепи II.)	100
21. Эхезо-Сокарас (Сокар-м-саф)	1
22. Нитокрис, царица, в переводе "Нит - победительница".	6
23. Миртаиос, отданный Амону	22
24. Тиоси-марес, в переводе "сильное солнце".	12
25. Тиринос или Тинилос, толкование "увеличивший силу своего отца" (Нефер-ка-Ра-Терел)	8
26. Семфрукрат, интерпретированный "Hêraklês Harpokrates"	18
27. Тиран Кхутхер Таурос (возможно, Ахтоес)	7
28. Мерес	12
29. Khômaerphtha, в переводе "мир, любящий Птаха".	11
30. Сойкуниосохос, тиран	60

31. Пенте-атирис	16
32. Stammenes III. (Amen-m-hat II.)	23
33. Систоси-хермес, в переводе "Ираклий сильный" (Usertesen II.)	55
34. Марис (Амен-хат III.)	43
35. Сифиас (Сифтас), в переводе "Тот, сын Птаха" (Си-Птах)	5
36. Имя утрачено	14
37. Фрурон или Нилос (Себек-Неферу-Ра)	5
38. Амутантайос	63

[pg 299]

Египетские цари согласно памятникам.

Династия I.

Абидос.	Саккара.	Туринский папирус.	Манефо.
1. Мени		Мени	Менес
2. Тета		Атут	Атотис
3. Атота			Кенкенес
4. Ата			Уэнефес I.
5. Хусапти		Хусапти	Ousaphaidos
6. Мер-ба-па	Мер-ба-пен	Мер-ба-пен, 73 года.	Миебидос
7. Самсу		Самсу, 72 года.	Semempses
8. Кабх(у)	Кабху	Кабху, 83 года.	Бьенехес.

Династия II.

Абидос.	Саккара.	Туринский папирус.	Манефо.
1. Бузау	Бай-нутер	(Бузау), 95 лет.	Boêthos
2. Какау	Какау	Какау	Кайехос
3. Ба-нутер-ен	Ба-нутер-ен	Ба-нутер-ен, 95 лет.	Бинотрис
4. Узнас	Узнас	(Узнас), 70 лет.	Тлас
5. Senda10	Отправить	Сенда, 74 (?) года.	Sethenes
6.	Нефер-ка-Ра	(Нефер-ка-Ра), 70 лет.	Неферхерес.

Династия III.

Абидос.	Саккара.	Туринский папирус.	Мането.
1.	Нефер-ка-Сокар	Нефер-ка-Сокар (? 2) 8 лет 4 месяца 2 дня.	Nekherophes
2.	Зефа	Ху-Зефа, 25(?) лет 8 мес. 4 дис.	Тосортрос
3.	Бабай		
4. Зазай		Зазай, 37 лет, 2 месяца, 1 день.	Тайрис

5.	Неб-ка		Неб-ка-(Ра), 19 лет.	Месохрис
6.	Зосер-Са	Зосер	Зосер, 19 лет 2 месяца.	Sôyphis
7.	Тета II.	Зосер-тета	Зосер-тета, 6 лет.	Tosertasis
8.	Сезе	Неб-ка-Ра		Ахес
9.	Нефер-ка-Ра I.		(Нефер-ка-Ра), 6 лет.	Sephouris
10.		Хуни	Хуни, 24 года.	Керферы.

ДИНАСТИЯ IV.

	Абидос.	Саккара.	Туринский папирус.	Манефо.
1.	Снефру	Снефру	Снефру, 24 года.	Сорис
2.	Хуфу	Хуфу	(Хуфу), 23 года.	Суфис I.
3.	Ра-дад-ф	Ра-дад-ф	(Ра-дад-ф), 8 лет.	Ratoises
4.	Khâ-f-Ra	Khâ-f-Ra		Суфис II.
5.	Men-kau-Ra		[Мен]-кау-[Ра]	Menkheres
6.	Шепсескаф		Шепескаф	Себеркерес (?)

ДИНАСТИЯ V.

	Абидос.	Саккара.	Туринский папирус.	Манефо.
1.	User-ka-f	User-ka-f	(Userkaf), 28 лет.	Ouserkheres
2.	Саху-Ра	Саху-Ра	(Sahu-Ra), 4 года.	Sephres
3.	Кака		(Кака), 2 года.	
4.	Нефер-Ра	<i>Нефер-ар-ка-Ра¹¹</i>	(Nefer-ar-ka-Ra), 7 лет.	Неферхерес
5.		Шепсес-ка-Ра	(Shepses-ka-Ra), 12 лет.	Сисирес
6.		Khâ-nefer-Ra		Kheres
7.			Акау-Хор, 7 лет. ¹²	Rathoures
8.	Ра-н-узер (Ан)		(Ra-n-user-An), 25 лет.	
9.	Мен-кау-хор	Мен-кау-Хор	Мен-кау-Хор, 8 лет.	Менхерес
10.	Папа-ка-Ра (Асса)	Mâ-ka-Ra	Папа(-ка Ра Асса), 28 лет.	Танкерес
11.	Унас	Унас	Унас, 30 лет.	Обнос.

ДИНАСТИЯ VI.

	Абидос.	Саккара.	Туринский папирус.	Манефо.
1.	Тета III.	Тета		Othoes
2.	User-ka-Ra		(Ати?)	
3.	Мери-Ра (Пепи и.)	Рері I.	(Рері I.), 20 лет.	Phios
4.	Мери-н-Ра Михт-м-Саф и.	Мер-н-Ра I.	(Miht-m-saf I.), 14 лет.	Methousouphis
5.	Нефер-ка-Ра (Пепи и.)	Нефер-ка-Ра	(Рері II.), 9 (4) лет.	Phiops
6.	Мер-н-Ра Михт-м-Саф II.		(Miht-m-saf II.), 1 год и 1 месяц.	Ментесуфис

ДИНАСТИИ VII. И VIII. [13](#)

Туринский папирус.

1. Нефер-ка, 2 года, 1 месяц, 1 день.
2. Неферус, 4 года, 2 месяца, 1 день.
3. Аб-н-Ра I., 2 года 1 мес. 1 день.
4. ... 1 г. 8 дн.
5. Аб-н-Ра II.
6. Ханти
7. Пест-сат-н-Сопд
8. Pait-kheps
9. Серхлиниб. [14](#)

Абидос.

1. Нутер-ка-Ра
2. Мен-ка-Ра
3. Нефер-ка-Ра III.
4. Нефер-ка-Ра IV. Неби
5. Дад-ка-Ра Шема
6. Нефер-ка-Ра ПРОТИВ Кхонду
7. Мер-н-Хор
8. Снефер-ка и.
9. Ка-н-Ра.
10. Нефер-ка-Ра VI. Терел
11. Нефер-ка-Хор
12. Нефер-ка-Ра VII. Пепи-Сенеб
13. Снефер-ка II. Анну
14. [User-]kau-Ra
15. Nefer-kau-Ra
16. Nefer-kau-Hor
17. Нефер-ар-ка-Ра.

ДИНАСТИЯ IX. Памятники.

Хити (или Хрути) I. Мер-аб-Ра (ахтоны Мането) Âa-hotep-Ra Skhâ-n-Ra
 Аах-мес(?) - Ра
 Mâa-ab-Ra Се-н(?) - [му-Ра15](#)

Khâ-user-Ra

ДИНАСТИЯ X.

Памятники.

Мер-ка-Ра

Туринский папирус.

Нефер-Хепу-Ра

Ра-Хотеп-аб Аму-си-Хор-нез-Хиртеф

Нефер-ка-Ра

Кхити II.

Се-херу-эрри

[Амени?] [16](#)

Мер ...

Мех ...

Ху ...[17](#)

ДИНАСТИЯ XI.[18](#)

Карнак.	Другие памятники.
1. Антеф I., принц (Фив)	Сешеш-Хор-ап-маа-Ра Антуф-Аа
2. Менту-хотеп I., фараон	Неб-хотеп Менту-хотеп I.
3. Антеф II.	Uah-ânkh [Ter?]-seshes ap-mâa-Ra Antef-Aa, его сын
4. Антеф III.	Сешеш-шер-маа-ра Антеф, его брат
5.	Нутер-нефер Неб-тауи-Ра Менту-Хотеп II.
6. Антеф IV.	Нуб-хепер-Ра Антауф (более 50 лет)
7. Неб-[хру]-Ра	Неб-хру-Ра Менту-Хотеп III. (более 46 лет)
8.	Царица Аа
9.	Антеф ПРОТИВ ее сына
10. S-ânkh-ka-Ra	S-ânkh-ka-Ra19

[pg 304]

ДИНАСТИЯ XII.

Памятники.	Туринский папирус.	Манефо.
1. Амен-хат I. С-Хотеп-аб-Ра один, 20 лет. С Усертесеном II., 10 лет.	С-Хотеп-аб-Ра, 19 лет.	Амменемес
2. Усертесени. Хепер-ка-Ра один, 32 года. С Амен-хатом II., 3 года.	... 45 лет 7 месяцев.	Sesonkhosis
3. Амен-хат II. Нуб-кау-Ра один, 29 лет. С Усертесеном II., 6 лет.	... 3[2] года.	Амманемес
4. Усертесен II. Khâ-kheper-Ra	... 19 лет.	Сесострис
5. Usertesen III. Khâ-kau-Ra (более 26 лет)	... 3[8] года.	Lakhares
6. Амен-м-хат III. Маат-н-Ра, 43 года.	... 4[3] года.	Ammeres
7. Амен-м-хат IV. Mâ-khru-Ra	Ма-хру-[Ра], 9 лет 3 месяца 27 дней.	Ammenemes
8. Себек-Нефру-Ра (царица)	Себек-Нефру-Ра, 3 года 10 мес. 24 дис. Сумма лет двенадцатой династии: 213 лет 1 мес. 17 дн.	Скемиофрис

[стр. 305].

ДИНАСТИИ XIII. и XIV. Туринский папирус.[20](#)

1. Себек-хотеп II. [Сехем]-ху-тауи-Ра (сын Себека-Нефру-Ра), 1 год 3 мес. 24 дн.

2. Сехем-ка-Ра, 6 лет.
3. Ра Амен-м-хат в.
4. С-хотеп-аб-Ра II.
5. Офни, 2 года.
6. S-ânkh-ab-Ra [Ameni Antuf Amen-m-hat], 1 год.
7. S-men-ka-Ra
8. S-hotep-ab-Ra III.
9. S-ânkh-ka-Ra
- 10, 11. Разрушенный
12. Nezem-ab-Ra
13. Ра-Себек-Хотеп II.
14. Ран-Сенеб
15. Ауту-аб-Ра I. (Хор)[21](#).
16. Сезеф-[ка]-Ра
17. Сехем-кху-тауи-Ра II. Себек-хотеп III.
18. User-n-Ra
19. С-менх-ка-Ра Мер-менфиу
20. ... ка-Ра
21. S-user-set-Ra
22. Sekhem-uaz-taui-Ra Sebek-hotep IV.
23. Khâ-seshesh-Ra Нефер-хотеп, сын Ха-анх-фа.
24. Си-Хатор-Ра
25. Khâ-nefer-Ra Sebek-hotep v.
26. [Khâ-ka-Ra].
27. [Khâ-ânkh-Ra Sebek-hotep VI.]
28. Кха-хотеп-Ра Себек-хотеп VII., 4 года 8 месяцев 29 дней.
29. Уаб-Ра Аа-аб, 10 лет 8 мес. 29 дис.
30. Мер-Нефер-Ра-Аи, 23 года [22 года](#) 8 месяцев 18 дней.
31. Мер-хотеп-Ра-Ана, 2 года 2 мес. 9 дис.
32. С-анх-н-с-уазту-Ра, 3 года 2 месяца.
33. Мер-сехем-Ра Анран,[23](#) 3 года 1 мес.

34. С-уаз-ка-Ра Ур, 5 лет. ...мес. 8 дис.

35. Анемен ... Ра

[pg 306]

36-46. Разрушенный

47. Мер-кепер-Ра

48. Мер-кау-Ра Себек-хотеп VIII.

49-53. Разрушенный

54. ... mes-Ra

55. ... mât-Ra Aba

56. Нефер-Убен-Ра I.

57. ... ka-Ra

58. S-uaz-n-Ra.

59-60. Разрушенный

61. [Нехаси-Ра24](#)

62. Khâ-khru-Ra

63. Неб-ф-ауту-Ра, 2 года 5 месяцев 15 дней.

64. S-heb-Ra, 3 года.

65. Мер-зефа-Ра, 3 года.

66. С-уаз-ка-Ра, 1 год.

67. Неб-зефа-Ра, 1 год.

68. Убен-Ра I.

69-70. Разрушен

71. [Неб-]зефа-Ра II., 4 года.

72. [Нефер-]Убен-Ра II.

73. Ауту-аб-Ра II.

74. Her-ab-Ra

75. Неб-сен-Ра

76-79. Разрушенный

80. С-кепер-н-Ра

81. Dad-khru-Ra

82. S-ânkh-ka-Ra

83. Nefer-tum-Ra

84. Сехем ... Ра

85. Ка ... Ra

86. Нефер-аб-Ра

87. А ... ка-Ра

88. Khâ ... Ра, 2 года.

89. Нез-ка ... Ra

90. С-мен ... Ра

91-111. Уничтожены.

112. Сехем ... Ра

113. Сехем ... Ра

114. Сехем-ус ... Ра

115. Сесен ... Ра

116. Неб-ати-узу-Ра

117. Неб-атен-узу-ра

118. С-мен-ка-Ра

119. С-узер-[атен]-Ра

120. Khâ-sekhem-[hent]-Ra

Еще около 37 имен неразборчивы.

[ДИНАСТИИ XIII. и XIV. Карнак.

1. ...ка.

2. С-уаз-н-Ра (Нефер-ка-Ра).

3. S-ankh-ab-Ra (Т. Р. 6)

4. Сехем-кху-тауи-Ра (Т. П. 17)

[pg 307]

5. Sekhem-s-uaz-taui-Ra. (Т. Р. 22)

6. Khâ-seshesh-Ra (Т. Р. 23)

7. Khâ-nefer-Ra (Т. Р. 25)

8. Khâ-ka-Ra (Т. Р. 26)

9. Khâ-ânkh-Ra (Т. Р. 27)

10. Kha-hotep-Ra

11. S-nefer-Ra

12. ... Pa

13. Ses-user-taui-Ra

14. Мер-сехем-Ра

15. Сехем-уаз-хау-Ра (СЕБЕК-М-САФ-И.)

16. S-uah-n-Ra

17. [Sekhem]-uah-khâu-Ra (Sebek-m-saf II.)

18. За ... Ра

19. S-uaz-n-Ra

20. С-нефер ... Ра

21. ... Ра.

Другие памятники.

Мен-хау-Ра Ан-аб

Сехем-ап-тауи-Ра

Нефер-Хепер-ка-Ра

Мут-р-ка-н-Ра

Та-неб-н-Ра

Сехем-нефер-хау-ра Апхеру-м-саф

Маа-нт-н-Ра Тер-н-Ра

Сенб-ин-ма

Уазд

Khâ-nefrui

Мен-нефер-Ра (Менофрес)

Сехем-шедди-тауи-Ра Себек-м-саф II.

Ра-сешес-мен-тауи Техути].

Династии XV. и XVI. Туринский папирус.

1. Абехнас... (?)

2. Апепи

3. А ...

Другие памятники.

Шалати (?)

Банан (?)

Йакоб-Хал ("Иаков-Эль")

Хиан С-усер-(Сет-)н-Ра

Апепи I. Аа-усер-Ра (царствовал более 33 лет)

Апепи II. Аа-аб-тауи-Ра.

[pg 308]

Династия XVII.

Скенен-Ра Таа I. (современник Апепи II.)

Скенен-Ра Таа II. Аа

Скенен-Ра Таа III. Кен

Уаз-хепер-Ра Ка-мес и жена Аа-хотеп.

Другими царями семнадцатой династии были:.

Си-па-ар-Ахмес

Аах-хотеп

С-хент-неб-Ра

Амен-са

Хепер-ка-н-Ра

С-нехт-н-Ра.

Династия XVIII.

	Мането.
1. Неб-пехути-Ра Аахмес (более 20 лет), и жена Неферт-ари-Аахмес ²⁵	Амос
2. Сер-ка-Ра Амен-хотеп I., его сын (20 лет 7 месяцев); его мать сначала была регентшей	Аменофис I.
3. Аа-хепер-ка-Ра Техути-мес I., его сын, и жена Аахмес Мери-Амен, и царица Амен-сит.	Хеброн (?)
4. Аа-хепер-н-Ра Техути-мес II., его сын (более 9 лет), и жена (сестра) Хашепсу I. Ма-ка-Ра	Amensis
5. Хнум Амен Хашепсу II. Ма-ка-Ра, его сестра (более 16 лет)	Аменсис (?)
6. Ра-мен-хепер Техути-мес III., ее брат (57 лет 11 месяцев 1 день, р. ок. 1503, 20 марта-1449, февраль 1426)	Мисафрис
7. Аа-кхепру-ра Амен-хотеп II., его сын (более 5 лет).	Мисфрагмутоз
8. Мен-кхепру-Ра Техути-мес IV., его сын (более 7 лет)	Таутмос

9. Неб-ма-Ра Амен-хотеп III., его сын (более 35 лет), и жена Тейе	Аменофис II.
10. Нефер-Хепру-Ра Амен-Хотеп IV. Ху-н-Атен ²⁷ , его сын (более 17 лет), и жена Нефруи-Тхи С-аа-ка-кхепру-Ра	Хорос
11. Анкх-кхепру-Ра, и жена Мери-Атен	Ахеррес
12. Тут-анх-Амен Кхепру-неб-Ра, и жена Анкх-нес-Амен	Ратотис
13. Атен-Ра-Нефер-Нефру-Мер-Атен	
14. Аи-Хепер-Хепру-Ар-Ма-Ра и жена Ти более 4 лет.	
15. Хор-м-хиб Ми-Амен Сер-кхепру-Ка (более 3 лет).	Армаис

ДИНАСТИЯ XIX.

1. Мен-пехути-Ра Рамессу I. (более 2 лет).	Манефо. Рамесс
2. Мен-ма-Ра Сети I. Мер-н-Птах I. (более 27 лет), и жена Туа	Сетхос
3. User-mâ-Ra (Osymandyas) Sotep-n-Ra Ramessu II. Ми-Амен (ок. 1348-1281 гг. Р.)	
4. Мер-н-Птах II. Хотеп-хи-ма Ба-н-Ра Ми-Амен	Амменефес
5. Усер-хепру-ра Сети II. Мер-н-Птах III.	Сетхос Рамесс
6. Амен-месу Хик-Ан Мер-кха-Ра Сотеп-н-Ра	Аменемес
7. Ху-н-Ра Сотеп-н-Ра Мер-н-Птах IV. Си-Птах (более 6 лет), и жена Та-Усер	Туорис

ДИНАСТИЯ XX.

1. Сет-нек-Мерер-Ми-Амон (отвоевал царство у финикийца Арису)	
2. Рамессу III. Хик-Ан (более 32 лет)	
3. Рамессу IV. Хик-Ма-Ми-Амен (более 11 лет)	
4. Рамессу V. User-mâ-s-kheper-n-Ra Mi-Amen (более 4 лет)	
5. Рамессу VI. Neb-mâ-Ra Mi-Amen Amen-hir-khopesh-f (Ramessu Meri-Tum в северном Египте)	
6. Рамессу VII. Ат-Амен Усер-ма-Ра Ми-Амен	
7. Рамессу VIII. Сет-хир-хопеш-ф Ми-Амен Пользователь-ма-Ра Ху-н-Амен	
8. Рамессу IX. Si-Ptah S-khâ-n-Ra Mi-Amen (19 лет)	
9. Рамессу X. Нефер-ка-Ра Ми-Амен Сотеп-н-Ра (более 10 лет)	
10. Рамессу XI. Амен-хир-хопеш-ф Хепер-ма-Ра Сотеп-н-Ра	
11. Рамессу XII. Men-mâ-Ra Mi-Amen Sotep-n-Ptah Khâ-m-uas (более 27 лет)	

[pg 311]

ДИНАСТИЯ XXI. НЕЗАКОННОРОЖДЕННЫЕ.

1. Хир-Хор Си-Амен, верховный жрец Амона в Фивах, и жена Незем-мут
2. Пианхи, верховный жрец, и жена Тент-Амен
3. Пинезем I., верховный жрец, и жена Хонт-тауи
4. Пинезем II., царь, и жена Ма-ка-Ра
5. Мен-хепер-Ра, верховный жрец, и жена Исида-м-хеб
6. Пинезем III., верховный жрец.

Династия XXI. Легитимная.

	Манефо.
1. Нес-Биндиди Ми-Амен	Смендес
2. P-seb-khâ-n I. Mi-Amen Aa-kheper-Ra Sotep-n-Amen	Psousennes I.
3. [Nefer-ka-Ra].	Nephelkheres
4. Amen-m-apt	Аменофтис
5.	Осохор
6. Пинезем (?)	Псинахес
7. Hor P-seb-khâ-n II.	Псусенны II.

Династия XXII.

	Манефо.
1. Шашанк I. Ми-Амен Хез-хепер-Ра Сотеп-н-Ра, сын Немарта (более 21 года), и жена Ка-ра-мат	Sesonkhis
2. Усаркон I. Ми-Амен Сехем-хепер-Ра (женат на Ма-ка-Ра, дочери П-себ-хана II.)	Осоркон
3. Такелет I. Mi-Amen Si-Isis User-mâ-Ra Sotep-n-Amen (более 23 лет)	
4. Усаркон II. Mi-Amen Si-Bast User-mâ-Ra (более 23 лет)	
5. Шашанк II. Ми-Амен Сехем-кепер-Ра	
6. Такелет II. Ми-Амен Си-Исис Хез-хепер-Ра (более 15 лет)	Такелотис
7. Шашанк III. Mi-Amen Si-Bast User-mâ-Ra (52 года)	
8. Пимаи Ми-Амен Усер-ма-Ра Сотеп-н-Амен	
9. Шашанк IV. Aa-kheper-Ra (более 37 лет)	

Династия XXIII.

	Манефо.
1. С-гер-аб-ра Пету-си-Баст	Петубасты
2. Усаркон III. Ми-Амен Аа-кхепер-Ра Сотеп-н-Амен	Осорхо
3. П-си-Мут Усер-Ра Сотеп-н-Птах	Псаммос
4.	Зет.

Междоцарствие.

Египет, разделенный между несколькими князьями, в том числе Теф-нехтом (Тнефахтом), отцом Бак-н-ран-фа. Его захватывает эфиоп Пианхи, а Усаркон III правит в Бубастисе. Сын и преемник Пианхи - Ми-Амен-Нут.

Династия XXIV.

Манефо.

1. Бак-н-ран-ф Уах-ка-Ра (более 16 лет)²⁸. Бокхори

[pg 313]

Династия XXV.

Мането.

1. Шабака Нефер-ка-Ра, сын Кашета (12 лет)

Сабако

2. Шабатака Дад-ка-Ра

Себихос

3. Тахарка Нефер-тум-кху-ра или Тирхака (26 лет)

Теаркос

Междоцарствие.

Ассирийское завоевание и разделение Египта на двадцать сатрапий, 672-660 гг. до н.э. Тахарка и его преемник Урдаману (Руд-Амен), или, как еще читается это имя, Тандаман (Тануат-Амен), предпринимают тщетные попытки вернуть его. У Манефо этот период представлен Стефинатом (Сотеп-н-Нит), Нехепсосом и Нехао, последний из которых в ассирийских надписях называется Нику, отец Псамметиха и вассальный царь Мемфиса и Саиса.

Династия XXVI.

Манефо.

1. Псамтик I. Уах-аб-Ра и жена Мехет-усех (ок. 664-610 гг. до н.э.)

Псамтих

2. Некау Нем-аб-Ра с женой Ми-мут Нит-акер (ок. 610-594 гг.)

Нехао

3. Псамтик II. Нефер-аб-Ра и жена Нит-акер (р. ок. 594-589)

Псаммутис

4. Уа-аб-Ра Хаа-аб-Ра и жена Аа-хотеп (до н. э. 589-570)

Уафрис

5. Аах-мес Си-Нит Хнум-аб-Ра и жена Тхент-хета (до н. э. 570-526)

Амосис

6. Псамтик III. Анх-ка-н-Ра (до н. э. 526-525)

Псаммехериты

[pg 314]

Династия XXVII.

Манефо.

1. Камбатхет Сам-тауи Месту-Ра (ок. 525-519 гг.)

Камбис

2. Нтариуш и. Сетту-Ра (ок. 521-485 гг.)

Дарейос I.

3. Хаббаш Сенен Танен Сотеп-н-Птах (ок. 485 г. р.)

4. Хшериш (до н. э. 484)

Ксеркс I.

Артахшарша (р. ок. 465-425)

Артаксеркс

Нтариуш Ми-Амен-Ра (ок. 424-405 гг. р.)

Дарей II.

Династия XXVIII.

Манефо.

Амен-арт-рут²⁹ (более 6 лет), до н. э. 415 г. Амиртайос

Династия XXIX.

Манефо.

1. Неф-аа-рут и Ба-н-Ра Ми-нутеру (более 4 лет).	Нефериты I.
2. Хакори Хнум-ма-Ра Сотеп-н-Птах (13 лет).	Ахори
3. P-si-Mut User-Ptah-sotep-n-Ra (1 год).	Псаммутес
4. Хор-неб-кха (1 год)	Мутес
5. Неф-аа-рут II. (1 год).	Нефериты II.

Династия XXX.

Манефо.

1. Нехт-хор-хиб Ра-снесем-аб Сотеп-н-Анхур, сын Неф-аа-рута I. (9 лет).	Нектанебес I.
2. Зиху (1 год)	Теос
3. Нехт-неб-ф Хепер-ка-Ра (18 лет)	Нектанебес II.

[pg 316]

Приложение II. Библейские даты.

1348-1281 гг. до н.э. Рамсес II, фараон угнетения и строитель Питома.

Цир. 1200. Кампания Рамсеса III. в Иудее и Моаве.

Цир. 960. Соломон женится на дочери танитского фараона и получает Гезер.

Цир. 925. Шишак (Шашанк и.) вторгается в Палестину и берет Иерусалим.

Цир. 900. Вторжение Зераха (Осоркон II.) в Иудею.

725. Хошеа Израильский заключает союз с Св Египтом.

720. Саргон побеждает "фараона" и его полководца Сибе при Рафии.

701. Поражение Тирхака от Сеннахериба при Эльтеке.

674. Вторжение в Египет Эсар-Хаддона.

670. Тирхака изгнан с границы в Мемфис и далее в Эфиопию.

668. Восстание в Египте подавлено Ассур-бани-палом.

665. Разрушение Фив (Но-Амон) ассирийцами.

609. Нехо вторгается в Азию; поражение и смерть Иосии.

605. Нехо разбит Навуходоносором при Кархемише; потеря азиатских владений.

Цир. 585. Иудеи бегут в Египет, унося с собой Иеремию.

567. Египет захвачен Навуходоносором.

[pg 317]

320. Палестина захвачена Птолемеем I; многие евреи поселены им в Египте.

Цир. 280. Начался перевод Ветхого Завета на греческий язык.

167. Птолемей Филометор разрешил Онии построить храм в Луке.

4. Бегство Святого Семейства в Египет.

70 г. н.э. Веспасиан приказывает префекту Лупусу закрыть храм в Луке.

[pg 326]

Приложение III. Греческие писатели о Египте.

(1) Гекатай из Милета, тиран, государственный деятель и писатель, до н. э. 500-480 гг. Отправлен послом к персам после подавления восстания ионийцев. Путешествовал по Египту вплоть до Фив. Его рассказ о Египте содержится в его большом труде по географии, ныне утраченном.

(2) Фалес Милетский, философ, ок. 500 г. до н.э. Писал о причинах затопления Нила.

(3) Элланик из Митилены, историк, ок. 420 г. Написал рассказ о Египте и путешествии в оазис Аммон, ныне утраченный.

(4) Геродотос из Галикарнаса, историк, ок. 445-430 гг. Путешествовал по Египту вплоть до Файюма. Его рассказ о Египте содержится главным образом во второй книге его истории.

(5) Демокрит из Абдеры, философ, ок. 405 г. Провел пять лет в Египте, написал книги по географии и эфиопской иероглифике, ныне утраченные.

(6) Аристагор из Милета, до н. э. 350 г. Написал историю Египта по меньшей мере в двух книгах, ныне утраченных.

(7) Евдокс из Книдоса, философ. Посетил Египет в 358 г. до н. э. и написал о нем рассказ в своем труде по географии, ныне утраченном.

(8) Лев из Пеллы, до н. э. 330. Написал книгу о египетских богах, ныне утраченную.

(9) Гекатаиос из Абдеры, ок. 300 г. Жил при дворе [pg 327] Птолемея I., путешествовал вверх по Нилу и осматривал фиванские храмы. Написал историю Египта, первая книга которой была посвящена египетской философии, ныне утраченной. Рассказ о Рамессеуме (храме Осимандиаса или Усир-ма-Ра), приведенный Диодором, заимствован из его работы.

(10) Манефо, египетский жрец из Себеннитоса, ок. 270 г. до н.э. Составил историю Египта на греческом языке на основе записей, хранившихся в храмах. Исправил многие ошибки Геродота, согласно Иосифу. Труд был разделен на три части, и Иосиф приводит из него рассказ о завоевании гиксосов, список царей восемнадцатой династии и египетскую легенду об исходе израильтян. Эпитома истории, вероятно, была добавлена в конце работы. Мы знаем ее по списку династий, который цитируют христианские писатели Юлий Африкан (220 г. н.э.) и Евсевий, оба из которых пытались согласовать ее хронологию с ветхозаветной. Труд Африкана утрачен, но список династий сохранился у Георгия Синкелоса, коадьютора Константинопольского патриарха (792 г.), который добавил два других списка, якобы взятых у Манефо, но на самом деле являющихся послехристианскими подделками ("Старая хроника" и "Книга Сотиса"). Евсевий цитирует переписчика Африкана или какого-то неизвестного переписчика самого Манефо, и его список сохранился (как и список Африкана) у Георгия Синкелоса, а также в армянском переводе. Манефо также писал (на греческом языке) о египетских праздниках и религии, но все его работы утрачены.

(11) Эратосфен из Киренаиды, географ, хронолог, астроном и математик, ок. 275-194 гг. Библиотекарь Александрийского музея при Птолемеях IV. Впервые определил широту мест, измерив длину солнечной тени в полдень самого длинного дня в Александрии, а затем [pg 328] вычислил расстояние до Ассуана, где тени вообще не было. В своей работе по хронологии (ныне утраченной) он привел список фиванских царей, выбранных из различных династий, подобно спискам Карнака или Абидоса. Он сохранился вместе с попыткой перевести значение имен. Переводы, однако, ошибочны, поскольку сделаны на основе греческих форм имен, сопоставленных со словами, бытовавшими в тогдашнем египетском языке.

(12) Птолемей из Мегалополя, 200 г. до н.э. Написал историю Птолемея Филадельфа, ныне утраченную.

(13) Калликсен из Родоса, ок. 210 г. Написал описание Александрии в четырех или более книгах, ныне утраченное.

(14) Филистос из Наукратиса, ок. 225 г. Написал описание Наукратиса, историю Египта в двенадцати книгах и рассказ о египетской религии в трех книгах: все утрачены.

(15) Харон из Наукратиса, ок. 160 г. Писал о Наукратисе и о преемственности жрецов Птолемеях; труды утрачены.

(16) Ликей из Наукратиса, ок. 160 г. Написал рассказ о Египте, ныне утраченный.

(17) Агатархидес из Книдоса, географ и историк, ок. 120 г. до н.э. Дал отчет о работе египетских золотых приисков (в своем географическом труде о Красном море), который сохранился у Фотия.

(18) Лисимах Александрийский, ок. 50 г. до н.э. Написал историю Египта, содержащую египетскую легенду об исходе евреев, которая сохранилась у Иосифа.

(19) Л. Корнелий Александр Полигистор, ок. 82-60 гг. Написал рассказ о Египте в трех книгах; ныне утрачен.

(20) Диодор Сицилийский (Диодор Сикул), историк, путешествовал по Египту, ок. 57 г., опубликовал свой большой исторический труд под названием "Библиотека", ок. 28 г. Первая книга его посвящена [pg 329] Египту и Эфиопии. В основном он цитирует Геродота,

Гекатая Абдерского, Эфора и других авторов, ныне утраченных. Мы полагаемся на него в том, что касается связной истории Египта в персидский период.

(21) Птолемей Мендесский, историк, 1 в. н.э. Написал историю Египта в трех (?) книгах, ныне утраченную.

(22) Страбон из Амасии, географ, 20 г. н.э. Путешествовал по Египту. Последняя (17-я) книга его большого труда по географии посвящена Египту.

(23) Апион из Эль-Харгеха, грамматик и историк, 40 г. н.э. Выступал за александрийцев против Филона и иудеев перед Калигулой. Написал историю Египта в пяти книгах, в третьей из которых обсуждался еврейский Исход; ныне утрачена.

(24) Хайрем из Наукратиса, стоический философ, 50 г. н.э. Был учителем Нерона. Написал рассказ о Египте и объяснение иероглифов; ныне утрачен.

(25) Иосиф, сын иудейского священника Матфея, родился в 37 г., получил свободу и имя Флавий, в 69 г. Цитирует Манефа, Лисимаха и т. д. в своих "Древностях иудеев" и "Против Апиона".

(26) Плутарх из Хайронеи, моралист, 125 г. н.э. Написал в Дельфах трактат об Исиде и Осирисе, который представляет большую ценность для истории Осирис-мифа.

(27) Птолемей Александрийский, географ, 160 г. н.э. Египет подробно и научно рассмотрен в его великом труде по географии.

(28) Святой Климент Александрийский, глава Александрийской (христианской) школы, 191-220 гг. В его "Строматях" много ссылок на египетскую историю и религию. Он делит египетское письмо на иероглифическое, иератическое и эпистографическое (или демотическое), причем первое подразделяется далее на алфавитное и символическое, а символические знаки - на подражательные, образные и ребусоподобные.

[pg 330]

(29) Юлий Африкан, христианский апологет, написал в 221 г. н.э. свою "Хронологию" в пяти книгах; ныне утрачена.

(30) Порфирий Батанейский, 233-305 гг. н.э., написал историю Птолемеев; ныне утрачена.

(31) Евсевий, епископ Кесарии, опубликовал в 326 г. н.э. свою "Хронику", содержащую список династий Манефа. Труд сохранился в армянском переводе.

(32) Гораполлон Нилопольский, грамматик, около 390 г., написал труд об иероглифах на коптском языке, который был переведен на греческий Филиппосом. Приведены только идеографические значения иероглифов, но они в основном правильные.

[pg 331]

Приложение IV. Археологические экскурсии в Дельте.

(1) Тель-эль-Йехудийе или Лук. Поезд из Каира в 10 утра, прибывающий в Шибин-эль-Канатер в 12.25. Покиньте Шибин-эль-Канатер в 5.57 вечера и доберитесь до Каира в 6.50. В Шибине

можно взять ослов, но до Теля полторы мили пешком через поля (на юго-восток). В Шибине есть кафе, примыкающее к станции, но рекомендуется брать обед из Каира.

(2) Кот-эль-Атриб или Атрибис. Эти курганы находятся недалеко от станции Бенха-эль-Асаль, к северо-востоку от города, и их можно легко исследовать между двумя поездами. Все поезда между Каиром и Александрией останавливаются в Бенхе.

(3) Наукратис. Курганы Наукратиса (Kôm Qa'if) находятся почти в пяти милях к западу от станции Те-эль-Баруд на линии между Каиром и Александрией, где останавливаются все поезда, кроме экспресса. Первая половина пути проходит по хорошей дороге под аллеей деревьев, но после того, как мы достигли деревни, путь лежит через поля. В Те-эль-Баруде не всегда можно найти ослов. Низкие курганы к западу от станции относятся не ранее к римскому периоду.

(4) Канопос или Абукир. Поезд отправляется со станции Рамлех в Александрии в 7.40 утра и прибывает в Абукир в 10.42 утра, возвращаясь из Абукира в 4.42 вечера. От станции можно пройти на север до храма Зефириона, открытого Даниносом-пашой в 1891 году. Затем [pg 332] пройти на восток вдоль берега, где скалы изрезаны ваннами и многочисленные реликвии древности лежат, полускрытые волнами.

(5) Монумент Дария, близ Суэца - Проехав более пяти миль по пустыне к северу от Суэца вдоль линии Пресноводного канала, мы оказались у фрагментов одной из гранитных стел, воздвигнутых Дарием в честь открытия канала между Красным морем и Нилом. На некоторых из них до сих пор можно обнаружить следы клинописных и иероглифических надписей. Стелы были возведены через определенные промежутки вдоль линии канала, и остатки трех других были найдены: на кургане в километре к югу от Тель-эль-Масхута или Питома, немного к востоку от станции Серапеум на Суэцком канале, и на боку кургана между 61-м километром канала и телеграфной станцией Кабрет. От Исмаилие до Тель-эль-Масхута по пустыне одиннадцать миль.

(6) Танис или Зоан - Самый простой способ посетить Танис или Сан - это переночевать в Мансуре, где есть вполне сносная гостиница, и отправиться утренним поездом (в 9.15) на станцию Абу-ль-Шекук, прибыв туда в 10.55 утра. Один из небольших дахабиев, курсирующих по каналу Моизз, который проходит мимо станции и ведет в Сан, должен быть заранее нанят, а слуга отправлен с продуктами накануне из Мансуры, чтобы подготовить его. Желательно также отправить кантину и постельные принадлежности. За несколько часов (от 8 до 10) путешественник доберется до Сана, где он может оставаться столько, сколько пожелает. В канале круглый год достаточно воды для плавания дахабиев. По пути в Абу-ль-Шекук проезжаем станцию Баклийе (в 9.41 утра), рядом с которой (на востоке) находится Тель-эль-Баклийе, или Гермопольская парва. Курганы-близнецы Тмей-эль-Амдид (Мендес и Тмуис) находятся недалеко к востоку от станции [pg 333] Симбеллаун, до которой можно добраться в 10.11 утра (или на поезде из Мансуры в 6.45 в 7.30 утра). Об ослах следует договариваться заранее. На курганах до сих пор стоит монолитная гранитная святыня Амасиса. Тель-эн-Небешех находится всего в восьми милях к юго-востоку от Сана.

(7) Хорбет или Фарбаитос - Выехав из Мансуры в 9.15 утра, поезд прибывает в Абу-Кебир в 11.55, где можно легко достать ослов. Приятно проехать три мили по полям до Хорбейта и гигантских монолитов Нектанебо. Поезд отправляется из Абу-Кебира в Загазиг и Каир в 4 часа дня, прибывая в Загазиг в 4.32, а в Каир - в 6.50 вечера.

(8) Бехбит (египетский Хебит, римский Изеум) - гранитные руины храма Исиды, построенного Птолемеем II, находятся в восьми милях по реке к северу от Мансуры, менее чем в получасе

ходьбы от восточного берега реки. На гранитных блоках высечены изящные барельефы. Руины являются излюбленным местом для пикников в Мансуре.

(9) Бубастис или Тель-Баст - руины древнего города находятся в нескольких минутах ходьбы от железнодорожной станции, и их можно посетить между двумя поездами. Место храма находится в центре курганов, со всех сторон от него возвышаются руины старых домов. В Загазиге есть бедная гостиница, которую содержит грек.

(10) Саис или Са-эль-Хагар - С тех пор как была построена железная дорога из Александрии в Каир, сюда стало трудно добраться. Ближайшая железнодорожная станция - Кафр-эз-Зайят, от которой до него (на ослике) около пяти часов езды. Путешествие по реке связано с прохождением нескольких мостов.

(11) Тель эд-Деффенех. Необходимы палатки и верблюды, а также питьевая вода, поскольку вода в канале и озере Мензалех солоноватая. Либо поездом до Салахии [pg 334] (отправление из Каира в 5 часов ВЕЧЕРА, прибытие в 9.35), либо, что лучше, переночевать в Исмаилии, а оттуда на трамвае доехать до Кантары. Расстояние по пустыне до Тель-эд-Деффене от Салахии и Кантары примерно одинаковое (одиннадцать миль), но в Кантаре легче достать ослон, чем верблюдов. В Кантаре (на восточной стороне канала) находятся памятники и тель (возможно, Зару). Эту экскурсию можно совместить с экскурсией в Пелузиум, проехав по пути мимо Тель-эль-Хира. Путь от Кантары до Пелузиума занимает более половины дня. Разбейте лагерь на краю песчаных дюн, в полутора милях от курганов Пелузиума, и идите к ним по грязи, которая иногда не выдерживает веса верблюда. Пресной воды там не достать.

[pg 335]

Сноски

1.

Осия ix. 6; Исаия xix. 13; Иеремия ii. 16.

2.

Пирамиды и храмы Гизека (первое издание), с. 44.

3.

Pap. Anastasi, i. p. 23, line 5.

4.

Horner, in the Philosophical Transactions of the Royal Society, 1855-58.

5.
Перевод Бругша, Египет при фараонах, англ. перевод первого издания, i. p. 266.
6.
Рамсес II правил с 1348 по 1281 год до н. э.; если бы стела в Сане была воздвигнута на двадцать восьмом году его правления, то четыреста лет отнесли бы нас к 1720 году до н. э. Сирийские войны были завершены договором с хеттами в двадцать первый год его правления.
7.
Такова продолжительность правления, приведенная Манефо, и с ней согласуются все датированные памятники Хорм-хиба, за исключением фрагмента в Британском музее (Египетские надписи, 5624), который, как предполагается, относится к седьмому и двадцать первому годам его правления. Но царь, к которому относятся эти даты, неясен, и доктор Берч может быть прав, считая, что имеется в виду Аменофис.
8.
См. исчерпывающую статью Масперо "Список Шешонка в Карнаке" в Journal of the Transactions of the Victoria Institute, xxvii. (1893-94).
9.
Sharpe, History of Egypt, i. p. 346.
10.
Надпись Шери, пророка Сенда, часть которой находится в Ашмолеанском музее в Оксфорде, а часть - в Каире, делает Пер-аб-сена преемником Сенда. Он соответствовал хайрам Манефо.
11.
В надписи, находящейся сейчас в Палермо, упоминается царь Ахтес рядом с Нефер-ар-ка-Ра.
12.
В гробнице Меры, обнаруженной г-ном де Морганом в Саккаре в 1894 году, Акау-Хор стоит между Унасом и Тетой.
13.
Одним из царей седьмой династии был Дад-нефер-Ра Дуду-мес, чье имя соединено с именами царей шестой династии в Эль-Кабе, и который построил в Гебелене.
14.
Последние пять имен приведены Лаутом.
15.
Имена этих шести царей встречаются только на скарабеех и помещены сюда профессором Петри.
16.
Амени упоминается в папирусе вместе с Кхити.
17.
Согласно Лауту, Туринский папирус относит к десятой династии девятнадцать царей и 185 лет.

18.

Согласно переложению Петри. Либлейн далее включает в династию, Ра-снефер-ка, Ра..., Усер-н-Ра, Неб-нем-Ра и Ан-аа.

19.

Согласно Либлейну, Туринский папирус насчитывает 243 года правления одиннадцатой династии, при этом Неб-хру-Ра царствовал 51 год.

20.

Согласно Бругшу.

21.

Его имя было найдено г-ном де Морганом в Дахшуре.

22.

Согласно Масперо, тринадцать лет.

23.

Масперо: Анду.

24.

Памятники Нехаси, "негра", были найдены в Тель-Мокдаме и Сан.

25.

В восемнадцатый год правления Ахмеса царица Амен-сит ассоциируется с ним на стеле, найденной в Фивах.

26.

Согласно астрономическому определению доктора Малера. Тотмес считал шестнадцать лет правления своей сестры частью своего собственного. Хашепсу был только его сводной сестрой, его матерью была Аст, которая, вероятно, не принадлежала к царской крови. Матерью Хашепсу была Хашепсу I.

27.

В одной из таблиц Тель-эль-Амарны он назван Хури[я]. Отсюда Хорос из Мането.

28.

В Лувре хранится договор, составленный в Фивах на шестнадцатом году его правления.

29.

Согласно Видеманну.
